

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (55) — 2010

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;
доктор исторических наук, профессор),
- С. Г. Айвазова** (Институт сравнительной политологии РАН, г. Москва; доктор политических наук),
- В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),
- В. Н. Аргунова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),
- И. С. Клёцина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
доктор психологических наук, профессор),
- З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный университет; доктор исторических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; кандидат исторических наук, доцент),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН; доктор политических наук),
- Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;
кандидат исторических наук, доцент)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

Наш адрес в Internet: www.womeninrussia.ru, www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге российской прессы «Почта России» 78462

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 2 (55) — 2010

Russian Ministry of Education and Sciences
Ivanovo State University

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr.Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University),
S. G. Aivazova, Dr.Sc. Politics (Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr.Sc. Economics (Ivanovo State University),
Prof. **V. N. Argunova**, Dr.Sc. Sociology (Ivanovo State University),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr.Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr.Sc. History (Nizhniy Novgorod State University),
Assoc. Prof. **T. B. Ryabova**, Cand.Sc. History (Ivanovo State University),
N. A. Shvedova, Dr.Sc. Politics (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo State University)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, ul. Ermaka, 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

Internet page: www.womeninrussia.ru, www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (55) — 2010

Директор издательства Л. В. Михеева

Редактор О. В. Боронина

Технический редактор И. С. Сибирева

Компьютерная верстка Т. Б. Земсковой

Подписано в печать 09.06.2010 г. Формат 70x108 ¹/₁₆
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 10,7. Уч.-изд. л. 7,9. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона»). 153002 Иваново, пр. Ленина, 47

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

ББК 60.542.21:63.3(0)62

Л. Н. Пушкарев

ПЕСНИ «ДАНЦИГСКИХ ПОЛОНЯНОК» (Из воспоминаний фольклориста-фронтовика)

65-летний юбилей Победы в Великой Отечественной войне памятен не только торжественными реляциями об освобождении наших городов от фашистского ига, но и горькими воспоминаниями о наших поражениях, тяжкими думами о миллионах погибших на фронтах и в тылу, о пленниках фашистских лагерей, об отданных в рабский труд пруссакам-фермерам наших военнопленных... Не только славны, но и жестоки и горьки итоги Великой Отечественной войны...

Прошло столько лет с тех пор, как отгремели последние залпы орудий и взрывы бомб, но в памяти — увы! — уже у немногих еще живущих ветеранов войны, фронтовиков сохраняются образы военных лет и истории человеческих судеб. Об одной из волнующих встреч на дорогах войны я и хочу рассказать.

Участвуя в Восточно-Прусской операции 13—24 января 1945 г. в составе 2-го Белорусского фронта, наша воинская часть вышла под Данциг, где помогла в освобождении из концентрационного лагеря девушек-заключенных. После того как они были выведены из зоны боевых действий и отправлены в тыл, комсорг 2-й роты И. М. Голуб (хлебороб из с. Губиниха Новомосковского района Днепропетровской области) обнаружил в канцелярии лагеря изъятые у девушек дневники и песенники, письма и документы. И. М. Голуб отобрал часть из них и тем самым фактически сохранил их от уничтожения. Вскоре в расположение лагеря упала бомба, и здание канцелярии сгорело.

Меня как фольклориста очень заинтересовали принесенные Голубом «песенники девушек-полонянок». Большая часть девушек была родом с Полтавщины. Два песенника содержали песни на украинском языке, а остальные — на русском. Будучи комсоргом батальона, я проводил ежедневные политбеседы с бойцами и сразу же использовал эти материалы в своей пропагандистской работе. Бойцы нашего батальона принимали близко к сердцу судьбы женщин.

К сожалению, сохранить груды «вещдоков» — писем и дневников — не представлялось возможным в военных условиях. Я только смог переписать часть песен с целью пополнения собираемых мною произведений устного народного творчества.

Проблемы женской и гендерной истории

В песнях, как в дневниках и письмах, звучала отчаянная горесть и вместе с тем огромная любовь к оставленной Родине, к далекой покинутой Полтавщине, к украинскому степному раздолью. Это даже повлияло на изменение песенного репертуара части. Многие бойцы переписали эти песни и пробовали петь их, в большинстве случаев на мотивы популярных, нередко народных украинских песен и называли их данцигскими — по названию лагеря.

Одна из таких песен исполнялась на мотив «Раскинулось море широко», причем особенно часто. Ее текст — из песенника Марины Довженко (кроме имени о ней ничего не известно):

Раскинулись рельсы стальные,
По ним эшелоны стучат.
Они с-под Полтавы уносят
В Германию наших девчат.

Прощайте, полтавские рощи,
Мне больше в лугах не гулять.
Придется в фашистской неволе
Мне век молодой коротать.

Забуть ли нам плач материнский
И хмурые лица отцов,
Которые нас провожали,
Как будто живых мертвецов...

Когда же с победой вернется
Мой брат, краснофлотец-герой,
То все вы ему расскажите
О бедной сестре молодой...

Видимо, этот вальсовый напев пришелся по душе несчастным пленницам: мне встретилось еще несколько песен на этот же мотив. Вот текст из песенника некой Тани Семенюк:

Раскинулись рельсы далеко,
По ним эшелоны гремят.
Они с Украины уносят
В Германию бедных девчат.

Прощай же, родной городишко,
Прощайте, друзья и семья;
Прощай, чернобровый мальчишка
И первая встреча моя...

Прощайте, луга и левады —
Мне больше уж вас не видать...
Я буду в немецкой чужбине
Свой век молодой коротать...

Но верю: вернется с победой
Мой брат, черноморец, домой.
Тогда вы ему расскажите,
О том, что случилось с сестрой...

В одной песне шел рассказ о жизни девушек в лагере. В ней было 20 куплетов, но в моих записях сохранилось лишь начало да два куплета из середины (дневник-песенник Наталки Хвощ):

Раскинулся лагерь широко,
В нем тысячи пленных живут,
Их бьют, истязают жестоко,
Они голодают и мрут.

По сетке бежит электрический ток,
За нею — канавы и доты.
Всегда наготове взведенный курок
И смотрят на нас пулеметы...

«Товарищ, не в силах я на ноги стать!» —
Сказал один пленный другому.
Я сильно ослаб, головы не поднять,
Видать, не вернусь я до дому.

Ты скажешь родным, что я здесь заболел.
«Эх, полно, мой друг, я не знаю...
На долю нам выпал несчастный удел,
Я сам, как свеча, догораю...»

Вот еще одна песня. У меня сохранилось лишь 3 куплета, а было их 12. Эта песня из тетрадки Галины Борщ:

Раскинулись рельсы далеко,
По ним эшелоны летят.
Они из Полтавы увозят
Несчастных и бедных девчат...

Забуду ли мамины слезы
И хмурые брови отцов,
Когда они нас провожали,
Как будто девчат-мертвецов...

Я верю, с победой вернется
Мой брат, пехотинец-герой.
Так пусть же братишка узнает
О том, что случилось с сестрой.

Далее в песне говорилось о том, какие унижения пришлось перенести Галине... Окончание, увы, не сохранилось.

Большой интерес уже тогда в нашей части вызвала песня, созданная на мотив старой русской песни ссыльных каторжан «Глухой, неведомой тайгою...» (вариант из песенника Сони Омельченко):

Глухой, неведомой дорогой,
Германской дальней стороной
Увозят девушек советских
В далекий-дальний край чужой...

Пылит и катится дорога,
Маячит каторга вдали...

Проблемы женской и гендерной истории

Укрой, лесочек, на часочек,
Чтоб убежать бы мы могли!

А там, под дальнею Полтавой,
Осталась мать, остался брат,
Остались сестры дорогие.
Ах, не вернуться мне назад...

На этот же мотив была сложена еще одна песенка из песенника-дневника Зои Петренко:

Глухой, неведомой дорогой,
Германской дальней стороной
Увозят девушек с Полтавы,
Увозят в дальний край чужой...

Пред нами — дальняя дорога,
До края моря путь лежит...
Укрой, спасительный лесочек,
Пока подружка убежит!

А дома, в солнечной Полтаве,
Осталась мать и малый брат,
Остались все мои родные —
Так сердцу хочется назад!

Дневник-песенник Ирины Шевчук содержал рассказ о жизни в лагере, о ее сновидениях, щемящих сердце воспоминаниях о доме, о прошлой жизни:

Сижу в плену, в краю далеком, чуждом,
А дни идут печальной чередой...
А далеко отсюда, под Полтавой,
Мой милый край и отчий дом родной...

И снится мне, как мать моя убога,
Закончив трудный и тяжелый день,
Взглянет в закате в дальнюю дорогу —
А не мелькнет ли там Ирины тень...

Ну как не позавидовать мне птицам
И облакам, плывущим в тишине.
Так далека родимая станица,
Где я бываю только лишь во сне...

Тоской и безысходностью веяло ото всех этих песен. Встречались и такие, в которых была надежда на расплату за все муки, что пережили заключенные. Так оканчивалась песня из дневника Маши Бородай:

Вагон качается, ночь надвигается,
Но так далек желанный сон...
Полтава милая все удаляется —
Идет на Балтику наш эшелон...

Прощай, околица, прощай же, улица,
Прощайте, девушки, отец и мать!

Душа тревожится, душа волнуется:
Мы едем мучиться и погибать...

Так знайте ж, сволочи вы все фашистские,
Настанет, близится ваш смертный час:
Войдут в Германию герои-воины
И отомстят они за всех за нас!

Жгучее желание расплаты содержалось в песне, записанной в тетрадку Лены Брик:

Я сижу в плену в краю далеком,
Дни бегут печальной чередой.
Далеко на юге, под Полтавой,
Мой любимый, милый хутор мой!

Снится мне, что мать моя, старушка,
Часто за околицу бредет,
И глядит на дальнюю дорогу,
И меня скорей обратно ждет.

Пусть пожар по свету полыхает,
Пусть война бушует по стране,
Все равно счастливый час настанет:
Разобьем фашистов на земле!

Часто в песнях «данцигских полонянок» звучали вера в освобождение и надежда («как компас земной») на него. Вот одна из таких записей из тетради Нади Савчук:

Увезли нас в железных вагонах
По широким полтавским степям,
Увезли нас, родимая мати,
За три тысячи верст от тебя!

Но я верю: вернусь я однажды
В наш родимый степной городок,
Постучу я в родное окошко
И взойду на родимый порог...

Ты, родимая, горестно встретишь,
Постаревшая с горя и слез,
Вот тогда мы расскажем друг другу,
Кто, и что, и когда перенес!

Приходилось только удивляться, что в песнях заключенных полтавчанок мотивы тяжелой неволи и нечеловеческих страданий не перерастали в безысходность. Надежда была на «братьев-солдат»: они принесут освобождение и отомстят за страдания. Такова песня «Что случилось с моею судьбою...». Она встретилась в тех тетрадках в четырех вариантах. Один из них — из песенника Анны Иванченко:

Ой вы, братья-солдаты, родные,
Выручайте вы нас поскорей,
Отомстите за наши страданья
И побейте вы фрицев-зверей!

Проблемы женской и гендерной истории

Пусть свинцовым дождем отольются
Слезы те, что мы льем по ночам.
Отомстите за наши страдания
Всем эсэсовцам, всем палачам!

Мы все верим: настанет свобода,
Вы придете, побьете врагов,
Всех насильников, извергов, гадов,
Всех эсэсовцев, всех немчуров!

Удивительно, но встречались в песенниках и частушки, чего я не мог даже предположить, поскольку эта форма устного народного творчества имеет определенную тональность. Но оказалось, что этот боевой жанр нашел свое место и среди песен «данцигских полонянок». Частушки кратко излагали судьбы угнанных в Германию — даровой рабочей силы, в них говорилось об ожидаемом отмщении советских солдат за поруганную девичью судьбу и честь. Вот что осталось в моих записях:

Распроклятая Германия
Затеяла войну,
Увезли меня с Полтавы
На чужую сторону.

Дует ветер, поддувает,
Нагоняет холоду.
А нас, лагерных девчонок,
Уморяют голодом!

Верю: нас освободят
Воины советские,
А вы за все ответите,
Холуи немецкие!

Мама, мама дорогая,
Забери меня домой!
Заграничная судьбина
Оказалась тюрьмой!

Неужели я пропала,
Неужели пропаду?
Неужели по лесочку
Я из лагеря не уйду?

Как загнали в лагерь нас
У самого озерушка...
Не сидел кто в лагерях —
Тот не знает горюшка!

Прошла весна, настала осень,
В саду цветочки отцвели,
Меня, девчонку молодую,
В фашистский лагерь отвели...

Ой, мама, милая, родная,
Зачем меня ты родила?
Чтобы фашистскому солдату
Я как подстилочка была...

Непредсказуема судьба фронтового фольклориста! Через несколько дней под одну из бомбежек попал и мой рукописный архив с данцигскими песнями и дневниками полтавчанок. Остались лишь те фрагменты, что я публикую спустя так много лет после тех памятных событий. Они долго лежали в моем архиве. Я надеялся найти хотя бы некоторых из тех, кто был освобожден из лагеря и мог бы что-либо сказать о держателях записей. Это надо было сделать сразу после войны и демобилизации. Но тогда, в голодные послевоенные годы, у меня были другие задачи.

Остается только в замечательный юбилейный год еще раз прославить подвиг советского народа, разгромившего фашистскую армию, и склонить голову перед памятью о тех, кто безвинно пострадал в этой страшной войне, кто пережил плен и ужасы фашистской неволи.

ББК 60.542.21:60.545:63.3(2)6

Л. А. Королева, А. А. Королев

**РОССИЙСКАЯ МУСУЛЬМАНКА-ТАТАРКА:
ИЗ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО, 1940—1980-е гг.
(По материалам Среднего Поволжья)**

В исламе, как, впрочем, и в других мировых религиях — христианстве и иудаизме, активно проводится мысль о вторичности женщины. О женщине, об отношении к ней в Коране встречается много упоминаний, женщине посвящена отдельная глава Корана, состоящая из 175 аятов. Вековая социальная и моральная дискриминация женщины привела ее к замкнутому образу жизни, пассивному стилю поведения и т. п. Кроме того, невозможность контроля или слабая регуляция процесса рождения детей ограничила сознание женщины вопросами, связанными, главным образом, с воспитанием детей, обусловила вытеснение ее из интеллектуальных сфер деятельности.

За длительный период времени в положении женщины произошли значительные изменения, но лишь во второй половине XX в. пришло понимание того, что мусульманская женщина — не только придаток мужчины и семьи, но и самостоятельная личность.

В СССР ислам претерпел заметную эволюцию. Модернизируя культ ислама, советское мусульманское духовенство стремилось не выходить за рамки исламского вероучения, но в отношении к женщине служители культа перешли

на более рациональные и реалистические позиции. Значение мусульманской женщины в обществе стало оцениваться исходя из того, что «национальное самосознание, верность традициям, уважение к предкам, любовь к родине — все эти качества закладываются в семье, и женщина играет далеко не последнюю роль в воспитании детей» [13, с. 3].

В послевоенные годы мусульмане явно активизировались, что было обусловлено либерализацией государственно-церковных отношений в целом в годы Великой Отечественной войны. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С. Д. Горбачев подчеркивал, что «в деятельности мусульманского духовенства и религиозных обществ <...> необходимо отметить некоторое их оживление в области расширения своего влияния на окружающее население» [1, ф. 2392, оп. 1, д. 1, л. 104], что отразилось в первую очередь на женщинах.

Уже с конца 1940-х гг. местное мусульманское духовенство, пытаясь «модернизировать свое религиозное учение и вопреки ранее принятым обычаям, открыто стало привлекать женщин-татарок в мечети» [1, ф. 2391, оп. 1, д. 5, л. 132]. Пензенский мухтасиб Я. С. Юсупов поощрял посещение женщинами мечетей, считая, что запрещение Корана в данном отношении устарело, поскольку именно через семью, через женщину идет воспитание с детства религиозного убеждения в ребенке. Мулл, которые уклонялись от привлечения женщин в мечети, он называл «твердолобыми» [там же, л. 85]. Один из представителей мусульманского духовенства в беседе с уполномоченным Совета по делам религиозных культов по Пензенской области заявил: «Женщина является другом мужчины. Она заботится о его здоровье, создает уют, воспитывает детей. Мы не можем оставить ее без нашего влияния. Раньше женщину просто незаслуженно обижали тем, что запрещали ей ходить в мечеть» [1, ф. 148, оп. 1, д. 5235, л. 67].

Поскольку Коран предписывает женщине молиться в мечети в отдельном от мужчины месте, в мечетях Среднего Поволжья были оборудованы специальные комнаты для моления женщин. В некоторых случаях оборудование отдельных помещений для молений женщин было связано даже с капитальным переоборудованием и перепланировкой мечети. Так, в мечети с. Нижняя Елюзань Городищенского района Пензенской области под помещение для молений женщин самовольно был переоборудован нижний этаж мечети — склад под дрова. Община самостоятельно, за счет своих средств, без получения соответствующего разрешения светских властей провела капитальный ремонт [там же].

Хотя в «Коране признаются человеческие и гражданские права женщин: осуждается излишняя жестокость мужа по отношению к жене, оговариваются имущественные права женщины, право на приданое, на наследство» [10, с. 527], мусульманские мужчина и женщина в повседневной практике далеко не равноправны.

Женщины-татарки Среднего Поволжья по религиозным убеждениям уклонялись от посещения клубов, кино, собраний и от участия в художественной самодеятельности. По мнению уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Пензенской области, «феодално-байские» обычаи в отношении

женщин были очень сильны: «Родители запрещали своим дочерям не только ходить в клуб, участвовать в художественной самодеятельности и выполнять общественные поручения, но даже не разрешают выходить одной вечером из дома на улицу, ходить к соседям и своим подругам. Родители разрешают только сходить вечером на девичьи деревенские посиделки, однако и в этом случае девушку от дома до посиделок и по возвращении домой обязательно сопровождает ее мать или кто-то из ее взрослых родственников» [1, ф. 2392, оп. 1, д. 49, л. 412]. Даже в середине 1960-х гг. в сельской местности Среднего Поволжья отмечались случаи, «когда замуж родители выдают свою дочь за молодого человека, которого она и в глаза не видела, и не была до этого знакома, а следовательно, вопреки ее желанию» [там же, д. 77, л. 320]. Как правило, девушки по окончании школы выбывали из комсомола.

Серьезной проблемой сельского татарского населения, особенно женского, было здравоохранение. Дело в том, что многие женщины-татарки в силу религиозных предрассудков не посещали медпунктов, не обращались к врачам, считали это неприличным, предпочитая бабушек-знахарок. Крайне редко сами приходили в медпункт, в лучшем случае вызывали медицинских работников на дом. На роды домой, как правило, приглашали не акушерку, а бабку-повивалку. В связи с этим работники медицинских пунктов проводили специальную разъяснительную работу среди женщин, выступали с лекциями на темы «О женских болезнях», «О борьбе с летними детскими заболеваниями», «О трахоме и борьбе с ней» и др. Но, подчеркивал один из уполномоченных Совета по делам религиозных культов, «все эти беседы не увязываются с антирелигиозными вопросами, не учитываются и не направляются культпросветотделом по соответствующему руслу, когда можно было бы использовать все эти беседы на борьбу с религией и религиозными предрассудками, особенно среди женщин» [там же, л. 326]. Главный акцент в пропагандистской работе делался на женщин, поскольку именно они являлись хранительницами домашнего очага и через них в первую очередь шел воспитательный процесс. Результаты социологического исследования, проведенного лабораторией Казанского государственного университета и Казанским опорным пунктом Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС (Казань) в середине 1960-х гг., убедительно доказывали решающее влияние семейного воспитания на религиозность людей. На вопрос «По какой причине вы стали верующим?» 75 % опрошенных мужчин ответили, что главную роль сыграло воздействие родителей, родственников; аналогично ответили на данный вопрос 80 % женщин-мусульманок [6, с. 152—153].

Семья, потомство трактовались как фундаментальные ценности ислама. У мусульманина, согласно религиозным канонам, должна быть многочисленная семья, освященная религией и обычаями. Средняя величина татарской семьи Поволжья в период 1950—1980-х гг. составляла 3,7—4 человека, «значительно отличаясь по величине от семей коренных народов Средней Азии (средний размер 5,7—6,6 человека) и несколько превышая семью народов западноевропейской части бывшего СССР (3—3,3 человека)» [12, с. 288—321]. В сельских татарских семьях Пензенского региона иногда насчитывалось восемь — двенадцать и более детей. Уполномоченный Совета по делам религий по Пензенской

Проблемы женской и гендерной истории

области объяснял это следующим образом: «Многие татарские семьи многодетны только потому, что в этих семьях женщине-татарке по национальным и религиозным обычаям фактически препятствуют использовать данное ей законом право самой решать, нужно ли ей иметь ребенка или прервать беременность» [1, ф. 2392, оп. 1, д. 46, л. 281]. Как следствие, татарское население Среднего Поволжья в отличие от других национальных общностей стабильно увеличивалось на протяжении всего исследуемого периода, среди татар рождаемость была в 1,4 раза выше, чем среди русских [8, с. 6; 9, с. 507]. В результате национальный состав регионов Среднего Поволжья в 1970—2000-х гг. менялся, как показано в таблице (по данным переписей в процентах от общей численности населения) [3, 4, 7, 8, 12].

Год	Нация	Татарская АССР	Ульяновская область	Куйбышевская (Самарская) область	Пензенская область
1970	Татары	49,07	9,99	3,41	4,87
	Русские	42,43	76,01	82,76	86,17
1979	Татары	47,65	10,63	3,35	5,18
	Русские	44,00	74,82	83,64	86,48
1989	Татары	48,48	11,39	3,53	5,40
	Русские	43,26	72,83	83,37	86,15
2002	Татары	52,92	12,20	3,95	5,97
	Русские	39,49	72,65	83,60	86,35

Мусульманские семьи сравнительно стабильны. Так, уровень разводов в Татарстане был в среднем в 1,5—2 раза ниже, чем в Российской Федерации, на Украине, в Прибалтике. «В наибольшей степени традиционные установки на недопустимость разводов присущи представителям старшего поколения. Фактором, скрепляющим семейно-брачные отношения, является и тесная родственная связь» [9, с. 339].

Несмотря на предписания ислама и в отличие от других мусульманских народов СССР, ранние браки не были характерны для мусульман Поволжского региона. Более того, татары в целом вступали в брак позже остальных народов Поволжья [2, с. 37—38; 5, с. 122]. Татары Среднего Поволжья однозначно выступали за моногамный брак в соответствии с советским законодательством.

Находившийся в Среднем Поволжье в служебной командировке в июле 1973 г. заместитель заведующего отделом по делам мусульманской и буддийской религий Совета по делам религий при Совете Министров СССР И. Ю. Бончковский отмечал, что в татарских селах весьма сильны патриархальные традиции, а отсюда и «степень религиозного влияния на население, в том числе и на молодежь. Здесь практически не бывает смешанных браков, особенно это относится к девушкам...» [1, ф. 2392, оп. 1, д. 97, л. 1]. Причем он подчеркивал большую агрессивность верующих-мусульман по сравнению с православными: «Стоило только проверяющим зайти в мечеть, как тут же собиралась толпа людей, обеспокоенных таким визитом. В селе Кочалейка Ка-

менского района Пензенской области у мечети собралась толпа женщин. Одна из них “осмелилась” даже войти внутрь помещения и, несмотря на присутствие представителя мутавалиата, “потребовала объяснений”: собираются ли совсем закрыть мечеть или же только повысить налоги» [1, ф. 2391, оп. 1, д. 9, л. 2].

Тем не менее определенная секуляризация мировоззрения женщин-мусульманок происходила. Так, секретарь сельсовета с. Большой Труев Пензенской области З. Аббясова честно говорила в беседе с уполномоченным Совета по делам религиозных культов по Пензенской области: «Мы, молодежь, не знаем, когда бывают религиозные праздники, но старшие члены семьи стараются напомнить нам об этом» [1, ф. 2392, оп. 1, д. 1, л. 104].

Положение женщины-мусульманки в СССР, да и во всем мире, кардинально изменилось. Б. Учок, турецкий специалист, кстати, женщина, заметила: «Если попытаться суммировать то новое, что появилось в исторических концепциях, то оно, прежде всего, связано с отказом от крайностей в оценке положения женщины в мире ислама» [11, с. 149].

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области.
2. *Зорин Н. В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1981. 200 с.
3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. : РСФСР. М. : Госстатиздат, 1963. 210 с.
4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. : стат. сб. М. : Статистика, 1990. 236 с.
5. *Козлов В. И.* Динамика численности населения. М. : Наука, 1969. 208 с.
6. *Мавлютов Р. Р.* Ислам. М. : Полит. лит., 1969. 159 с.
7. Население СССР : (численность, состав и движение населения), 1973 г. : стат. сб. М. : Статистика, 1975. 208 с.
8. Пензенская область в цифрах и фактах. Саратов : Приволж. кн. изд-во, Пенз. отделение, 1987. 162 с.
9. Татары. М. : Наука, 2001. 583 с.
10. *Токарев С. А.* Религии в истории народов мира. М. : Политиздат, 1991. 574 с.
11. *Учок Б.* Женщины-правительницы в мусульманских государствах. М. : Наука, 1982. 176 с.
12. Численность и состав населения СССР : по данным Всесоюзной переписи 1979 г. М. : Финансы и статистика, 1984. 366 с.
13. *Шайдуллина Л. И.* Арабская женщина и современность : (эволюция ислама и женский вопрос). М. : Наука, 1978. 200 с.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

ББК 60.561.51

Е. Р. Ярская-Смирнова

«ДА-ДА, Я ВАС ПОМНЮ, ВЫ ЖЕ У НАС НЕБЛАГОПОЛУЧНАЯ СЕМЬЯ!» ДИСКУРСИВНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

«Путинята там и тут...» Векторы современной семейной политики

Как известно, в 1990-е гг. в России исследователи, изучавшие процессы трансформации семьи, пошли двумя путями в предположениях о состоянии этого института и дальнейших тенденциях его развития. В самом общем виде эти два академических направления обычно называют модернизацией или кризисом семьи. Один — аналитический — подход указывал на диверсификацию семейных форм и стратегий в терминах модернизации, подчеркивая при этом роль целого комплекса обстоятельств, создающих трудности для семьи, вызванные экономическим спадом, безработицей, сокращением государственной поддержки, уменьшением возможностей дошкольного воспитания в учреждениях, конфликты в семье, а также так называемые социальные болезни, включая алкоголизацию и наркотизацию.

Проблемы репродукции и национализма переплелись в другом — алармистском, кризисном — дискурсе семьи о катастрофе и вымирании русской нации (см. подробнее [7]). Этот весьма консервативный фланг объединил ученых и публичных деятелей, фактически обвинявших женщин и либеральную политику (в том числе и такие меры, как сексуальное просвещение, планирование семьи, формирование контрацептивной культуры) в вырождении нации. Постсоветская (как и позднесоветская) публичная сфера была наполнена риторикой гегемонического пронатализма [25], т. е. выражением озабоченности и тревоги по поводу численности и качества русской нации, апокалипсическими образами надвигающейся катастрофы, метафорами геноцида русского народа, имплицитно и эксплицитно обнаруживала дискурсивные связи между (пост)советской репродуктивной политикой и национализмом [17, с. 267].

Подобные дискурсивные разногласия не ограничены лишь рамками научной или популярной литературы; они сопутствуют процессам обновления социальной политики и соответствующего законодательства, учреждения и рас-

ширения сети социальных служб, обсуждению методов социальной работы с семьей и детьми. Признавая, что в условиях современного общества нужна новая система социальных институтов поддержки семьи и родительства, авторы учебных пособий, официальных документов и публичные ораторы производят тексты, в которых звучат отнюдь не только чисто прагматические, инструментальные ноты. Как показывает анализ [23], эти сообщения не свободны от идеологии, и в них мы находим подчас откровенно патриархатные, дискриминационные заявления.

Целенаправленное воздействие государственной политики на семью, подвергавшее семейные структуры и формы семейных отношений серьезным модификациям, началось еще на ранних этапах советской истории [15]. Но сам термин «семейная политика» появился в конце 80-х, а в 90-е уже были оформлены концептуальные аргументы эксплицитной государственной стратегии в отношении семьи. Первые версии концепций семейной политики разрабатывались в 1991 и 1993 гг. В 1996 г. вышел Указ Президента Б. Ельцина «Об основных направлениях государственной семейной политики». Главной его целью было обеспечение условий, необходимых для реализации семьей ее функций и улучшения качества жизни семьи. Спустя шесть лет данный текст с небольшими изменениями был еще раз утвержден Указом Президента В. Путина [10]. Декларируемые приоритеты — экономическая поддержка, сочетание семейных и трудовых обязанностей, улучшение системы услуг дошкольного воспитания и здравоохранения — направлены на такие инструментально-прагматические акценты, как баланс гендерных ролей и повышение мотивации к рождению детей.

Отметим, что официальная риторика семейной политики сочетает элементы либеральной и социально-демократической моделей [21]. С одной стороны, акцент делается на гендерном равенстве и универсальной доступности поддержки и услуг. С другой стороны, семья определяется как независимый и автономный субъект и приоритетное внимание уделяется малообеспеченным, социально уязвимым семьям. Либерализация семейной политики была, в частности, реализована в 2001 г. с так называемым законом о монетизации, в соответствии с которым пособия на детей оказались в юрисдикции региональных властей. Затем был принят вышеупомянутый президентский указ 2002 г. об основных направлениях семейной политики, где были введены несколько изменений, в частности артикулировалась возложенная на регионы задача — формирование своей собственной семейной политики и ее финансирование. Кроме этого, Указ В. Путина от 2003 г. «О мерах социальной поддержки многодетных семей» сделал акцент на таких либеральных политических мерах, как адресная помощь, проверка нуждаемости семей (т. е. фактически классификация их как достойных и недостойных), а также помощь с поиском работы и получением необходимой подготовки.

Изменения риторики семейной политики можно проследить на материалах президентских посланий с 1994 по 2009 г. Первый Президент России Б. Ельцин, начав проблематизировать семейные и демографические вопросы, по сути, заложил базу либеральной схемы еще в 1997 г., указав на неэффективность универсалистских монетарных трансфертов и предложив прямые жилищные субсидии для малообеспеченных семей. В его посланиях, но в более

явном виде уже В. Путиным в 2000-е гг. сделан акцент на демографической политике (лейтмотив «выживание нации под угрозой» повторялся в 1994, 1999, а особенно в 2000, 2003, 2005 гг.). И все же это было не более чем декларированием проблемы до тех пор, пока в Послании Президента В. Путина 2006 г. не были подробно изложены причины демографического спада, среди которых на первое место вышел «женский фактор»: материальная зависимость женщины после рождения второго ребенка; ее неуверенность в завтрашнем дне в связи со страхами о будущем благополучии ребенка и др. С учетом этого был разработан целый комплекс пронаталистских мер поддержки молодых семей и стимулирования рождения второго ребенка, введенных в силу в 2007 г. Кроме того, существенный акцент был сделан на пропаганде: в Послании 2006 г. Путин объявил 2008-й Годом семьи в России. В Послании Президента Д. Медведева в 2009 г. озвучивались первые успехи и новые обещания: в частности, речь шла о том, что впервые за последние 15 лет в стране зафиксирован прирост населения на 1000 человек благодаря национальному проекту «Здоровье» и новой демографической политике.

Целый ряд мер поддержки материнства был реализован с 2007 г.; предполагалось, что они позволят увеличить рождаемость, поощрить желание семьи обзавестись вторым ребенком. Остановимся на одной из этих мер — материнском капитале. Материнский капитал — особая выплата, впервые упомянутая в Послании В. Путина в 2006 г. и введенная в 2007 г., которая предполагает выдачу сертификата стоимостью 250 тыс. рублей (с 2009 г. — 312 тыс. рублей) за рождение или усыновление второго ребенка, предназначенных для инвестиций в образование детей, улучшение жилищных условий и пенсионные накопления матери. В СМИ данная мера освещалась в целом позитивно, но общественное мнение, как показывают исследования, неоднозначно. И хотя респонденты опроса ФОМ 2007 г. в большинстве своем были озабочены низкой рождаемостью и проинформированы о материнском капитале, каждый третий опрошенный сомневался, что эта мера даст желаемый результат [1]. Люди недоумевают, почему материнский капитал нельзя потратить на медицинское обслуживание и лечение ребенка, почему эта сумма выдается только через три года и только один раз в жизни. Некоторые считают это паллиативной мерой, полагая, что государство должно обеспечить бесплатное образование и бесплатное жилье. Другие придерживаются мнения, что предлагаемая сумма недостаточно серьезна, чтобы повлиять на смену их репродуктивных планов.

Между тем, что касается мер поддержки материнства в целом, согласно выводам экспертов [24, р. 55], Россия отвечает минимальным стандартам в соответствии с принятыми международными нормами и даже слегка превосходит их, в частности продолжительностью и, в некоторых случаях, размером поддержки материнства. Тем не менее остаются проблемы, вызовы, на которые семейная политика должна реагировать, — дефекты правоприменения трудового законодательства. Только за половину 2006 г. Федеральная трудовая инспекция зафиксировала около 1 млн случаев нарушения прав работников; беременные женщины не всегда берут декретный отпуск из-за низкого размера пособия и страха лишиться работы; неформальные экономические отношения,

распространенные в России, исключают работников из схем социального страхования. По-прежнему мало доступным остается жилье. Несмотря на реализацию целого ряда проектов и программ федерального значения, направленных на расширение доступности жилья, каждая четвертая семья живет в плохих условиях. Средняя продолжительность ожидания улучшения жилищных условий составляет 15—20 лет [24].

Вернемся к ценностно-символическим аспектам новой пронаталистской политики. Как известно, 2008 г. был объявлен В. Путиным Годом семьи, и уже в 2006-м началась большая пропагандистская работа. Организовывались празднования юбилеев семейной жизни, семейные (творческие и спортивные) праздники, соревнования, конкурсы и акции, устраивались церемонии регистрации детей, вручались почетные дипломы родителям трех и более детей, медали «За заслуги в воспитании детей» и «Родившийся в Москве», был даже введен новый праздник — День семьи, любви и верности. Ульяновск прославился своим, пожалуй, самым оригинальным начинанием. Еще с 2005 г. по инициативе губернатора здесь начала действовать акция «Роди патриота в День России!» Суть ее состоит в том, чтобы родить ребенка в День независимости, 12 июня; в благодарность за это семья претендует на получение автомобиля УАЗ «Патриот». Соответственно 12 сентября объявляется Днем семейного общения (ульяновцы называют его Днем зачатия): в этот день губернатор рекомендует работодателям отпускать сотрудников домой, а торговым точкам запрещает продавать спиртное [19].

Символические средства нового пронатализма изобильны: производится много социальной рекламы, делающей акцент на числе 3 в модальности долженствования (нас должно стать больше) и ассоциациях с материальным достатком и этнонациональной идентичностью¹.

Примеры плакатов социальной рекламы

Вдохновившись таким вниманием правительства к российской семье, саратовская пенсионерка, топограф по образованию, И. Коннова выпустила на свои средства в 2009 г. сборник детских стихов, где она называет премьер-министра не иначе, как «дядя Путин», а поколение, родившееся при нем, «путинятами», правда, делая ставку не на трехдетную, а на двухдетную семью как политический ориентир [11]:

¹ См. например, коллекцию плакатов социальной рекламы на сайте Благотворительного фонда защиты семьи, материнства и детства (URL: http://semya.org.ru/pro-family/info_program/collection/index.html (дата обращения: 14.03.2010) (рис.).

Нашей Родиной Россией
Дядя Путин управлял.
Быть стране великой, сильной —
Он однажды помечтал.
Только как без ребятишек?
Маловато их у нас!
Прочитал он много книжек
И издал стране приказ:

«Каждой маме по ребенку?!
Это мало!.. Надо двух!»
И теперь в родной сторонке
Появились детки вдруг.
Много их... Они красивые.
Как цветочки, там и тут.
Мальшей теперь в России
ПУТИНЯТАМИ зовут!!

В вариантах концепции семейной политики 1996 и 2002 гг. речь идет о множестве агентов поля семейной политики в терминах партнерства и разделения ответственности между семьей, государством, бизнесом и третьим сектором. При этом семейная политика определяется как часть политики социальной, следовательно, становится имплицитной, что дает основание экспертам выдвинуть в 2008 г. утверждение-требование о необходимости новой, эксплицитной концепции. В 2009 г. идет разработка следующего варианта государственной стратегии в отношении семьи как субъекта правовых отношений с государством, где, как полагает директор Государственного научно-исследовательского института семьи и воспитания С. В. Дармодехин, необходимо будет урегулировать отношения между семьей и государством, семьей и государственными институтами, семьей и системами здравоохранения, образования и др. [6]. В выступлениях экспертов подчеркивается роль социальных работников и государственной поддержки через фонды в выявлении «неблагополучных» семей и работе с ними, но при этом речь идет не о «затыкании дыр», не только о «вытаскивании» из кризиса «неблагополучных» семей. По мнению главы Департамента Минздравсоцподдержки О. В. Самариной, в последнее время наблюдается положительная тенденция государственной поддержки семей, стремящихся иметь детей и достойно их воспитывать. Кроме того, речь идет и о роли регионов в регулировании рождаемости. «Например, если федеральный центр дает материнский капитал на второго ребенка, регион должен думать, как со своей стороны стимулировать рождение третьего», — подчеркнула она. При этом глава Департамента призвала к индивидуальному подходу в каждом субъекте РФ, т. к. мнения о том, сколько детей должно быть в семье, например, у жителей южных регионов и средней полосы страны различны [5].

Напомним, что в публичных дебатах по поводу Послания Президента В. Путина 2006 г. звучали ноты против такого роста рождаемости, который приведет к «люмпенизации и исламизации» нации [17, с. 272]. Репродуктивные планы населения юга России становятся очевидными из ежегодных новостей о повышении уровня рождаемости в Чечне. Комментарии рисуют позитивную картину социальной стабилизации, установления мирной жизни, действенности мер социальной политики: «Высокий процент естественного прироста населения в Минздраве объясняют значительным улучшением социального благоприятствования граждан республики, а также тем, что пристальное внимание уделяется техническому оснащению больниц, укомплектованности их квалифицированными кадрами. По мнению врачей, значительную роль играет и вступивший в 2007 году в силу федеральный закон “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей”» [22]. Но, подаваемые в

сравнении с общероссийской демографической картиной и в контексте высокой скорости прироста населения, эти факты становятся аргументом политики избирательного фамилизма. «На протяжении всех последних лет, начиная с 2001 года, отмечается высокий рост рождаемости. За последние четыре года этот показатель в республике увеличился на 19,4 %. В 2009 году он составил 26,9 на 1000 человек, тогда как в среднем по России он не превышает 11,3» [16]. Количество детей в семье в среднем здесь равняется пяти, «в среднем по республике рождается около 200 детей в сутки» [22]. Мнение эксперта, президента исследовательского центра «Политическая аналитика» М. Тульского о постоянной конфликтогенности социальной ситуации в Чечне представлено в аспекте необходимости контроля рождаемости: «...социально-экономическая и социально-демографическая ситуация тут же произведет на свет новых бандитов» [3], и название публикации «Искоренить бандитизм в Чечне можно презервативами» говорит само за себя.

Отметим, что на фоне высокой рождаемости и долголетия в Чечне регистрируется низкий уровень дохода, охвата образованием детей и молодежи, а также высокая безработица. Как указывают эксперты, по душевому ВРП (по паритету покупательной способности) Чечня занимает предпоследнее место и опережает только Ингушетию, как и по охвату образованием детей и молодежи, однако по ожидаемой продолжительности жизни занимает второе место в стране вслед за Ингушетией (впрочем, высока вероятность неточного статистического учета смертности, особенно младенческой, что приводит к завышению показателя ожидаемой продолжительности жизни) [18, с. 195].

По выводам исследователей, эффективность российской политики стимулирования рождаемости в долгосрочной перспективе будет невысокой «из-за недостаточной продуманности и сбалансированности предлагаемых мер и переоценки возможной действенности денежных инструментов — увеличение финансовых трансфертов в пользу семьи едва ли будет способно принципиальным образом улучшить компенсацию затрат на детей, особенно в условиях быстрого роста спроса на труд, в том числе и женский, а также повышения массовых потребительских стандартов» [18, с. 40]. Экономическая ситуация, являясь необходимым, но недостаточным условием репродуктивных планов партнеров, воспринимается населением как наиболее важный фактор повышения рождаемости, но успехи государственной семейной и демографической политики в повышении материального благосостояния семьи, а точнее, женщины-матери, оцениваются не столь однозначно. Усилия региональных властей в основном можно охарактеризовать как субсидиарные — ориентирующиеся на помощь отдельным категориям граждан, в качестве которых выделяются те группы женщин, которые, с одной стороны, испытывают экономическую депривацию, а с другой — подходят под нормативную модель традиционной гендерной системы, выполняя функцию материнства: многодетные, одинокие матери, матери детей-инвалидов, беременные, кормящие. В контексте либерализации социальной политики с ее акцентом на адресность намечается рост социальных пособий и возврат к категориальным схемам, что обусловлено низким уровнем жизни наименее защищенных групп населения, к которым относятся многодетные и, в частности, монородительские многодетные семьи. Кроме того,

данный вектор политики социального обеспечения подкрепляется ценностно-символическими ориентирами нового пронатализма.

«Разбивка подопечных по группам зависимости»: символические классификации семей в дискурсе социальной защиты

Повседневные знания, мнения, распространенные в обществе, часто перекликаются с публичными дискурсами или воспроизводят их. В 90-е гг. в обиходе социальных работников, чиновников и просто населения бытует выражение «неблагополучная семья» — стигма, которая не имеет четкого определения, но нередко подразумевает семейную структуру как один из критериев (следует отметить, что концепт «неблагополучная семья» использовался еще в советское время, см. [14]). Тем самым монородительские семьи и многодетные семьи по умолчанию считаются аморальными, несчастными и опасными для общества, с неадекватной ценностной системой и подозрительной сексуальностью. Особенно печально это видеть в категориях «институциональной речи» [20], в публикациях экспертов или устных заявлениях чиновников и специалистов учреждений. Так, статья психолога о «ценностных ориентациях неблагополучных семей» [2] категориально организована как дискурс диагноза и контроля. Определение человека как клиента ведет к определению его свойств как подозрительных, и то, что по отношению к эксперту было бы нормальным, для клиента здесь — патология. Не любовь, а «направленность на секс», не служебный рост, а «погоня за карьерой», не общение с друзьями, а «контакты с себе подобными и скатывание в алкоголизм». Возникает и концепт «неблагополучных детей», которые, как и их матери, ассоциируются не только с низким экономическим статусом — им приписывается еще и низкий интеллект:

«Дети из бедных семей глупее своих богатых сверстников. Об этом заявили западные ученые, которые в течение нескольких лет изучали проблему влияния социальной среды на умственную деятельность человека <...> Российские нейропсихологи подтверждают данные исследователей <...> С этой точкой зрения согласны и педагоги, работающие с неблагополучными ребятами» [13].

Сомнение в компетентности материнства в сознании «повседневных экспертов» переплетено с оценками неразумной политики властей:

«Поверьте мне, женщина, которая обладает определенным интеллектом, никогда не станет рожать второго ребенка ради того, чтобы ей выплатили 250—260 тыс. рублей, которые сейчас планируют» (психолог женской консультации г. Саратова)².

Противоречия риторики повышения рождаемости и «неблагополучных семей» выражаются в амбивалентных целях российской семейной и демографической политики [4, с. 404]. С одной стороны, официальная риторика призывает иметь троих детей, с другой — концепт «многодетные семьи» устойчиво ассоциируется с «неблагополучием» или «трудной жизненной ситуацией». Задавая символическую рамку «семейного неблагополучия» на уровне офици-

² Интервью брала аспирантка СГТУ Н. Грек, Саратов, 2009 г.

альной риторики, государственные акторы отдают расшифровку этого понятия на откуп региональных властей и исполнителей-практиков.

Надо сказать, что официальный дискурс социальной защиты наполнен ценностно-символическими ориентирами, которые далеко не всегда подкреплены инструментальными определениями, в частности, пресловутое «семейное неблагополучие» нигде в нормативных документах не определено, тексты составлены из безличных и назывных предложений, перечислений так называемых цифр и фактов, нередко в отсутствие не только аналитических комментариев, но и сравнительного контекста. На региональном уровне это усугубляется стремлением исполнителей соответствовать официальным образцам (риторические приемы, композиция текста отражают те же «отсутствующие структуры», отчеты социальных служб и доклады о положении социально уязвимых групп населения наполнены информацией о численности «обслуженных» или «облеченных», количестве выданных наборов или объемах выплаченных пособий), во-первых, без какого-либо соотнесения с потребностями целевых групп, а во-вторых, без анализа эффектов от такого рода услуг. Фразеология эффективной профессиональной работы содержит риторический прием, который можно назвать «детализация вне контекста»: «это позволило увеличить на 19 % количество услуг», «оказано 16 304 ед. услуг».

Прагматика социальной защиты вызывает к жизни попытку истолкования или расшифровки заявляемых понятий. Например, «семейное неблагополучие» авторы проекта региональной концепции социального обслуживания постарались определить как следствие «утраты родственных связей и преемственности поколений». В других случаях понятие «неблагополучные семьи», по выводам наших исследований и А.-М. Исола, расшифровывается весьма многообразно: сюда относятся семьи многодетные, неполные, находящиеся в трудной жизненной ситуации/социально опасном положении, семьи с ребенком-инвалидом или хронически больным ребенком, малообеспеченные, проблемные, кризисные... Иногда «неблагополучные семьи» занимают отдельное место в большом перечне «подопечных». В 2009 г. в выступлении высокопоставленного чиновника одного из регионов, отвечающего за социальную защиту, прозвучала и такая классификация адресатов помощи: «Обслуживаемые подопечные у нас — это малообеспеченные, неполные, многодетные, семьи с детьми-инвалидами, беженцы и вынужденные переселенцы, а также неблагополучные семьи». На мой вопрос «А что такое “неблагополучные семьи?”» последовал ответ: «Это те, с которыми ведется большая социальная работа».

Тем самым возникает широкое поле допущений и толкований, большая часть которых доходит до уровня повседневных акторов — социальных работников, педагогов, психологов детских учреждений — в виде упрощенных, но не всегда четко проговариваемых формул:

«Вот недавно прихожу в школу, говорю: “Я — Миши Р. мама”, а мне учительница: “Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья”. Я так прямо и опешила...» (одинокая мать, 34 г.)³.

³ Интервью брала магистр социальной работы Е. Нестеренко, Саратов, 2009 г.

На уровне организаций, в особых условиях повседневной деятельности формируется профессиональный социолект работников социальных служб. Время от времени в социальных службах появляются новые термины для обозначения клиентов, например «подопечные», «зависимые», «миграционные семьи», «соповские семьи» (корень — аббревиатура СОП, социально опасное положение⁴).

Интересно следующее. Устроив в своем учреждении «банк одежды», где клиенты могут подобрать что-то из вещей для себя и своих детей, социальные работники вскоре пришли к выводу об иждивенческих установках некоторых «соповских семей». Стигма семьи, таким образом, конструируется самой системой социальной поддержки.

В устных высказываниях и публикациях специалистов нередко проявляется их нечувствительность к некорректным формулировкам, в частности при обращении к детям, к родителям, при составлении анкет. «Я запустила анкетку для родителей по жестокому обращению с детьми», — говорит в интервью социальный педагог, и этот микс современной лексики, принятой в международном сообществе («жестокое обращение с детьми»), и небрежного, поверхностного выражения («запустить анкетку») заставляет усомниться в корректности обращения с методами (анкетирование родителей в случае подобной сенситивной тематики может быть совершенно неуместным). А вот какую «карту по изучению развития ребенка» предлагает заполнять родителям социальный педагог одного из учреждений⁵:

1. Ф. И.О. ребенка: _____
2. Дата рождения: _____
3. Семья: малообеспеченная, неполная, благополучная, неблагополучная.

Стигма действует таким образом, что человек свыкается с приписываемой ему категорией и действительно может «подчеркнуть нужное» в представленном списке номинаций, поместив себя в ячейку классификации:

«Привыкла уже, везде нам говорят: “неполная” семья. Один раз вообще неполноценной назвали. Или там “мать-одиночка”. Так неприятно это слышать, какой-то ущербной себя сразу чувствуешь, действительно неполноценной...» (многодетная мать, 39 лет).

Семья воспринимается специалистами как объект педагогических, медицинских воздействий и контроля: «здоровые», «нормальные» и «обычные» противопоставляются «неблагополучным». Средства массовой информации транслируют меры в духе евгеники, обнародуя (приписанные) высказывания публичных фигур. Так, певица Валерия, как явствует из публикации в Интер-

⁴ Социально опасное положение определяется как обстановка, не отвечающая требованиям к воспитанию или содержанию, или же статус опасности, которую представляет сам несовершеннолетний для окружающих. Соответственно семья, имеющая таких детей или взрослых, отрицательно влияющих на детей, определяется как находящаяся в социально опасном положении [10].

⁵ Из материалов проекта «Распространение и поддержка семейных форм устройства» НИСП, ЦСПГИ, 2007 г. и исследовательского архива Я. Нелюбовой, Саратов, 2008—2009 гг.

нете, якобы предложила стерилизовать неблагополучных родительниц, а ее продюсер И. Пригожин предлагал медийный бизнес-проект: показывать нерадивых родителей по ТВ и публиковать данные о них в газетах, «чтобы все знали, какие они негодяи» [12].

С одной стороны, распространен стереотип, что многодетные семьи передают бедность из поколения в поколение: лейтмотив «нищету плодят» в репликах чиновников или социальных работников болезненно задевает матерей (по данным наших интервью в Саратове и Ростовской области 2004 и 2007 гг., см. [7]). А опасение в связи с «люмпенизацией нации» озвучивалось в СМИ сразу после Послания Президента В. Путина в 2006 г. [17].

С другой стороны, некоторые социальные службы, озабоченные демографическим спадом, начали свою собственную маленькую кампанию: врачи и социальные работники агитируют «благополучные» семьи рожать, от чистого сердца стараясь внести посильную лепту в решение такой важной государственной проблемы, как необходимость «нацию повышать». Размышляя о том, что можно сделать для повышения уровня рождаемости, специалисты видят свою задачу в уговаривании людей:

«У нас и врачи работают, и наше отделение работает с разъяснением, что надо нацию-то повышать. Как разъясняют? Очень просто <...> если мы знаем, что семья благополучная и может еще иметь ребенка, — уговариваем: “Почему больше не рожаете, почему у вас один ребенок? Вы в состоянии иметь еще одного ребенка”. Это были у нас такие разговоры с молодыми девушками, которых мы знаем. Целенаправленно разговариваем...»⁶

В выступлениях представителей религиозных кругов, которые все более интенсивно задействуют медицинский дискурс, звучат призывы к решению демографической проблемы по принципу: «Если сами воспитать не можете, отдайте в детдом, — государство воспитает»⁷. Созвучная общему политическому курсу риторика региональных чиновников разворачивается в направлении реставрации традиционной семьи и патриархальных ценностей:

«В решении демографической проблемы много факторов. Например, положение женщины в обществе. Ведь сегодня ее оценивают по тому, каких успехов она достигла на работе, в общественной жизни. А нужно — по тому, каких детей она родила и вместе с мужем воспитала, ведь женщина в первую очередь мать и супруга. <...> Основная задача человека, предначертанная ему природой и Богом, — не просто погостить на Земле, а воспроизвести себе подобных, подготовить их к дальнейшей жизни. <...> Другая проблема, ведущая к рождению больных детей, — беспорядочные половые связи. Даже если ребенок не пострадает от инфекций, передаваемых половым путем, у женщины, сменившей несколько партнеров, он почти наверняка родится больным...» [8].

На повестке дня — новые приоритеты, связанные с национальной демографической политикой. Если в двух вариантах национального плана по улуч-

⁶ Из интервью с администратором социальной службы в малом городе, 2004 г.

⁷ Выступление представителя Саратовской епархии в передаче «Вечерний звон» ГТРК «Саратов» от 20 февраля 2005 г.

шению положения женщин и повышению их роли в обществе, как и в их региональных разновидностях, звучала идеология гендерного равенства, то сегодня в риторике региональных чиновников расставлены неотрадиционалистские акценты: происходит идеализация и пропаганда традиционной семьи и патриархальных гендерных отношений, многодетности и запрета аборт, при этом спад рождаемости объясняется экономической и политической эмансипацией женщин, а общественные функции семьи сводятся к репродукции. И хотя политическим ориентиром выступает многодетная семья, при этом непроговариваемой нормой остается полная семья с одним ребенком, максимум с двумя детьми, а другие формации проблематизируются.

Официальная риторика о гендерном равенстве входит в противоречие с пропагандой традиционных семейных ценностей и общим креном официальной публичной сферы в консервативном направлении. Ценностно-символическое пространство новой семейной политики наполняется классовыми пронаталистскими и националистическими идеологиями, а в некоторых публикациях осуществляется дискурсивное конструирование нежелательных государству детей. В контексте антикризисных стремлений чиновников улучшить социальное обслуживание за те же или даже уменьшенные бюджетные расходы использование таких жаргонизмов, как «неблагополучные семьи», отражает стремление рационализировать расходы и реализовать символическую власть классификаций, упрощающую восприятие социального неравенства. Распространенное понимание бедности, разделяемое некоторыми политиками и социальными работниками, стремится «обвинять жертву», возлагая на индивидов ответственность за те проблемы, которые имеют социетальное происхождение, игнорируют важные социальные условия и те испытания, с которыми сталкиваются люди в реальных жизненных ситуациях. Постепенно такой язык легитимируется в публикациях и проникает в официальный дискурс чиновников, подобно аналогичной инфильтрации других социолектов, в том числе профессиональных.

Библиографический список

1. *Вовк Е.* Отношение россиян к «материнскому капиталу»: фрагменты мозаики // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 3—35.
2. *Елизаров А. Н.* Ценностные ориентации неблагополучных семей // СОЦИС. 1995. № 7. С. 93—99.
3. Искоренить бандитизм в Чечне можно презервативами. URL: <http://www.rosbalt.ru/2009/07/29/659211.html> (дата обращения: 14.03.2010).
4. *Исола А.-М.* Неблагополучные семьи: риторика российской демографической политики // Новый быт в современной России : гендерные исследования повседневности / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. С. 404—426.
5. ИТАР-ТАСС, 29.12.2008. URL: <http://www.ami-tass.ru/article/44000.html> (дата обращения: 14.03.2010).

6. Концепция семейной политики поможет решить демографическую проблему в России, 22.04.2008. URL: <http://www.regnum.ru/news/990183.html> (дата обращения: 14.03.2010).
7. Ловцова Н. И., Ярская-Смирнова Е. Р. Демографическая проблема: кто виноват и что делать? // Мир России. 2005. № 4. С. 78—104.
8. «Национальный проект — не кампания, а реальная работа»: интервью первого заместителя министра здравоохранения Саратовской области // Официальный сайт правительства Саратовской области, 12.02.2008. URL: http://www.saratov.gov.ru/news/interviews/detail.php?ID=23631&phrase_id=1204083 (дата обращения: 14.03.2010).
9. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. URL: http://nnc.duma.gov.ru/duma_na/asozd_text.php?code=61347 (дата обращения: 14.03.2010).
10. Об основных направлениях государственной семейной политики: Указ Президента РФ от 5 октября 2002 г. № 1129. URL: <http://ombudsman-pano.ru/index.php?act=Page@!Id=45> (дата обращения: 14.03.2010).
11. От дедушки Ленина до дяди Степы // Обществ. мнение. 30.10.2009. URL: http://om.info/news/index.php?ELEMENT_ID=6472 (дата обращения: 14.03.2010).
12. «Певица Валерия предложила в Саратове стерилизовать неблагополучных матерей» // Новости Приволжья, 10.10.2009. URL: <http://susanin.udm.ru/news/2009/10/10/186792> (дата обращения: 14.03.2010).
13. Поздняков А. Бедный значит неумный. Плохие социально-экономические условия разрушают детский мозг // Новые известия, 16.10.2006. URL: <http://www.newizv.ru/news/2006-10-16/56101/> (дата обращения: 14.03.2010).
14. Пухова З. П. Женское движение и перестройка в СССР // Женщины в современном мире. М.: Наука, 1989. С. 58—63.
15. Рабжаева М. В. Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // СОЦИС. 2004. № 6. С. 89—97.
16. Рождаемость в Чечне почти в 2,5 раза превышает среднероссийскую. URL: <http://www.rosbalt.ru/2009/11/17/689678.html> (дата обращения: 14.03.2010).
17. Розенхольм А., Савкина И. «Роди патриота — спаси Россию!»: (нация и гендер в демографическом дискурсе российских печатных СМИ, комментировавших «демографическое послание» В. В. Путина) // Гендер. исслед. № 18 (2009). С. 266—282.
18. Россия перед лицом демографических вызовов: доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, 2008. М.: UNDP, 2009. 208 с.
19. Титов С. День зачатия стал днем трезвости. Ульяновский губернатор выступил с новым почином // Коммерсантъ. 2008. № 153. URL: <http://www.kommersant.ru/docs-rss.aspx?DocsID=1017156> (дата обращения: 14.03.2010).
20. Уотсон Р. Этнометодологический анализ текстов и чтения // Социол. журн. 2006. № 1/2. С. 91—128.
21. Чернова Ж. В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб.: Норма, 2008. 328 с.
22. Чечня — лидер по числу новорожденных среди северокавказских республик. URL: <http://www.rosbalt.ru/2008/02/07/454400.html>. (дата обращения: 14.03.2010).
23. Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Гендер и этничность в учебниках по социальной работе и социальной политике // СОЦИС. 2006. № 5. С. 117—126.
24. Demographic Policy in Russia: from Reflection to Action. М.: UNDP, 2008. 63 p.
25. Rivkin-Fish M. From «Demographic Crisis» to «Dying Nation»: the Politics of Language and Reproduction in Russia // Gender and National Identity in Twentieth-Century Russian Culture / Ed. by H. Gosciolo, A. Lanoux. Northern Illinois: University Press, 2006. P. 151—173.

Ж. В. Чернова

«ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ РЕЗЕРВ»: МОЛОДАЯ СЕМЬЯ КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

«Второй демографический переход»: западный вариант

В современных западных странах в последние десятилетия происходят существенные изменения в области гендерных отношений, демографического и семейного поведения мужчин и женщин. «Второй демографический переход», который переживают страны Западной Европы с середины 1970-х гг., рассматривается В. де Каа как результат движения общественного сознания от консерватизма к прогрессивности, при этом прогрессивность понимается как толерантность и восприимчивость к новым ценностям и моделям поведения. Выделяют четыре основные черты этого перехода: переход от «золотого века» брака к его закату, т. е. широкое распространение юридически неузаконенных форм совместной жизни и альтернативных форм семьи; переход от детоцентристской модели семьи к индивидуалистически ориентированной «зрелой» паре партнеров с одним ребенком; переход от превентивной контрацепции, предназначенной для предотвращения рождения «ранних» детей, к сознательному планированию рождения каждого ребенка; переход от унифицированной модели к плюралистическим моделям семьи.

Родительство является важным элементом как западной, так и отечественной семейной политики. Само определение и содержание семейной политики часто связывается именно с родительством, т. е. выполнением функций воспитания детей в семье и заботы о них, поскольку в большинстве случаев объектом семейной политики выступает именно семья с детьми. Плюрализация форм семейных отношений затрагивает не только отношения между супругами/партнерами, но также между родителями и детьми. В первую очередь это находит свое выражение в появлении и распространении помимо традиционной нуклеарной семьи монородительских семей (материнских или отцовских), состоящих из одного родителя и детей, проживающих вместе с ним; гражданских браков или партнерств; бинуклеарных семей, состоящих из разведенных родителей, вступивших в новые союзы и совместно воспитывающих общих детей, и др. Многообразие форм семейных отношений оказывает влияние на родительство и как на социальный институт, и как на повседневные практики мужчин и женщин, связанные с осуществлением заботы и воспитанием детей.

© Чернова Ж. В., 2010

Окончание. Начало в № 1.

Работа выполнена в рамках коллективного исследовательского проекта «Поколение “R”. Молодежь и экономический спад в сравнительной европейской перспективе» (руководитель — проф., д-р социол. наук Е. Омельченко) при финансовой поддержке ЦФИ ГУ-ВШЭ. Т74.

Традиционно родительство связывалось с брачными отношениями, которые определяли родительские роли мужчин и женщин. Плюрализация родительства, произошедшая в последние десятилетия в западных странах, связана также с тем, что родительство и супружество стали разделяться. Иными словами, родители ребенка не обязательно состоят в брачных законодательно оформленных отношениях, ребенок может быть рожден в браке, партнерских отношениях или одиноким родителем. Причем принятие решения о рождении ребенка не обязательно повлечет за собой изменение брачного статуса родителей. Это связано с более либеральным отношением к внебрачным связям и внебрачным рождениям, характерным для большинства западноевропейских обществ. Мужчины и женщины в большей степени ориентированы на партнерские отношения и хотят иметь детей не только потому, что они женаты, но и по другим мотивам, связанным с эмоциональной потребностью в близости и желанием личной самореализации в сфере родительства. Таким образом, родительство, осуществляемое вне законодательно закрепленных рамок традиционной структуры семьи, отделяется от супружества.

Широкое распространение в странах Западной Европы гражданских (незарегистрированных) браков, партнерских отношений, как гетеросексуальных, так и гомосексуальных, в последнее десятилетие привело к увеличению количества рождений детей у партнеров, не состоящих в зарегистрированном браке. Как показывают данные, в начале 2000-х гг. почти во всех европейских странах доля внебрачных рождений возросла более чем на 10 %, а в некоторых странах более чем на 50 %. Существуют вполне определенные различия между количеством внебрачных рождений и моделью семейной политики. Для скандинавских стран характерен высокий уровень внебрачной рождаемости, уже в 1980-х гг. количество внебрачных рождений было там достаточно высоким (Исландия — 64 %, Швеция — 56 %, Норвегия — 50 %). В 2003 г. большинство внебрачных рождений в Европе приходилось на скандинавские и североевропейские страны. В то время как в странах Южной Европы, с консервативной семейной политикой, направленной на воспроизводство традиционного гендерного порядка, уровень внебрачной рождаемости остается достаточно низким, ниже 10 % (Кипр — 3,5 %, Греция — 4 %, по данным на 2000 г.).

Одно из основных отличий современного родительства от традиционного заключается в том, что современное родительство становится более рефлексивным, появляется так называемое сознательное, или ответственное, родительство. Это означает, что оно становится результатом индивидуального выбора мужчин и женщин, вписанного в их общий жизненный проект. Это приводит к тому, что, как отмечают исследователи, европейцы становятся родителями намного позже, чем в предыдущие годы, поскольку решение о рождении ребенка принимается ими в более позднем возрасте. Увеличивается разрыв между временем вступления в брак и рождением первого ребенка. Возрастает количество бездетных браков или партнерств [31, р. 64]. Это связано с возникновением так называемого отставленного родительства, когда супруги или партнеры планируют рождение ребенка исходя из собственных жизненных планов, выбирая наиболее оптимальное, с их точки зрения, время, которое мо-

жет быть связано с теми или иными этапами жизни индивидов, например окончание учебы, достижение определенного профессионального статуса, материального благополучия и пр. Отставленное родительство также дает им возможность для личной и профессиональной реализации, достижения социальной и психологической зрелости и готовности к осуществлению заботы о ребенке, обеспечения его благосостояния. В этом смысле феномен отставленного родительства связан с изменением тех значений, которые приписываются материнству и отцовству в современном обществе. Родительство, являясь значимой частью жизненного проекта индивидов, предполагает большую ориентацию на эмоциональные потребности ребенка, выполнение эмоциональной работы и осуществление заботы о нем обоими родителями, что может до известной степени ограничивать их профессиональные возможности по сравнению с людьми, не имеющими детей. Кроме того, возможен полный отказ от родительства, в этом случае люди сознательно принимают решение не иметь детей, что не связано с состоянием их репродуктивного здоровья, характером супружеских/партнерских отношений, брачным статусом. В данном случае сама возможность принятия такого решения показывает, что родительство перестает быть предписанной ролью, а становится результатом личного выбора индивида.

За последние десятилетия отставленное родительство становится распространенной практикой для многих европейских стран. Так, если в 1980 г. только в некоторых странах Западной Европы средний возраст женщин при рождении первого ребенка составлял 25 лет и старше, то в 2000 г. он поднялся до 30 лет [31, р. 63]. Во всех европейских странах за последние 20 лет произошло увеличение возраста женщин при рождении первого ребенка. Если в начале 1980-х гг. только в шести странах (Финляндии, Франции, ФРГ, Нидерландах, Швеции и Швейцарии) первое рождение ребенка у женщин происходило в возрасте 25 лет и старше, в то начале 2000-х гг. это стало характерным практически для всех европейских стран, включая постсоветские и бывшие социалистические страны. Более того, в некоторых странах средний возраст первого рождения ребенка стал составлять 30 лет.

Изменение репродуктивных и семейных паттернов жителей западных стран выражается в увеличении числа разводов и, как следствие, в росте числа одиноких родителей, воспитывающих детей. В западном дискурсе для обозначения такого типа семей используется понятие «монородительство». Этот термин появился относительно недавно, хотя как социальное явление монородительство существовало достаточно давно, поскольку наряду с нуклеарными семьями были также овдовевшие супруги и матери-одиночки. Данное понятие используется не только для того, чтобы подчеркнуть многообразие семейных отношений, характерное для современного общества, которое не могло быть адекватно изучено в рамках нормативного представления о семье, состоящей из двух родителей и детей, но также для того, чтобы легитимировать этот тип родительства, обозначить его широкое распространение в странах Западной Европы. Наименование «монородительские» для таких семей является, на мой взгляд, показательным особенно в сравнении с отечественным дискурсом, как советского, так и постсоветского периода, поскольку оно

предполагает большую нейтральность и не несет в себе негативной коннотации в сравнении с понятием «неполная семья», которое связывается с отклонением от нормы. Использование термина «монородительство» в языке официальных документов, государственных программ и научных исследований подразумевает изменение отношения к обозначаемому им явлению при изучении разнообразных типов семьи и родительства, большую толерантность к многообразию семейных отношений и конфигурации родительских ролей, тогда как до этого момента в качестве нормативной модели рассматривалась нуклеарная семья, в то время как все остальные определялись к терминам девиации и отклонения от нормы.

Таким образом, «второй демографический переход», изменения в гендерной культуре, экономическая эмансипация женщин привели к тому, что произошла плюрализация семейных отношений, когда традиционная модель нуклеарной семьи перестала рассматриваться в качестве нормативного образца, а другие типы семейных отношений — как отклонение от нормы. Это привело к тому, что супружество и родительство разделились, родительство стало более многообразным, оно стало основываться не только на биологическом родстве между родителем и ребенком, в центре внимания оказались вопросы качества взаимоотношений, социальной заботы о детях. Наряду с этим родительство становится сознательным выбором партнеров (сознательное родительство). Сознательное родительство как «проект» стало соотноситься с жизненными планами мужчин и женщин, когда они делают выбор между продолжением образования или работой и принятием решения о рождении ребенка, возникает так называемое отставленное родительство. Увеличивается потребность в поддержке со стороны других социальных акторов, в первую очередь государства, выработке и реализации политики, «дружественной семье» (*family friendly policy*), для того чтобы совмещать профессиональные и родительские обязанности; расширяется репертуар супружеских и родительских ролей, который непосредственно связан с моделью семейной политики, вписан в более широкий контекст гендерной культуры общества, определяющей гендерное разделение труда в сфере родительства и возможности его изменения.

Россия в(не) контексте(а) западных трендов гендерных отношений?

В отечественном академическом дискурсе условно можно выделить две основные точки зрения на состояние и перспективы развития семьи — алармистскую и модернизационную, представленные главным образом в работах таких авторов, как социолог семьи А. Антонов и демограф А. Вишневский соответственно. Алармистская позиция основана на представлении о том, что семья находится в состоянии глубокого кризиса. По мнению А. Антонова, произошедшая в стране трансформация семьи является частным выражением глобального мирового кризиса социального института семьи, который рассматривается как «пороки социальной организации рыночно-индустриального типа» [26, с. 579]. Кризис семьи связывается с ослаблением социально-нормативной регуляции семейности, трансформацией культурных символов и образцов, снижением ценности брака, семьи с детьми, внутрисемейного единства.

Сторонники представления о кризисе семьи негативно оценивают утрату либо замещение государственными и общественными институтами ее основных функций, разрушение социокультурных норм многодетной семьи и семейного образа жизни. Они отмечают устранение семейного производства как преобладающего в общественной экономике и семейного образа жизни, вытеснение всех членов семьи в сферу наемного труда, замену совместной деятельности родителей и детей индивидуальным самообслуживанием и потреблением, ориентацию деятельности всех социальных институтов на индивидуальность. Поэтому в качестве целей социальной политики ими предлагается укрепление семьи, упрочение семейных ценностей в противовес индивидуальным, развитие семейной собственности и семейного производства, переориентация деятельности всех социальных институтов с индивида на семью. «Семейная политика, — по словам А. Антонова, — это деятельность государства, политических партий, общественных организаций, групп интересов и т. п., направленная на внедрение в жизнь той модели семьи с двумя родителями и несколькими детьми, которая отвечает потребностям личности и общества. Это политика укрепления семейного образа жизни, семьецентризма самого общества, фамилистической культуры и цивилизации. Цель политики не в “возрождении” “традиционной”, или “патриархальной”, семьи, а в социальном конструировании современной семейности, которая оказывается привлекательной для супругов, родителей, детей и одновременно для общества, поскольку современная семья в своем функционировании реализует социетальные функции. При этом семейная политика это даже не деятельность, направленная исключительно на семью. На самом деле семейная политика — это политика, ориентированная на изменение всего строя современной цивилизации, по существу антисемейной, враждебной семье и личности» [26, с. 617]. Стратегической, долгосрочной целью семейной политики, по мнению сторонников данного подхода, является укрепление семьи как социального института, что требует специальных усилий со стороны общества и государства, поощрения полных семей с тремя-четырьмя детьми, повышения ценности материнства и отцовства как социально значимых профессий. Одним из ведущих направлений семейной политики, по мнению Антонова, должно стать повышение рождаемости, в связи с чем он формулирует рекомендации по улучшению социально-экономических условий реализации имеющейся у большинства населения потребности в двух детях и у части населения — в трех и более детях.

Сторонники модернизационной позиции, напротив, утверждают, что трансформация семьи осуществляется в рамках более широкого процесса модернизации, «кризиса ее традиционной формы, перехода к новому типу семьи» [14, с. 239]. А. Вишневецкий полагает, что особых оснований, чтобы драматизировать нынешнюю «семейную» ситуацию в России, нет. В массовом демографическом поведении людей не наблюдается никаких чрезвычайных изменений, частота браков, разводов, уровень рождений остаются в границах колебаний, наблюдающихся уже не одно десятилетие. Основные положения данного подхода представлены в работе под редакцией А. Вишневецкого, посвященной развитию семьи и семейной политике [4]. Авторы придерживаются отличной от алармист-

ской точки зрения на положение российской семьи. Они предлагают определение семейной политики как совокупности целенаправленных воздействий на существующие в обществе отношения по поводу семьи и социальные институты, влияющие на ее функционирование. По их мнению, цель семейной политики — обеспечение наиболее благоприятных социальных, экономических и нравственных условий свободного развития каждой семьи, наилучшего выполнения семьей своих функций. Сторонники этого подхода считают, что семейная политика — это особая область социальной политики, призванная обеспечить новое равновесие между личностью, семьей и обществом на принципах свободы личности, равноправия и партнерства, «организовать и координировать деятельность социальных институтов, обеспечивающих взаимодействие семьи и общества на всех направлениях функционирования семьи» [4, с. 25—26].

Необходимо отметить, что алармистский подход дает негативную оценку всех изменений, происходящих в институте семьи в связи с развитием рыночной экономики индустриального и постиндустриального общества и исходит из необходимости изменения государства и всех социальных институтов в интересах полной многодетной семьи, предлагает целый ряд мероприятий, направленных на укрепление и развитие семейного образа жизни, обеспечение приоритета интересов семьи над интересами государства и индивида. Такой взгляд на положение семьи присутствовал в академическом дискурсе, но не был доминирующим до начала 2000-х гг., когда алармистская точка зрения на положение семьи стала приобретать все большее распространение и получила законченное оформление в политических заявлениях и государственных программах последних лет.

Неотрадиционализм как устойчивая тенденция трансформации гендерных отношений в современной России отмечался многими исследователями с конца 1990-х гг., на сегодняшний день можно говорить о том, что данная тенденция является доминирующей, а также об институционализации традиционалистского дискурса в отношении семьи. В чем он заключается? Во-первых, в общественном и политическом дискурсе произошла абсолютизация семьи, приписывание ей наивысшей ценности, идеализация традиционной модели семьи и патриархатных гендерных отношений. Так, например, по словам Д. Медведева, основная цель проведения Года семьи в России в 2008 г. заключается в том, чтобы «вернуть российской семье тот авторитет, который она имела в начале прошлого века» [40]. Во-вторых, для неотрадиционалистов характерен негативный взгляд на деятельность государства в отношении семьи, реализуемую на предыдущем этапе, советская семейная политика рассматривается как политика, направленная на разрушение традиционной семьи. В-третьих, происходит сведение всего многообразия функций, выполняемых семьей в современном обществе, исключительно к репродукции. Однодетные и малодетные семьи рассматриваются в рамках традиционалистского дискурса как негативное явление. В качестве нормативного типа провозглашается семья, состоящая из двух родителей и трех-четырех детей. Особое внимание уделяется пропаганде многодетности. В-четвертых, кризисное состояние семьи связывается с негативными процессами, происходящими в обществе, поэтому необходимо повы-

сильную значимость семейных ценностей. В-пятых, современный этап семейной политики, реализуемый в России, выделение особого направления молодежной семейной политики направлены на поддержку только одного социально желаемого типа семьи (семья с двумя родителями и тремя и более детьми). Стимулирование рождаемости и воспроизводство населения рассматриваются наиболее важными задачами семейной политики, что делает ее фактически синонимом демографической политики. Плюрализация гендерных отношений, многообразие типов семей, общемировые тенденции демографического и семейного поведения остаются вне поля зрения.

Итак, мы видим, что государство уделяет достаточно большое внимание семейной политике как одному из направлений социальной политики. Особую значимость она приобрела в последние годы, подтверждение чему можно найти в идеологических документах, а также программах реализации приоритетных национальных проектов и демографической политики РФ. Это связано как с политическими, так и экономическими факторами, которые создают новые, по сравнению с предыдущим периодом, структурные условия для формирования и реализации государственной политики в отношении семьи. Необходимо еще раз отметить, что по-прежнему семейная политика в большей степени рассматривается как демографическая, что, по сути, является ответом государства на проблему низкой рождаемости — тенденцию, сложившуюся в позднесоветский период. В этом отношении выделение молодой семьи как отдельного института и предъявление к ней со стороны государства ряда четко прописанных ожиданий, связанных в первую очередь с выполнением репродуктивной функции, позволяет говорить о том, что «патриархатный ренессанс», который является отличительной чертой гендерных отношений в современной России, приобретает вполне очевидные и институционально закрепленные формы.

Кризис и политика государства в отношении семьи

Необходимо отметить, что в отечественном академическом дискурсе тематика кризиса и его влияния на семью в целом, а также молодую семью в частности практически не представлена. Существует определенный массив литературы, посвященной социально-экономическим трансформациям 1990-х гг., переходу от советского к постсоветскому этапу развития общества. Социологические исследования семьи, традиционно связанные с демографией и экономической статистикой, отталкивались в своих выводах и прогнозах от зафиксированных этими науками таких фактов, как падение рождаемости, рост разводов, увеличение числа неполных семей и одиноких людей, сопутствующие исключительно высокому уровню женской занятости. Именно эти тенденции выделили социологи, анализируя мотивы брака, причины разводов, изменения репродуктивных установок, семейную идеологию, функции современной семьи и в конечном счете обосновывая те или иные меры семейной политики. Именно на базе анализа и оценки этих тенденций возникли две концепции современной семьи: алармистская (А. Антонов, В. Медков и др.), основанная на идее утраты важнейших цементирующих семью ценностей, и либеральная

(А. Харчев, А. Вишневский, С. Голод и др.), основанная на идее прогресса и возвышения ценности свободного выбора. По сути дела, речь шла о противоположных оценках процесса модернизации семьи — о семье так называемого переходного периода [17]. Отмечая общие тенденции изменения семьи — увеличение возраста вступления в брак, отставленное родительство, рост количества разводов, снижение рождаемости, возникновение и распространение новых практик в рамках семейно-брачных отношений, сторонники кризисного и модернизационного подходов предлагают кардинально различные интерпретации. В рамках первого подхода выделяется проблематика демографического кризиса, депопуляции, упадка нравственности [1, 13, 15, 21, 23, 24]. Модернисты акцентируют позитивные тенденции эмансипации женщины в семье, переход от патриархатных к эгалитарным гендерным отношениям, от детоцентристской к супружеской семье, распространение сознательного родительства и планирование деторождения [25]. В рамках этого направления уделяется большое внимание разнообразию сценариев семейных и родительских отношений, существующих в настоящее время [6, 7, 8, 9, 19, 25].

Социология семьи недостаточно обращает внимание на возрастную специфику, молодая семья не имеет четкой концептуализации и рассматривается как один из этапов жизненного цикла семьи. Одно из немногих исследований, посвященных непосредственно молодой семье, проблематизирует единственный аспект ее жизни — жилищные условия и возможности их улучшения посредством государственных программ [2]. Следует отметить, что именно этот аспект чаще всего актуализируется и на уровне государственной политики в отношении молодой семьи.

Данные точки зрения на состояние и перспективы развития семьи воспроизводятся примерно в одинаковом варианте на протяжении последних десятилетий с минимальными корректировками в зависимости от происходящих в стране изменений.

Социально-экономические трансформации 1990-х гг. многими авторами оценивались как негативные с точки зрения влияния на институт семьи (см., напр., [11]). Новая социально-экономическая ситуация в стране, снижение уровня жизни, сильное материальное расслоение общества повлекли за собой снижение уровня брачности, увеличение количества молодых людей, отказывающихся от регистрации брака и рождения ребенка, главным образом по причинам экономического характера. Наиболее существенным изменением паттернов семейной и репродуктивной жизни было для молодежи, которая стала делать выбор между регистрацией брака и рождением первого и второго ребенка в короткий период после начала семейной жизни, как это было в 1980-е гг., в пользу гражданского брака, отставленного родительства и малодетности. Экономические факторы (снижение уровня жизни в целом, отсутствие перспективы улучшения жилищных условий, высокая вероятность безработицы, отсутствие у большинства родителей молодых супругов возможности помочь материально) выступали ведущим фактором, оказывающим влияние на изменение брачно-семейного поведения молодежи. Помимо этого социологи на основе данных, собранных в 1990-е гг., фиксировали возникновение

традиционных гендерных установок, представлений о разделении труда между полами. Изменение структурных условий, возможность высоких заработков для мужчин сделали возможной и привлекательной в глазах многих, особенно молодых женщин, традиционную модель семьи, где мужчина выполняет роль «кормильца», а женщина — «домохозяйки» [11, с. 76]. В целом отечественные социологи семьи были склонны негативно оценивать происходящие в обществе изменения. Т. Гурко, например, пишет: «Распространение, по крайней мере, среди городской молодежи ценностей индивидуализма и гедонизма взамен коллективистских ценностей предшествующих поколений приводит к девальвации семьи» [11, с. 77].

Можно говорить о том, что в 1990-х гг. дискурсивно оформились «общественные паники» в отношении семьи и молодежи, которые стали активно использовать официальную риторику в начале 2000-х гг. в контексте демографического кризиса. В современном дискурсе эта проблема определяется в категориях катастрофы, вымирания и исчезновения российской нации. В качестве иллюстрации можно привести следующую цитату: «Если ситуацию в семейных отношениях на Западе можно обозначить словом “кризис”, то для России более подходящим словом является “катастрофа” <...> Вернувшись на путь капитализма, который однажды чуть было не уничтожил Российское государство, нынешняя Россия не только воспроизвела самые негативные стороны западного капитализма, но и, по чисто русской традиции, довела их до крайностей. Главным агрегирующим показателем такой стратегической ошибки является неуклонное снижение численности населения Российской Федерации, сократившейся после развала СССР почти на 10 млн чел. <...> “Вымирание” грозит только России. На Западе <...> этот процесс компенсируют миграционные потоки из стран Третьего мира. <...> ...При нынешней социально-экономической системе в России не сможет выжить не только семья, не сможет выжить и сама Россия» [3, с. 147, 158, 159].

В работе, посвященной изменению репродуктивной политики в России в начале 2000-х гг., М. Ривкин-Фиш показывает, как в общественном сознании при помощи СМИ и выступлений руководителей Коммунистической партии и ЛДПР формируется идея «национальной катастрофы», переживаемой государством в результате антинародных экономических реформ российского правительства. «Геноцид российского народа» представлен в количественных показателях, демонстрирующих снижение уровня рождаемости, увеличение смертности, уменьшение численности населения, а также в качественных характеристиках, связанных с ухудшением «генофонда» нации: плохое здоровье женщин и мужчин как потенциальных и реальных родителей, недостаточно хорошее здоровье новорожденных детей. Риторика вымирания нации активно используется в националистическом дискурсе, связывая количество и расовую чистоту населения с экономическим, политическим и культурным «возрождением» России. Националистический дискурс, который (вос)производит «общественные паники» по вопросам демографии, явно или неявно приводит читателей к тому, чтобы они рассматривали российскую нацию как единое сообщество, объединенное общей биологической сущностью и переживаемой

мыми страданиями, которое находится под угрозой вымирания [36, р. 159]. Как отмечает М. Ривкин-Фиш, многие авторы, придерживающиеся этого подхода, ссылаются на результаты разнообразных исследований, посвященных демографии и состоянию здоровья граждан, однако при этом совершенно игнорируют социально-экономические показатели, влияющие на качество жизни представителей той или иной группы, стратификационный характер здоровья, а «также скрывают частичный и выборочный характер данных, которые они представляют» [36, р. 162]. Вырванные из контекста, из сравнительной перспективы, подобного рода результаты используются для того, чтобы сделать более наглядными те негативные явления, которые, по мнению авторов таких материалов, переживает в настоящем российская нация. Фактически эта позиция совпадает с алармистским взглядом на семью, который я рассматривала выше. Ученые, политики, общественные деятели, разделяющие данную точку зрения на проблемы рождаемости, поддерживают пронаталистские меры в семейной политике, выступают за существенное ограничение абортот и сексуального воспитания школьников, видя в этом причины ухудшения демографической ситуации в России.

Важным исключением в этом случае являются работы тех ученых, которые критикуют дискурс о демографическом кризисе и выступают против пронаталистских мер в семейной политике, определяя их как антидемократические и неэффективные. К числу таких авторов можно отнести А. Вишневого, С. Захарова и других. Они не согласны с алармистской точкой зрения на состояние современной российской семьи и стремятся разоблачить «демографические мифы», которые активно создаются и циркулируют в националистическом дискурсе. Эти исследователи считают, что каждая семья имеет право принимать собственное решение относительно рождения ребенка и числа детей в семье (принцип «суверенности семьи» в модернизационном подходе). Они выдвигают аргументы против пронаталистского вмешательства в жизнь семьи со стороны государства, которое было характерно для советской модели семейной политики. Сравнивая демографическое поведение российских граждан с общемировыми тенденциями, они отмечают, что Россия, как и другие страны, находится в стадии демографического перехода, выражающегося в том числе и в уменьшении уровня рождаемости. Но эти авторы подчеркивают определенные причины заболеваемости и смертности, включая злоупотребление алкоголем, сердечно-сосудистые заболевания и травмы, что характерно в большей степени для мужской части населения страны. Они указывают на то, что решение этих проблем требует действий со стороны правительства, направленных на лечение и профилактику заболеваний. Улучшение демографической ситуации связывается ими с улучшением сервисной поддержки семей с детьми, улучшением здравоохранения, социального обеспечения граждан, охраны детства. Эти исследователи подчеркивают значение динамики населения для развития государственного социального обеспечения, например пенсионного фонда, здравоохранения, жилищных условий, поскольку именно достойная социальная поддержка граждан позволит стать России конкурентоспособной на глобальном рынке. Однако, как с сожалением отмечает М. Ривкин-Фиш, все

эти аргументы не смогли в полной мере преодолеть националистический дискурс, который (вос)производится СМИ и формирует общественное мнение в целом [36, p. 162—164].

Последствия мирового финансового кризиса, которые затронули и Россию в конце 2008 г., не оказали существенного влияния на изменение направленности и объемов финансирования «пятого нацпроекта». Руководство страны неоднократно подчеркивало, что для государства по-прежнему остаются приоритетными социальные вопросы, финансирование которых не только не сократится, а, напротив, будет увеличено в связи с изменившейся финансовой ситуацией. В выступлениях руководителей страны в течение года не единожды отмечалось, что нынешнее экономическое положение принципиально отлично от того, что было в 1990-х гг., и это обеспечит более легкий выход из кризиса. Приведем в качестве иллюстрации данного тезиса цитату из беседы Д. Медведева с руководителем дирекции информационных программ «Первого канала» К. Клейменовым, состоявшейся 15 марта 2009 г. На вопрос о том, не опасается ли Президент, что «молодые люди сегодня могут испытать своего рода разочарование, как-то потеряться», был дан следующий ответ: «Вы знаете, я думаю, что такой проблемы по большому счету нет по нескольким причинам. Во-первых, молодежь — это все-таки наиболее энергичная, наиболее мотивированная часть общества, и ее не так просто сломать. А во-вторых, тот стартовый уровень, на котором мы находимся, существенно отличается от того, что было в 90-е годы. Мы-то с Вами помним, в каком состоянии была страна, какой была экономика, что действительно произошло в один из дней 1998 года, когда практически каждый человек в стране почувствовал себя ограбленным. И в этом смысле этот стартовый уровень все-таки создает достаточный запас прочности. Поэтому в отношении молодежи я не испытываю особого волнения. Конечно, это проверка на прочность. Это очевидно абсолютно. Но я могу сказать, что и старшее поколение, и среднее поколение, они тоже не должны чувствовать сегодня себя как люди, которые снова попали в самую трудную жизненную ситуацию. Да, кризис никого не радует. Он всех напрягает, создает неудобство. Но, конечно, мы не допустим того, что происходило в конце 80-х, в 90-е годы. У нас принципиально другая экономика и, самое главное, принципиально иное отношение к социальным обязательствам государства. Того, что было, не произойдет» [41].

Таким образом, экономический кризис не оказал существенного влияния на позицию государства в области семейной политики и молодой семьи. Большее влияние на изменение направленности и содержания семейной политики, выделение особого направления молодежной семейной политики оказывает демографический кризис, который переживает Россия. Определение репродукции как одной из основных зон ответственности и влияния государства, произошедшее в начале 2000-х гг., привело к тому, что с 2007 г. начался новый этап развития семейной политики, имеющий ярко выраженный пронаталистский характер. Выделение категории молодой семьи как особого института и объекта заботы со стороны государства позволяет говорить о том, что молодежь рассматривается как «демографический резерв», для мобилиза-

ции которого предпринимаются вполне определенные шаги, в первую очередь экономического характера. При этом целый комплекс проблем, с которым сталкиваются молодые родители в своей повседневной жизни, остается вне фокуса внимания государства.

Библиографический список

1. Баранов А. О некоторых фактах популяционного кризиса // СОЦИС. 2000. № 7. С. 116—119.
2. Барашкова А. Жилищные проблемы молодых семей Севера // СОЦИС. 1994. № 7. С. 115—119.
3. Бэттлер А. О любви, семье и государстве : философско-социологический очерк. М. : КомКнига, 2006. 168 с.
4. Вишневский А. Эволюция семьи в СССР и принципы семейной политики // Семья и семейная политика / под ред. А. Вишневского. М. : Ин-т социально-экономических проблем народонаселения АН СССР, 1991. С. 25—41.
5. Гордон Л., Клопов Э. Человек после работы : социальные проблемы быта и внерабочего времени. М. : Наука, 1972. 376 с.
6. Градскова Ю. Новая идеология семьи и ее особенности в России // Обществ. науки и современность. 1997. № 2. С. 181—185.
7. Гурко Т. Вариативность представлений в сфере родительства // СОЦИС. 2000. № 11. С. 90—97.
8. Гурко Т. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // СОЦИС. 1997. № 1. С. 72—79.
9. Гурко Т. Родительство: социологические аспекты. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 160 с.
10. Гурко Т. Россия: социальная политика в отношении молодых родителей // Власть. 2008. № 6. С. 10—14.
11. Гурко Т. Социально-экономические изменения в России и формирование семьи // Социально-экономические проблемы современного периода преобразований в России. М. : Московский общественный научный фонд, 1996. С. 71—78.
12. Гурко Т. Трансформация института современной семьи // СОЦИС. 1995. № 11. С. 95—99.
13. Дементьева И. Негативные факторы воспитания детей в неполной семье // СОЦИС. 2001. № 11. С. 108—113.
14. Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М. : Новое изд-во, 2006. 608 с.
15. Елизаров В. Демографическая ситуация и проблемы семейной политики // СОЦИС. 1998. № 2. С. 55—60.
16. Захаров С. Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // SPERO. 2006. № 5. С. 33—69.
17. Здравомыслова О., Арутюнян М. Российская семья на европейском фоне. М. : ИСЭП РАН, 1998. 169 с.
18. Камсюк Л. Репродуктивное здоровье населения России // Население и общество. 1999. № 40. С. 1—4.
19. Клецин А. Внебрачные и альтернативные (немодальные) формы семьи: формы и содержание // Рубеж : (альманах социальных исследований). 1994. № 5. С. 166—179.
20. Климантова Г. Государственная семейная политика современной России : учеб. пособие. М. : Дашков и К, 2004. 192 с.

Гендерные аспекты социальной политики

21. Кризис семьи и депопуляция в России : (круглый стол) // СОЦИС. 1999. № 11. С. 50—57.
22. *Ловцова Н.* «Здоровая, благополучная семья — опора государства» : гендерный анализ семейной социальной политики // Журн. исследований социальной политики. 2003. № 3/4. С. 323—339.
23. *Романович Н.* Население Воронежа о причинах и путях преодоления демографического кризиса // СОЦИС. 2004. № 11. С. 62—66.
24. *Руткевич М.* Депопуляция или вымирание? // СОЦИС. 1996. № 3. С. 104—110.
25. Семейные узы: модели для сборки : сб. ст. : в 2 кн. / сост. и ред. С. Ушакин. М. : НЛО, 2004. Кн. 1. 632 с. ; Кн. 2. 520 с.
26. Социология семьи : учеб. / под ред. А. Антонова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2005. 640 с.
27. *Харчев А.* Брак и семья в СССР. М. : Мысль, 1979. 365 с.
28. *Хасбулатова О.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
29. *Чернова Ж.* Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб. : Норма, 2008. 328 с.
30. *Attwood L.* The New Soviet Men and Women : Sex Role Socialization in the USSR. Basingstoke : Macmillan, 1990. 335 p.
31. *Billari F. C.* The Transition to Parenthood in European Societies // Policy Implications of Changing Family Formation / Ed. by L. Hantrais, D. Philipov, F. Billari. Council of Europe Publishing, 2006. P. 63—111.
32. *Ilic M.* Women in the Khrushchev Era : an Overview // Women in the Khrushchev Era / Ed. by M. Ilic, S. Reid, L. Attwood. Basingstoke : Palgrave, 2004. P. 5—28.
33. *Liegle L.* Education in the Family and Family Policy in the Soviet Union // Western Perspectives on Soviet Education in the 1980s / Ed. by J. J. Tomiak. Basingstoke : Macmillan, 1986. P. 57—74.
34. *Molyneux M.* The «Woman Question» in the Age of Perestroika // New Left Review. 1990. № 183. P. 23—59.
35. *Pascall G., Manning N.* Gender and Social Policy : Comparing Welfare States in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union // J. of European Social Policy. 2000. Vol. 10. № 3. P. 240—266.
36. *Rivkin-Fish M.* From «Demographic Crisis» to «Dying Nation». The Politics of Language and Reproduction in Russia // Gender and National Identity in Twentieth-Century Russian Culture / Ed. by H. Goscilo, A. Lanoux. Northern Illinois University Press, 2006. P. 151—173.
37. URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya25.html> (дата обращения: 01.03.2010).
38. URL: http://tours.kremlin.ru/appears/2000/07/08/0000_tipe63372type63374tipe82634_28782.shtml (дата обращения: 01.03.2010).
39. URL: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?article/D=1278517> (дата обращения: 01.03.2010).
40. URL: <http://www.rg.ru/2007.09.05.alimentshiki.htm> (дата обращения: 01.03.2010).
41. URL: <http://www.vz.ru/information/2009/3/15/265191.html> (дата обращения: 01.03.2010).

ББК 60.542.21:60.542.5:63.3(2)5

В. М. Марасанова, И. Ф. Албегова, Г. Л. Шаматонова

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН-ИНВАЛИДОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVII — НАЧАЛЕ XX в.

Для охраны и реализации прав женщин-инвалидов в современном российском обществе особый научный и практический интерес представляет изучение положения социально уязвимых категорий населения, в том числе женщин-инвалидов, в разные исторические периоды. Отношение к проблемам людей с ограниченными физическими возможностями, с одной стороны, показывает степень экономического развития и благополучия страны. С другой стороны, забота об инвалидах отражает нравственное состояние общества, его способность к терпимости и состраданию. По вопросам развития медицинской помощи населению и благотворительности в дореволюционный период выходят многочисленные общероссийские и региональные исследования, защищаются диссертации. Однако работы, посвященные решению проблем женщин-инвалидов в Российской империи, практически отсутствуют, и до сих пор данный вопрос еще не стал темой специального изучения.

Целью проводимого исследования стало обобщение имеющихся в научной литературе и исторических источниках сведений о положении женщин-инвалидов в России в XVII — начале XX в. Источниками изучения послужили российское законодательство, переписные книги, делопроизводственная документация центральных и местных органов власти и управления, статистические материалы, дореволюционная периодическая печать, источники личного происхождения и т. д.

В качестве местных материалов были привлечены источники XVIII — начала XX в. по Ярославлю и Ярославскому краю в целом. Данная губерния и весь Верхневолжский регион были весьма типичны для Центральной России. Губернии Верхнего Поволжья (Владимирская, Костромская, Тверская и Ярославская) занимали выгодное географическое положение, находясь между Санкт-Петербургом и Москвой. Тесным связям между четырьмя губерниями содействовало их близкое расположение, развитие сухопутных путей сообщения и наличие водных коммуникаций. Эти губернии имели много общего с точки зрения экономического потенциала (малопродуктивные почвы, значительная доля текстильного производства, развитый отход и неземледельческие промыслы), состава населения и, как следствие этого, на протяжении разных этапов своей истории должны были решать сходные социальные проблемы.

В эпоху Средневековья и в дальнейшем помощь инвалидам и всем нуждающимся понималась в обществе как следование христианским заповедям, милосердие, безвозмездная помощь «страждущим». На протяжении многих веков значительный материальный и духовный вклад в помощь беднейшим и нуждающимся категориям населения вносила Русская православная церковь.

При этом специальной государственной службы со своим центральным органом в сфере благотворительности, общественного призрения, социальной поддержки и реабилитации инвалидов не существовало. В результате вся социальная работа, которая проводилась по линии государства, общественности и частных лиц, неизбежно отличалась бессистемностью и бесконтрольностью. Призрение еще не являлось государственным делом, поскольку, по мнению властей, почти каждый нуждающийся имел близкие к себе организации и сообщества — семью, сельскую общину, приход, городское общество, а с XIX столетия — волость. В результате государство этими проблемами еще не занималось, и не случайно за работой, связанной с помощью (призрением) нуждающимся, в XVIII в. закрепился термин «общественное призрение».

Первое упоминание о лечебном заведении в Ярославле удалось выявить только в переписи дворов Ярославля за 7177 г. (1669 г.). Это частная больница, беломестный «двор князя Офонасия Ивановича Лобанова-Ростовского», в котором жили больные люди. Всех изб в этом больничном дворе было десять. В повседневной жизни при всех бедах и болезнях обращались за помощью к Богу и святым. Из православных святых жен на Руси наиболее часто прибегали к заступничеству св. Параскевы Пятницы, которая считалась хранительницей людей от различных болезней, а скота — от падежа. Она также покровительствовала браку, семейному счастью и благополучию. В Ярославле в ее честь было освящено 3 храмовых престола из 13, посвященных святым женам. Еще два престола было освящено в честь Варвары Великомученицы — помощницы в трудных родах и выборе спутника жизни. Остальные освящения ярославских престолов в честь святых жен единичны — в честь Екатерины, Ольги, (Кирика и) Улиты, (Иоакима и) Анны и других святых.

В социокультурной хронике Ярославля XVII — первой трети XVIII в. исследователями зафиксировано около 1 тыс. записей, и в них лишь 89 раз упоминаются имена женщин в связи с их семейно-брачными отношениями или религиозной жизнью города. Так, в записи XVI в. об исцелениях от иконы св. Николая в Ярославском Успенском соборе зафиксировано 144 чуда, в том числе 103 исцеления женщин: 93 исцелились от слепоты, 6 от болезней опорно-двигательного аппарата, 4 от беснования. От иконы и раки с мощами св. Федора, Давида и Константина Ярославских прозрели Мария, «жена некая от богату родителю», и отроковица Анастасия. В «Сказании о явлении и чудесах от иконы Толгской Богородицы» XVII в. в 7 из 28 записей о чудесах упомянуты женщины, которые получили исцеление от бесплодия или воскрешение младенцев (2 и 3-е чудо). В 4-м чуде рассказывается об исцелении девицы Марии от нечистого духа, в 23-м — об исцелении от беснования девицы Татьяны, в 17-м — о воскрешении москвички Иулиании, в 26-м — об исцелении Феодосии. В 19-м чуде упомянута жена диакона церкви Николы Мокрого, семья которого была исцелена от слепоты¹. Чудеса исцелений, вклады в храмы и монастыри, заказ икон и фресок — вот основные упоминания о жителях Ярославля в письменных памятниках XVII столетия.

В первой четверти XVIII в. на государственном уровне было впервые обращено внимание на положение нуждающихся, а также помощь престарелым и инвалидам. В 1712 г. Петр I в своем указе повелел по всем губерниям «учинить

госпитали для самых увечных, которые ничем работать не могут, ни стеречь также, и зело престарелым». В них принимались «убогие, увечные и престарелые» лица «обоего пола», при этом мужские и женские богадельни существовали отдельно. В богадельнях нуждающиеся получали кров, одежду и питание, чтобы «не были бы принуждены испросить оных вне установленных для них мест»². Социальной адаптации, реабилитации и тем более социальной реализации призреваемых богадельни не предусматривали.

Первые конкретные сведения о существовании богаделен в Ярославле встречаются в переписных книгах города за 1717 г., что, очевидно, явилось следствием реализации упомянутого выше петровского указа. На этот год в городе имелось 12 богаделен. В административном отношении Ярославль начала XVIII столетия разделялся на семь сотен. В Городской и Спасской сотне богаделен не было. В Никольской (Гостиной) сотне имелось 3 богадельни: деревянная Государева (Игнатовская); каменная богадельня Алексея Зубчанинова; каменная богадельня Саввы Романова. В Сретенской сотне также было 3 богадельни: каменная, построенная купцом Семеном Лузиным; каменная богадельня в ограде Леонтьевской церкви; деревянная богадельня, построенная Алексеем Полозовым. Еще 3 богадельни действовали в Дмитриевской сотне: каменная, построенная протопопом Иоанном; деревянная богадельня посадского Ивана Силантьева; деревянная в ограде церкви Иоанна Богослова. В Толчковской сотне было 2 богадельни: деревянная в приходе Иоанна Предтечи и каменная в Николо-Пенском приходе. В Духовской сотне была одна деревянная богадельня в приходе церкви св. Власия у посадского человека Тимофея Безбородова и сестры его — «вдовы Огрофены Семеновы дочери». Как видим, богадельни в основном создавались либо благодаря частной инициативе (5 из 12), либо при городских приходских церквях (также 5 из 12).

Таблица 1

Ярославские богадельни в 1717 г., чел.³

Богадельня	Мужчины	Женщины
Государева (Игнатовская)	13	—
Алексея Абрамовича Зубчанинова	29	47
Саввы Романова	19	25
«Построение гостя Семена Остафьева Лузина»	24	48
В ограде Леонтьевской церкви	9	16
«Построения ярославца посацкого человека Алексея Романова Полозова»	2	13
«Построения священнопротопопа Иоанна»	6	36
Ивана Силантьева	7	21
В ограде церкви Иоанна Богослова	—	8
В приходе Иоанна Предтечи	12	29
В Николо-Пенском приходе	16	39
В приходе церкви св. Власия	10	25
<i>Итого</i>	147	307

Из приведенных в табл. 1 данных по городским богадельням в 1717 г. видно, что женщины составляли наибольшее число призреваемых — 307 из 454, или 67,6 %. По сравнению с общей численностью городских жителей — 10 435 (данные ревизии 1725 г.) — призреваемые в богадельнях обоего пола составляли довольно значительную группу жителей Ярославля — 4,4 %. При этом больниц и других медико-социальных учреждений ни в городах, ни на селе не существовало.

К 1743 г. число богаделен в Ярославле возросло с 12 до 16, они в основном назывались в соответствии с близлежащими церквями: Флоровская, Леонтьевская, Христорожественская, Варваринская, Дмитриевская, Власьевская, Богословская, Вознесенская, Петропавловская, Воздвиженская, Благовещенская, Коровницкая, Предтеченская, Николо-Пенская. Две богадельни именовались по фамилиям их основателей — Алексеевская и Лузиновская. В них проживали 106 мужчин и 419 женщин (всего 525 человек), иными словами, женщины по-прежнему преобладали (80 % от всех содержащихся в богадельнях). Ко времени начала реализации губернской реформы 1775 г. в Ярославле имелось уже 20 богаделен, однако из-за нехватки средств положение их жителей было подчас бедственным. Как правило, все жили и питались в общем помещении, а на пропитание собирали милостыню.

По сословному происхождению на 1743 г. подавляющее большинство среди женщин, находившихся в ярославских богадельнях, составляли крестьянки — 173 (33 % от всего количества призреваемых) и женщины из посадской среды — 164 (31,2 %). Преобладание крестьянок понятно, поскольку эта группа населения была самой многочисленной в империи. При этом вполне обоснованным представляется вывод о том, что ситуация с призрением лиц обоего пола была гораздо благополучнее в городах, чем в сельской местности. Ведь доля женщин из посадской среды (с 1775 г. посадские именовались мещанами), призреваемых в ярославских богадельнях, была почти равна доле призреваемых из крестьян. Представительницы других сословий в местных богадельнях были менее многочисленны: из солдатского сословия — 59 женщин (11,2 %), из духовной среды — 14 (2,7 %), из дворовых — 7 (1,3 %), из дворян — 2 (0,4 %).

Поскольку больниц в городах в то время не существовало, в случае необходимости жители могли обращаться за помощью только к знахарям и коновалам. Умалишенные, к примеру, не получая никакой помощи, заключались в тюрьму, где содержались в колодках. К. Д. Головщиков приводил отрывок из типичного решения городского магистрата по такому поводу: «Сумасбродца, приняв, посадить под караул, и чтобы он как сам себе, так и прочим не учинил какого дурна, а паче чем не уязвил, до того его не допускать и в том за ним крепко смотреть караульным сторожам»⁴.

После вступления на престол императрица Екатерина II неоднократно заявляла, что «нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставлять его соблюдать законы»⁵. Проведенные реформы местного управления не только унифицировали губернии как основные административные единицы Российской империи, но и ввели все управление в регионах в рамки закона и положили начало действительному разделению властей. Губернские учреждения нового образца делились на административно-полицейские, финансово-хозяйственные и судебные.

Императрица оказывала поддержку благотворительным учреждениям и на государственном уровне, и своими личными средствами. 23 апреля 1786 г. Екатерина II отдала указ о том, чтобы «в каждой губернии, по сношению <...> генерал-губернатора с епархиальными архиереями, выбрать по одному мужскому и женскому монастырю, кои с лучшею удобностию могут употреблены быть к содержанию бедных, увечных и призрения требующих нижних чинов и тому подобных людей, кои и отдать в ведение приказов общественного призрения; прочие же, равно и приписанные к монастырям пустыни <...> обратить в приходские церкви, стараясь, где удобно, поместить при них малые народные школы и богадельни»⁶.

В последней четверти XVIII столетия во всех губерниях, учрежденных в соответствии с актами Екатерины II, появились приказы общественного призрения, которые ведали школами, больницами, богадельнями, приютами, смиренными домами и тюрьмами⁷. Несомненно, первые шаги по созданию системы медицинских учреждений и государственного призрения носили прогрессивный характер. Однако в отличие от других губернских учреждений приказ общественного призрения не получил твердых штатов и действовал за счет добровольных пожертвований и штрафов, большая часть которых направлялась на содержание тюрем. Например, одним из источников его доходов были штрафы с «недобросовестных жалобщиков», взимаемые по решениям местных судов. Работой приказа общественного призрения руководил губернатор, в состав этого учреждения входили также заседатели от губернских сословных судов и назначаемые неперенные члены из числа государственных служащих. Секретарем ярославского приказа общественного призрения стал титулярный советник Василий Демьянович Санковский, в дальнейшем получивший известность как редактор первого провинциального журнала «Уединенный походец», издававшегося в Ярославле в 1786—1788 гг.

Расходование средств на социальные нужды во многом зависело от личных пристрастий наместника (генерал-губернатора) и подчинявшегося ему правителя наместничества (губернатора). Внося значительные суммы на просвещение, здравоохранение и благотворительность, наместники и губернаторы подавали пример другим чиновникам, дворянам и купцам, также жертвовавшим средства на благотворительность и становившимся членами разного рода просветительских, православных и благотворительных обществ. В пользу инвалидов в дальнейшем начали проводиться благотворительные вечера и театральные спектакли.

Многочисленными благотворительными начинаниями, постоянной помощью голодающим и нуждающимся особенно прославился первый ярославский наместник Алексей Петрович Мельгунов, занимавший этот пост в 1777—1788 гг. В 1785 г., когда в Ярославском наместничестве начался голод, по просьбе А. П. Мельгунова императрица Екатерина II выделила 20 тыс. рублей в помощь населению. Одним из значительных мероприятий первого наместника стало открытие в 1786 г. дома призрения ближнего для ярославских сирот, для которого было собрано 30,8 тыс. рублей ассигнациями. На момент открытия в дом призрения ближнего поселили 18 мальчиков и 21 девочку, а к концу 1786 г. в нем жили 56 мальчиков и 24 девочки. Попечительницей этого заведения стала

дочь наместника Екатерина Мельгунова. В дальнейшем супруги и старшие дочери ярославских губернаторов становились почетными членами Ярославского дома призрения ближнего (с 1876 г. назывался Екатерининским). Здесь часто устраивались концерты и спектакли для «благородных особ», жертвовавших значительные суммы на нужды заведения. В XIX в. в этом же здании были устроены Екатерининская женская гимназия (1876 г.) и богадельня для женщин.

В связи с учреждением Приказа общественного призрения А. П. Мельгунов провел реорганизацию существовавших в Ярославле благотворительных заведений. Вместо 20 богаделен осталось только 2 — Пятницкая и Варваринская. 24 мая 1787 г. Мельгунов передал приказу общественного призрения 14 каменных зданий, а также перевел жителей двух богаделен в более удобные сухие помещения. Взамен закрытых богаделен, где условия жизни призреваемых были неудовлетворительными, построили большую богадельню за Романовской заставой. Там же разместились губернская больница с флигелем для больных инфекционными болезнями, дом «для лишенных ума» (1779 г.), воспитательный дом и другие учреждения медико-социальной направленности.

Важнейшей и по большей части нерешенной проблемой в деле помощи инвалидам и вообще в решении социальных вопросов оставалось недостаточное финансирование. Появление на губернском уровне особых финансовых учреждений — казенных палат и уездных казначейств — в последней четверти XVIII в., несомненно, способствовало наведению большего порядка во взимании налогов и расходовании государственных средств. Казенная палата занималась «ревизией счетов, соляными делами, винным откупом и подрядами», а также составляла ведомости «о числе народа»⁸. Казенную палату возглавлял вице-губернатор, а с 1845 г. стал назначаться особый председатель. В последней четверти XVIII в. в состав казенной палаты входили директор экономии, советник, два ассессора и губернский казначей.

Как свидетельствуют приведенные в табл. 2 данные, в 1783 г. доходы Ярославской губернии составили 921 841 рубль 7 копеек. При этом расходы на содержание местных правительственных учреждений, т. е. «статских команд», составляли 14 % от всего губернского бюджета. По сути дела, именно эта расходная статья была главной, и прочие расходы значительно уступали ей по размеру. Расходы на пенсионеров, инвалидов, вдов и сирот, т. е. на поддержку социально незащищенных слоев населения, были ровно в 10 раз меньше и составляли 12 847 рублей 4 копейки — 1,4 % от всех расходов по губернии.

Таблица 2

Расходы Ярославской губернии на 1783 г.⁹

Статья расходов	Сумма, руб.	%
«На статские команды»	129 005,00	14,0
На содержание монастырей, соборов, архиерейского дома и семинарии	19 588,11	2,1
На военные команды	15 098,97	1,5
На пенсионеров, инвалидов, вдов и сирот	12 874,04	1,4
На прочие расходы и «отсылку в разные места»	745 274,95	81,0
<i>Итого</i>	921 841,07	100,0

При таком незначительном размере финансовых поступлений становится ясным, что без частных пожертвований помощь «недостаточным» слоям населения, по сути дела, являлась фикцией и положение женщин-инвалидов в основном зависело от достатка и внимания их семьи, а не государства и общества. Всего за последнюю четверть XVIII столетия благодаря бескорыстным жертвователям в 50 губерниях России появилось не менее десятка учреждений социальной направленности, два из которых находились в Ярославской губернии — дом призрения ближнего в Ярославле и вдовый дом в уездном городе Мологе.

Усиление внимания к положению нуждающихся и инвалидов было характерно для всех губерний, учрежденных в соответствии с актами 1775 г. Во всех губерниях при приказах общественного призрения открывались первые губернские больницы. Так, во Владимире при первом наместнике Романе Илларионовиче Воронцове появились первая аптека и больница, а в последние годы XVIII в. начал строиться инвалидский дом для отставных офицеров и нижних чинов (сейчас ул. Фрунзе, 65). Он торжественно открылся 22 июля 1802 г. В 1777 г. по указанию местных властей в Твери открылись две богадельни, а также сиротский дом и больница на 40 мест.

В это время к числу государственных служащих относились не только административные чиновники, но и те, кто имел классные чины и получал содержание от государства, в том числе медики. Численность классных служащих, размер денежного содержания и пенсий предусматривались штатными расписаниями. После проведения губернской реформы во всех уездных городах появились лекари, получавшие жалованье от государства. Так, в Ярославском наместничестве, не считая губернского центра, в 1777—1796 гг. было 11 уездных городов. Рассылкой лекарей по уездным городам, как правило, ведали губернаторы. Например, по приказу ярославского губернатора Ивана Александровича Заборовского в августе 1780 г. в Ростов вместо снятого по неизвестным причинам лекаря Зоммера был направлен Петр Земский¹⁰. Следующий губернатор, Иван Иванович Голохвастов, 20 ноября 1788 г. распорядился о переводе лекаря Садовского из Борисоглебска в Ярославль¹¹.

В 1797 г. по приказу императора Павла I во всех губерниях Российской империи были учреждены врачебные управы — первый государственный орган в медицинской сфере. В Ярославле, согласно этому распоряжению, полагались должности врачебного инспектора (с жалованьем 700 рублей в год), оператора и акушера (они получали по 500 рублей в год). Врачебному инспектору были подчинены все городские и уездные врачи и фельдшеры, а затем и ветеринары.

Если до начала губернской реформы в Ярославской провинции вообще не было больниц, то потом дело постепенно менялось к лучшему. По источникам 1802 г. в Ярославле числились 3 деревянные богадельни и деревянная больница, а в 1824 г. в городе уже имелись госпиталь, 2 больницы, дом умалишенных, 3 частные аптеки (казенных не было), смирительный дом, 3 казенные и 6 частных богаделен, 3 казенных сиротских дома. Количество богаделен в городе вновь увеличилось, но так и не достигло уровня 1770-х гг. Это объяснялось тем, что в первой половине XIX в. помощь населению оказывали медицинские и благотворительные учреждения разных типов. Сельское население могло об-

ратиться за амбулаторным лечением к фельдшерам, которые вели прием в пунктах, числившихся за Министерством государственных имуществ.

Приказы общественного призрения продолжали действовать до периода реформ Александра II. После учреждения в 1802 г. министерств их деятельность была подчинена Министерству внутренних дел. В 1831 г. по линии приказов общественного призрения в стране действовали 418 заведений, в которых находилось 19 189 призреваемых, а в 1855 г. — 856 заведений и 34 080 призреваемых. На их содержание ежегодно отпускалось 2,7 млн рублей. Приказы общественного призрения создавали по своей линии учебные заведения и заведения для «страждущих». Их капиталы на 1837 г. составляли свыше 135,2 млн рублей. Постепенно приказы общественного призрения передавали свои функции различным возникавшим вновь учреждениям — учебным, медицинским и другим, а затем, с появлением земств и городских общественных учреждений, были полностью упразднены. После их упразднения благотворительными заведениями наряду с земствами ведало губернское попечительство детских приютов по Ведомству учреждений императрицы Марии.

Новые богадельни продолжали создаваться на частные средства на протяжении всего XIX столетия. Так, 12 января 1851 г. император Николай I утвердил положение о богадельне Пастуховых в Ярославле. Ее создателями стали почетный потомственный гражданин, купец 1-й гильдии А. М. Пастухов и его племянники. Богадельня создавалась «для призрения престарелых и увечных людей обоюбого пола, преимущественно из мещанского сословия». Из всего семейства впоследствии особенно много жертвовал на благотворительность Николай Петрович Пастухов (1820—1909). В Ярославле он внес значительные средства на Ольгинский детский приют, дом трудолюбия, амбулаторию общества врачей, комитет Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых и др.

В положении о богадельне Пастуховых было оговорено, что она находится «под главным наблюдением начальника Ярославской губернии» и «по истечении каждого года попечитель представляет отчет начальнику губернии», один экземпляр которого отправляется в МВД¹². Таким образом, согласно законодательству, даже созданные на частные средства богадельни находились под контролем властей.

По источникам 1880-х гг. в Ярославле имелось 9 богаделен: городская (118 человек обоюбого пола); ремесленного общества (19); земская (100); Грязевых (странноприимная, 10 женщин); Пастуховых (50 человек обоюбого пола); А. И. Вахрамеева (20 женщин); М. М. Вахромеевой (39 человек обоюбого пола); Иоанникиевская богадельня для лиц духовного звания (10 человек обоюбого пола); Андрониевская (старообрядческая, 70 человек обоюбого пола).

От общего числа жителей Ярославля — 65 313 человек на 1890 г. — доля призреваемых в этих богадельнях составляла 0,7 % (напомним, что в 1720-х гг., когда еще не существовало ни больниц, ни приютов, в богадельнях находилось 4,4 % жителей города). В конце XIX в. свою богадельню за Волгой устроил Казанский женский монастырь. Во многих приходах города действовали приходские попечительства. Как и по всей империи, в Ярославле действовал ночлежный приют для нуждающихся бедных людей обоюбого пола и дом трудолюбия

(открыт в 1892 г.), где за общепользную работу можно было получить небольшую плату (5—10 копеек в день) и бесплатный обед. Однако эти учреждения были предназначены для нуждающихся, но преимущественно здоровых людей и специализированной помощи инвалидам предоставить не могли.

Среди тех, кто оказывал адресную поддержку нуждающимся женщинам, традиционно были дамы из высшего общества: супруги императоров, губернаторов, губернских предводителей дворянства, крупнейших предпринимателей. К примеру, в конце XIX в. одной из самых активных участниц общества «Доброхотной копейки» в Твери стала супруга губернского предводителя дворянства княгиня С. В. Мещерская. Она устроила «приют для бедных престарелых женщин и бесприютных сирот» и организовывала любительские спектакли для сбора средств на их нужды.

Ярославские материалы содержат многочисленные примеры разовых пожертвований на благотворительные нужды. Например, во время спектакля, устроенного в Ярославле 17 мая 1853 г., было собрано 517 рублей 75 копеек для Ярославского дома призрения ближнего. 29 августа 1853 г. на собрании, устроенном в честь очередного юбилея дома, губернатор Алексей Петрович Бутурлин внес в его кассу 50 рублей, а архиепископ Евгений (Казанцев) — 15 рублей¹³. Бутурлины постоянно жертвовали значительные денежные суммы на благотворительность. Супруга губернатора О. П. Бутурлина в 1859 г. стала одной из учредительниц созданного в Ярославле общества для вспомоществования беднейшим православным монастырям и церквям, действовавшего под Высочайшим покровительством императрицы Александры Федоровны¹⁴. Когда в 1846 г. в Ярославле был учрежден Ольгинский детский приют, семья губернатора пожаловала ему 35 рублей. На 1860 г. в этом приюте находилось 10 воспитанников и 60 воспитанниц. Кроме того, Бутурлины неоднократно помогали созданному в 1858 г. Николаевскому детскому приюту¹⁵.

В 1868 г. ярославский губернатор Иван Семенович Унковский пожертвовал 50 рублей в пользу пострадавших от неурожая хлеба, а вице-губернатор Михаил Семенович Каханов — 25 рублей. Одновременно губернатор внес 11 рублей на счет Ярославского общества вспомоществования бедным (открыто в 1861 г.), а его супруга Анна Николаевна Унковская — 10 рублей¹⁶. И. С. Унковский являлся председателем данного общества, а супруга губернатора — его попечительницей. Ежегодно Унковские вносили 10 рублей на нужды общества. Оно занималось помощью престарелым в приюте, воспитанием сирот и бедных детей, а также выдавало пособия нуждающимся¹⁷. Супруга Унковского являлась попечительницей приютов Ярославской губернии.

Когда в 1877 г. началась война России с Турцией, заметно увеличился сбор средств на вооружение и поддержку семей воинов. Один только фортепианный концерт директора Московского императорского музыкального общества Н. Г. Рубинштейна в зале Ярославского дома призрения ближнего позволил собрать 760 рублей в пользу Российского общества Красного Креста¹⁸. Председателями Ярославского управления этого общества становились все местные губернаторы конца XIX — начала XX в. 15 июня 1877 г. образовался Ярославский дамский комитет Общества попечения о раненых и больных воинах во главе с

супругой губернатора Никиты Кондратьевича Шмита — Марией Николаевной¹⁹. Этот комитет располагался в доме губернатора на Волжской набережной и занимался сбором пожертвований и шитьем белья для армии. 18 августа 1877 г. под попечительством дамского комитета открылся офицерский лазарет на 25 человек (на его расходы собрали 14 тыс. рублей). На средства жителей 30 сентября того же года в Ярославле открылся приют для болгарских сирот.

Осенью 1877 г. были созданы уездные попечительства для помощи нуждающимся семьям воинов. Подавая пример всем должностным лицам губернии, Н. К. Шмит и его супруга вступили в Ярославское губернское попечительство для помощи семьям нуждающихся воинов²⁰. В период Русско-японской и Первой мировой войны местные комитеты Российского общества Красного Креста и общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям под покровительством властей заметно активизировали свою деятельность.

По инициативе губернатора В. Д. Левшина в Ярославской губернии был введен обычай заменять визиты на Пасху и Рождество раздачей денег бедным жителям города. Отмена рождественских визитов в 1884 г. позволила внести 321 рубль в кассу Ярославского дома призрения ближнего²¹. В соседней Тверской губернии такая традиция существовала с 1850-х гг. В своих воспоминаниях С. В. Дмитриев писал о том, что замена визитов «праздничными встречами и обоюдными христианскими поздравлениями в праздники Пасхи и Рождества Христова в зале городской думы» приносила пользу бедным жителям Ярославля. В зале городской думы собирался весь город, «от губернатора и архиерея до средних чиновников и служащих частных фирм». «На столе лежал подписной лист с надписью “в пользу бедных жителей Ярославля”. Каждый проходящий должен был подписать какую угодно сумму»²². Собранными суммами ведал избранный городской думой комитет под председательством городского головы.

Ярославский губернатор Алексей Яковлевич Фриде неоднократно посещал больницу Ярославского губернского земства в Загородном саду, беседовал с врачами и больными, пробовал их пищу²³. По мнению губернатора, для фельдшерской школы недопустимы ветхое помещение и грязь²⁴. Супруга губернатора Мария Юрьевна Фриде стала попечительницей Ярославской Федоровской общины сестер милосердия, открытой в 1893 г.²⁵ Впоследствии ее сменила на этом посту супруга следующего губернатора Елена Владимировна Штюмер. Супруга губернатора Людмила Павловна Римская-Корсакова в 1908 г. была удостоена звания почетной гражданки Ярославля за устройство детской инфекционной больницы, названной Алексеевской (всего до 1917 г. это звание присуждалось 14 раз, в том числе 4 женщинам).

Таким образом, благотворительность, устройство приютов, помощь больным, инвалидам и раненым воинам фактически являлись неременной обязанностью губернских начальников и членов их семей, хотя и не были закреплены законодательно. Списки лиц, сделавших пожертвования, и перечень всех проведенных акций печатала газета «Ярославские губернские ведомости», что можно признать важным стимулом для поощрения участия в благотворительности.

Помощь сиротам, нуждающимся и больным оказывали известные ярославские благотворительницы из купеческой среды. Евпраксия Георгиевна Оловянишникова помогала содержать женскую богадельню при Власьевской церкви. Елизавета Яковлевна Дунаева являлась попечительницей богадельни на семейном предприятии — спичечной фабрике Дунаевых. На средства Анны Николаевны Друженковой была построена богадельня при Всесвятской церкви (1904 г.), и она стала ее попечительницей. В богадельню принимались бедные и неспособные к труду лица обоего пола без различия сословий. Кроме того, А. Н. Друженкова стала учредительницей и попечительницей Ярославского городского сиротского дома для девочек. Еще один приют для девочек был учрежден в Ярославле в 1908 г. на средства Елены Александровны Лопатиной. За свою благотворительную деятельность А. Н. Друженкова, Е. Г. Оловянишникова и Е. А. Лопатина были удостоены звания почетных гражданок Ярославля.

К сожалению, в дореволюционных источниках крайне редко встречаются упоминания о том, какой вклад в общественно значимые инициативы вносили женщины из непривилегированных сословий и тем более женщины-инвалиды. В частности, когда началась Крымская война 1853—1856 гг., «Ярославские губернские ведомости» публиковали письма на имя губернатора А. П. Бутурлина о пожертвованиях жителей губернии. Так, П. Маслов из села Иловна Мологского уезда передал «3 рубля, 11 штук бинтов, 11 фунтов корпии, наципанной трудами больной <...> жены»²⁶. В годы Крымской войны ярославские монашки пожертвовали 13 тыс. рублей в Российское общество Красного Креста; они шили белье и готовили перевязочные материалы (бинты, тесемки, компрессы) для армии. В то время женскими были 4 из 17 монастырей Ростово-Ярославской епархии, а затем за полвека учредили еще 6 женских обителей. В 1860—1870-х гг. при двух женских монастырях — Ярославском Казанском и Угличском Богоявленском — появились больницы, где местное население могло получить приют и бесплатные лекарства. В годы Первой мировой войны женские обители содержали на свои средства 30 из 75 коек в епархиальном лазарете, где бесплатно трудились сестры Ярославского Казанского монастыря.

В 1888 г. на врачебную и карантинную части Министерство внутренних дел расходовало 2 351 670 рублей, т. е. 3,2 % из общей суммы расходов по министерству 72 787 277 рублей. Это было примерно в 6 раз меньше, чем тратилось на содержание тюрем (13 768 875 рублей), и в 4 раза меньше, чем на пересылку корреспонденции по почте и телеграфу и на содержание почтовых станций (9 716 716 рублей)²⁷.

На местном уровне за медицинскую помощь населению отвечал губернский врачебный инспектор, руководивший работой врачебного отделения губернского правления. Оно стало пятым отделением в структуре губернских правлений (в дополнение к двум распорядительным отделениям, строительному и межевому) и объединило врачебную управу, комитет общественного здравия и оспенный комитет. В конце XIX в. врачебным отделением Ярославского губернского правления руководил врачебный инспектор, доктор медицины, статский советник Иван Никитич Буховцев. Его помощником являлся док-

тор медицины, коллежский советник Диодор Антипатрович Курбатов. Всего в штат врачебного отделения входило 6 человек. В 1890 г. в состав большинства губернских правлений было добавлено шестое, тюремное отделение, а в 1897 г. — седьмое, ветеринарное. Однако в Ярославском губернском правлении ветеринарное отделение не выделялось до начала XX в.²⁸

Со второй половины XIX в. помощью нуждающимся категориям населения начали заниматься новые органы общественного управления — земства и городские учреждения. В их ведение от приказов общественного призрения перешли в числе прочих заведений больницы и богадельни. Земства внесли сильный вклад в решение местных административно-хозяйственных вопросов, и развитие здравоохранения стало одной из их основных заслуг перед обществом. В конце 1880-х гг. в 34 губерниях земства ежегодно собирали с населения 40 млн рублей. Из этой суммы более 17 млн рублей (42,5 %) шло на содержание самих земских учреждений и 5,5 млн (13,8 %) — на организацию медицинской помощи населению²⁹. В ведение земств передавалось медицинское обслуживание сельского населения.

В Тверской губернии до появления земской медицины было всего 11 больниц на 180 коек и 21 врач. В 1867 г. 12 уездов губернии разделили в медицинском отношении на отдельные участки. В участках первоначально учреждались фельдшерские, а затем врачебные пункты, на базе которых начинали работу участковые больницы. Первая такая больница открылась в 1873 г. в Калезинском уезде³⁰. Земства ввели новые формы территориальной организации медицинской помощи населению, а именно врачебные сельские участки (например, в Ярославской губернии на 1895 г. их было 37), что сделало медицинскую помощь несколько доступнее для сельского населения.

Больница Ярославского губернского земства в 1880-х гг. имела 240 кроватей и особое психиатрическое отделение для 150 душевнобольных. В ней работало 6 врачей и 6 фельдшеров. Больница на 80 кроватей при одном враче и 4 фельдшерах была устроена при Ярославской Большой мануфактуре, принадлежавшей купцам Корзинкиным. Кроме того, в городе действовали 6 аптек, военный лазарет, частная лечебница с родильным отделением и открытая в 1861 г. бесплатная лечебница общества ярославских врачей для амбулаторных больных с родильным отделением на 12 мест. В 1880-х гг. в Ярославле работало 24 врача, 26 акушерок, 12 фельдшеров, а к 1912 г. число городских врачей увеличилось до 62, из них 3 женщины. Однако в Ярославской губернии даже к концу XIX в. только один врач приходился на 4 тыс. городских жителей и 25 тыс. селян. В силу низкого уровня жизни большинству населения, и тем более инвалидам, помощь врачей все еще была практически недоступна.

К началу XX столетия в Российской империи уже определились три основные группы, для которых создавались специализированные учреждения: слепые, глухонемые и душевнобольные. Но доля тех, кому оказывалась какая-либо поддержка, оставалась низкой. Согласно официальной статистике, в 1905 г. в России насчитывалось 253 307 душевнобольных: 145 322 мужчины и 108 485 женщин. По официальным данным, из них в 34 земских губерниях

«призревалося 9 %, в неземских — 2 % душевнобольных», и не было никакого плана психиатрической помощи населению.

Аналогичная ситуация предстает относительно слепых. По материалам первой Всероссийской переписи населения 1897 г. слепых школьного возраста в стране насчитывалась 21 тыс. человек, а на обучении в специальных училищах для слепых из них было только 1070 человек (5,01 %). Следовательно, остальные слепые дети не могли подготовиться к будущей самостоятельной жизни.

Жители империи с ограниченными физическими возможностями нуждались в специализированной помощи, но таких учреждений не существовало. В определенной мере инвалиды могли рассчитывать на поддержку благотворительных организаций, занимавшихся охраной материнства и детства, противодействием торговле женщинами, а также трудовой помощью (для нищих, для проституток, желавших прекратить свой промысел, и т. д.). Подобные организации появлялись в разных городах империи. Например, в 1899 г. было создано Казанское общество защиты женщин, оказывавшее помощь, желавшим бросить проституцию. В 1901 г. открылся Дом св. Ядвиги в Варшаве для девушек от 14 до 30 лет, не имевших средств, но желавших работать швеями, модистками и т. д.

В 1897 г. в Санкт-Петербурге появилось Ярославское благотворительное общество — первое земляческое благотворительное общество в столице. За 10 лет своей деятельности это общество собрало в помощь ярославцам, живущим в Петербурге, 109 728 рублей 90 копеек, в том числе на пособия 44 108 рублей 86 копеек, на содержание детского приюта для мальчиков и девочек — 28 775 рублей 42 копейки, на столовую и «убежище для мальчиков, приезжавших в столицу», — 13 742 рубля 12 коп. В данном случае речь вновь шла о помощи нуждающимся, но здоровым людям.

В начале XX столетия в Ведомстве императрицы Марии Федоровны действовали Комитет и Канцелярия по управлению приютами, Попечительство о слепых и Попечительство о глухонемых. В структуре Главного управления по делам местного хозяйства МВД находился отдел народного здоровья и общественного призрения. Помощью социально уязвимым категориям населения также занимались Императорское человеколюбивое общество, Попечительство о трудовой помощи, Попечительство об охране материнства и младенчества, а также комитеты — Алексеевский, Романовский, Ольгинский, Елизаветинский, Татиановский. Как правило, подобные организации возглавляли члены царствующей династии. Большинство этих организаций, согласно их уставам, оказывало помощь нуждающимся обоего пола, однако некоторые из них вообще не работали с женщинами. Например, Романовский комитет помогал только мужчинам, живущим в деревне.

В истории Ярославского края XVIII—XIX вв. есть два наиболее примечательных примера женщин, сумевших реализовать себя в разных сферах несмотря на физические недостатки, — это ставшая влиятельной придворной дамой Гедвига Бирон и замечательная поэтесса Юлия Жадовская.

Семья бывшего фаворита императрицы Анны Иоанновны — герцога Эрнста-Иоганна Бирона — была перевезена в Ярославль из Сибири в 1742 г. и оставалась здесь в течение 19 лет. Как известно, Бирон имел троих детей: 23 июня 1723 г. родилась Гедвига (она была горбата от рождения), в 1724 г. — Петр, в 1727 г. — Карл. Вскоре после кончины Анны Иоанновны герцога Бирона и его родственников арестовали и поместили в Шлиссельбургскую крепость, где они провели около семи месяцев. Бирон был лишен чинов, наград и всего имущества и сослан в сибирский городок Пелым. Когда в 1741 г. на российский престол вступила императрица Елизавета Петровна, Бирону с семьей разрешили переехать в Ярославль. В Ярославле семья Бирона жила в каменном доме купца Мякушкина на берегу Волги. Дом был куплен для ссыльного за казенный счет за 1,2 тыс. рублей. Он находился около круглой беседки, построенной в XIX в. у Мякушинского спуска на Волжской набережной. Позднее в здании находился острог, в XIX в. его разобрали и построили здесь городское училище. Сейчас на этом месте находится дом № 27 по Волжской набережной.

Домашним врачом Бирона являлся лекарь Гове, и это, пожалуй, первое известное имя местного медика. Одновременно он считался городским лекарем и получал значительное жалованье — 114 рублей в год, но больше занимался семейством ссыльного герцога.

Весной 1749 г. Гедвига Бирон узнала о том, что императрица Елизавета Петровна собирается поклониться святыням Троице-Сергиевой лавры. Ночью 15 апреля она убежала из дома к жене ярославского воеводы Бобрищева-Пушкина и просила помочь ей «искать заступничества и милости» у императрицы. Гедвига заявила о том, что вопреки воле отца хочет принять православие и именно для этого стремится попасть в лавру. Супруга воеводы помогла девушке добраться до Елизаветы Петровны, и уже через три недели дочь Бирона крестилась с именем Екатерина, а ее крестной матерью стала сама императрица. Вскоре Елизавета Петровна сделала Екатерину (Гедвигу) гофмейстериней — надзирательницей своих фрейлин. При императорском дворе дочь Бирона прославилась тем, что удачно устраивала замужества фрейлин. В 1756 г. Екатерина (Гедвига) вышла замуж за барона Александра Ивановича Черкасова. После замужества она оставила придворную службу и занялась воспитанием детей Петра и Елизаветы.

Известность совсем иного рода получила Юлия Валерьяновна Жадовская. Ее деятельность, несомненно, способствовала оживлению литературной жизни Ярославского края в 1840—1850-х гг. Она родилась в 1824 г. в Любимском уезде и большую часть жизни провела в Ярославле, была знакома со многими местными знаменитостями. Страдая врожденным недугом, Юлия нашла для себя утешение в творчестве. По ее инициативе в 1849 и 1850 гг. вышли два выпуска альманаха «Ярославский литературный сборник». Средства от его продажи шли в пользу детского приюта и Ярославского дома призрения ближнего, а авторами были ярославцы. В сборниках помещались стихи Юлии и ее брата Павла, местных авторов Петрова и Касаткина, историко-краеведческие статьи С. А. Серебрянникова об основании Ярославля, Федоре Волкове, произведения других авторов. В пореформенный период женщины уже чаще могли реализо-

вать себя в таких сферах, как образование, медицина, литературное творчество, для первой же половины XIX столетия активная деятельность Юлии Жадовской была довольно редким явлением.

В середине XIX столетия в России появились первые женские товарищества, клубы, общества взаимопомощи, которые обратили внимание на специфические женские проблемы и нужды. Это, к примеру, Женское патриотическое общество, Женская издательская артель, Общество доставления дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга и др. Важнейшим моментом для развития женского движения в стране стали реформы 1860-х гг. (освобождение крестьян, законы о земствах и городских учреждениях, об образовании). После царевубийства 1 марта 1881 г. наряду с другими общественными объединениями были запрещены и женские организации, и только в 1895 г. началось формирование Русского женского взаимно-благотворительного общества. С 1900 г. в Москве действовало Общество улучшения участи женщин.

В феврале 1905 г. в Москве был образован Всероссийский союз равноправия женщин — первая женская массовая организация (1906 г. — около 8 тыс. членов), провозгласившая политические цели: равенство всех перед законом без различия пола, равные права крестьянок при проведении земельных реформ, введение законодательства в пользу женщин-работниц, равные возможности для женщин, в том числе и в области образования, изменение законов о проституции. И наконец, в марте 1907 г. в Петербурге была создана Лига равноправия женщин.

В Ярославле общество взаимопомощи женщин возникло в 1910 г. по инициативе и под председательством Натальи Павловны Ширяевой. Общество поставило своей целью достижение реального равноправия женщин во всех сферах общественной жизни. Оно вело просветительскую и благотворительную деятельность, помогало женщинам в поиске работы, но о проблемах женщин-инвалидов специально не заявляло. Членские взносы составляли 2 рубля; они дополнялись добровольными пожертвованиями (деньги, вещи, продукты), сборами от проведения лекций и концертов, доходами от благотворительных распродаж. Среди жертвователей были не только женщины, регулярную помощь обществу оказывали губернатор граф Д. Н. Татищев, Ярославский и Ростовский архиепископ Тихон, местные предприниматели Вахромеевы и Оловянишниковы. В 1906 г. в Ярославле появился первый (и до 1918 г. единственный) детский сад «для обучения детей обоего пола» с 5 лет. Его открыла талантливый педагог и организатор О. И. Нечаева. Всего подобных детских учреждений в Российской империи существовало около сотни.

В декабре 1908 г. в Петербурге под лозунгом «Равные права — равные возможности» прошел Первый Всероссийский женский съезд, на который собрались около тысячи участниц. Он воспринимался современниками как съезд поборниц женского равноправия, гражданского признания женщин и даже как первый женский парламент страны. Первоочередными задачами на нем были названы подготовка женщин к борьбе за свое равноправие, распространение идеи равноправия женщины в обществе, выработка и проведение в жизнь зако-

нопроектов и постановлений, имеющих целью улучшение положения женщин. На съезде отмечалась важность благотворительности, взаимной поддержки, трудовой помощи и просвещения женщин, однако при всем стремлении к максимально широкому охвату женских проблем о женщинах-инвалидах еще не говорилось. После съезда удалось создать Российскую лигу равноправия женщин — общеженскую организацию, которая стремилась придать движению женщин организационную стройность и укрепить его внутреннюю солидарность. Второй женский съезд не созывали ни в дореволюционный, ни в советский период. Он состоялся только через столетие после Первого, а именно в ноябре 2008 г. в Москве.

Итак, в дореволюционный период в России не существовало государственной программы поддержки и реабилитации инвалидов. Положение женщин-инвалидов одновременно фиксировало нерешенные социальные, политические, юридические, медицинские, психологические и этические проблемы российской действительности. Начиная с XVIII столетия помощь инвалидам начала осуществляться не только на основе религиозного чувства, а через специальные учреждения — приказы общественного призрения (до 1860-х гг.) и богадельни. В дальнейшем от приказов общественного призрения эти функции частично перешли к новым органам общественного управления — земствам и городским учреждениям. При этом на протяжении всего рассматриваемого периода большинство благотворительных учреждений являлись частными. Финансовую основу подобной деятельности составляли главным образом добровольные пожертвования.

В период существования Российской империи (XVIII — начало XX в.) в решении проблем инвалидов, как мужчин, так и женщин, сочетались систематическая деятельность благотворительных обществ, разовые пожертвования и акции. Для сбора средств на нужды инвалидов и других категорий нуждающихся использовались различные методы — денежные пожертвования; замена визитов на Пасху и Рождество раздачей денег бедным; устройство бесплатных столовых и обедов; проведение концертов, театральных спектаклей, лотерей в пользу инвалидов. Пример в этом показывали представители императорского дома, государственные служащие и крупные предприниматели. Интенсивное развитие промышленности и торговли также способствовало созданию внушительного слоя состоятельных людей, для части из которых благотворительность стала нормой жизни.

Необходимо вспомнить и о том, что в дореволюционный период само понятие «инвалид» отличалось от современного. Данный термин применяли к тем, кто получил ранения в военных действиях, т.е. к мужчинам. Помимо Российского общества Красного Креста, с последствиями военных действий помогали справиться организации, оказывавшие содействие беженцам и семьям воинов в период боевых действий.

Изученные в ходе исследования материалы показали, что в результате усилий государственных органов к началу XX столетия благотворительность и

помощь инвалидам, несмотря на отсутствие стройной системы, приобрела более упорядоченный характер. Многочисленные благотворительные инициативы и спускаемые сверху циркуляры и распоряжения о помощи нуждающимся категориям населения находили отклик в провинции. Несмотря на многочисленные организационные и финансовые трудности, на практике были опробованы разные формы помощи и поддержки женщин-инвалидов. В решении социальных проблем под эгидой центральных и местных властей объединялись усилия частных лиц, а также сословных, городских и земских учреждений. Власти оказывали попечительство и отчасти финансовую поддержку решению проблем инвалидов, однако четкой правовой основы организации подобной деятельности еще не сложилось. Наряду с другими мероприятиями помощь инвалидам несколько снижала остроту социальных проблем в обществе, но, естественно, не могла разрешить системный кризис власти, назревший в годы Первой мировой войны.

Следует признать, что самые существенные изменения в отношении власти и общества к социально уязвимым категориям населения, какими являлись в частности женщины-инвалиды, были наиболее заметны именно в периоды активных реформ по модернизации всей системы государственного управления в России — при Петре I, Екатерине II, Александре II и Николае II.

Разумеется, решение проблем женщин-инвалидов зависело от положения и правового статуса женщины в российском обществе вообще. В рассматриваемый период женщины могли включиться в социально значимую деятельность главным образом за счет религиозного служения, благотворительности и поддержки культурно-образовательных начинаний. Женские политические группы и организации наиболее активно заявили о себе в годы первой российской революции 1905—1907 гг. Первый Всероссийский женский съезд 1908 г. продемонстрировал готовность женщин бороться за свои права. История со всей очевидностью доказала, что без достижения реального социального и семейного равенства женщин в российском обществе не обсуждались и соответственно не могли решаться особые проблемы женщин-инвалидов.

Необходимо подчеркнуть, что в российской истории накоплен ценный для изучения и практического использования опыт сотрудничества правительственных учреждений, органов самоуправления, Русской православной церкви и частных благотворителей в решении проблем женщин-инвалидов. В настоящее время не менее важно, чем и столетие назад, решать проблемы женщин-инвалидов общими усилиями государства, медиков и общественности на основе совершенствования существующего законодательства. Многие женщины-инвалиды ведут активную общественную деятельность, трудятся на специализированных предприятиях, имеют успешный опыт предпринимательства и показывают пример жизненной стойкости перед тяжелыми испытаниями.

Примечания

¹ Горшкова В. В., Добрякова О. И. Повседневная жизнь средневековой горожанки-«ярославны» XVI—XVII вв.: к постановке проблемы // Женщины Ярославля: исто-

- рия и современность. Ярославль : Город. науч.-метод. центр соц. политики, 2005. С. 15—18.
- ² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 4. № 2477. Далее: ПСЗ.
- ³ Сост. по: *Головщиков К. Д.* История города Ярославля // История губернского города Ярославля. 2-е изд. Ярославль : Александр Рутман, 2007. С. 93—94 ; *Барцевский И.* Исторический очерк города Ярославля // Там же. С. 252—253.
- ⁴ Цит. по: *Головщиков К. Д.* Указ. соч. С. 104.
- ⁵ *Екатерина II.* О величии России. М. : ЭКСМО, 2003. С. 68.
- ⁶ Государственный архив Костромской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 575. Л. 38.
- ⁷ ПСЗ. Собр. 1. Т. 20. № 14 392.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Сост. по: «Дабы доходы в целости сохранены были...» 225 лет финансовым органам Ярославской области (1777—2002) : крат. ист. обзор по материалам Государственного архива Ярославской области. Ярославль, 2002. С. 7.
- ¹⁰ Государственный архив Ярославской области. Ф. 72. Оп. 1. Д. 373. Л. 2.
- ¹¹ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1461. Л. 1.
- ¹² ПСЗ. Собр. 2. Т. 26. Отд. 1. № 24 818.
- ¹³ Ярославские губернские ведомости. 1853. 29 авг. Неофиц. часть.
- ¹⁴ Там же. 1860. 23 янв. Неофиц. часть.
- ¹⁵ Там же. 1853. 15 авг. Офиц. часть ; 1860. 29 окт. Неофиц. часть.
- ¹⁶ Там же. 1868. 15 февр., 7 марта. Офиц. часть.
- ¹⁷ Там же. 1876. 22 апр. Офиц. часть.
- ¹⁸ Там же. 1877. 14 нояб. Неофиц. часть.
- ¹⁹ Там же. 16 июня. Неофиц. часть.
- ²⁰ Там же. 5 дек. Офиц. часть.
- ²¹ Там же. 1884. 6 апр. Неофиц. часть.
- ²² *Дмитриев С. В.* Воспоминания. Ярославль : Александр Рутман, 1999. С. 154.
- ²³ Ярославские губернские ведомости. 1893. 16 марта. Неофиц. часть.
- ²⁴ Там же. 1877. 6 апр. Неофиц. часть.
- ²⁵ Там же. 1893. 10 дек. Неофиц. часть.
- ²⁶ Там же. 1855. 21 мая. Неофиц. часть.
- ²⁷ Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях / сост. В. Кривенко. СПб., 1889. С. 24—25.
- ²⁸ Личный состав правительственных и общественных учреждений Ярославской губернии // Памятная книжка Ярославской губернии на 1898 г. Ярославль : Тип. Ярослав. губерн. правления, 1898. С. 1—96 ; Памятная книжка Ярославской губернии на 1900 г. Ярославль : Тип. Ярослав. губерн. правления, 1900. С. 5—6.
- ²⁹ *Евреинов Г. А.* Заметки о местной реформе. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1888. С. 37.
- ³⁰ Тверская область : энцикл. справ. Тверь : Твер. обл. книж.-журн. изд-во, 1994. С. 104.

СОЦИОЛОГИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ББК 60.542.2

Е. О. Цалко, Т. Б. Рябова

РУССКОСТЬ И ЕВРОПЕЙСКОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕНДЕРНЫХ ИДЕНТИФИКАТОРОВ (По результатам социологического исследования)¹

«Европа» представляет собой один из важнейших компонентов российской идентичности; на протяжении столетий отечественная мысль в лице славянофилов, западников, большевиков, евразийцев задавалась вопросом, является ли Россия европейской страной, в какой степени русские являются европейцами [19]. Большие ожидания по поводу сближения России и Запада, зародившиеся в начале постсоветской эпохи, сменились разочарованием, о чем, в частности, свидетельствуют результаты социологических опросов. Если в 2000 г. большая часть россиян чувствовали себя европейцами и хотели оставаться таковыми [8], то, согласно данным опроса Левада-центра, проведенного в декабре 2006 г. и широко растиражированного СМИ, 71 % соотечественников не считали себя европейцами; лишь 20 % полагали, что Россию можно отнести к европейской культуре [2].

Чем русские отличаются от европейцев? Обычно в качестве идентификаторов выступают политические, конфессиональные, географические, исторические и ряд других различий². Мы бы хотели привлечь внимание к роли гендерных идентификаторов в проведении символических границ между рускостью и европейскостью. Следует пояснить, что оба понятия мы будем использовать для характеристики коллективной идентичности — русских и европейцев. Разумеется, мы отдаем отчет в том, что едва ли возможно говорить о единой европейской культуре: слишком уж различны национальные культуры стран, составляющих современную Европу. Вместе с тем, несмотря на подобную гете-

© Цалко Е. О., Рябова Т. Б., 2010

¹ Выражаем признательность доктору М. Жаковской (Лодзинский университет) за помощь в сборе материала.

² В одном из экспресс-опросов, который мы проводили в г. Иванове, респонденты приписали Европе такие ценности, как материальная обеспеченность (80,0 %), демократия (78,2 %), уважение к праву (72,7 %), ориентация на карьеру (76,4 %), здоровый образ жизни (74,5 %), между тем как российскими ценностями были названы патриотизм (85,5 %), любовь (81,8 %), крепкая семья (67,3 %).

рогенность, мы считаем вполне допустимым исследовать европейскость как феномен идентичности, касается ли это осознания различными европейскими нациями своей принадлежности к единой Европе или же противопоставления себя Европе представителями других регионов.

Вначале мы остановимся на методологии анализа, уточнив ключевые понятия коллективной идентичности; затем обозначим основные способы включения гендерных идентификаторов в образ российско-европейских отношений; наконец, на материале собственных *эмпирических* исследований мы постараемся показать, как образы мужественности и женственности участвуют в проведении границ между русскостью и европейскостью.

Коллективная идентичность может быть определена как формирующееся на основе общности интересов и ценностей состояние групповой солидарности, включающее уровни коллективный (осознание и переживание группой своей целостности и тождественности) и индивидуальный (осознание и переживание индивидами своей принадлежности к группе) [6]. Для интерпретации данного феномена важное значение имеет исследование референтного характера идентичности, которое возводят к работам британского исследователя Г. Тэджфела. Согласно его идеям, образы собственной группы и чужой группы не являются изолированными: репрезентации Своих и Чужих обуславливают друг друга [21]. Реляционная парадигма идентичности постулирует понимание коллективной идентичности как в первую очередь отношения между Своими и Чужими. Таким образом, границы между Своими и Чужими представляют собой ключевой компонент идентичности любого сообщества (подробнее о роли границ см. [10]).

Как известно, одним из первых обратился к проблеме символических границ между культурами норвежский антрополог Ф. Барт. Он отметил, что границы создаются при помощи особых маркеров, или диакритиков, — элементов культуры, отбираемых (иногда достаточно произвольно) самими членами группы для подчеркивания своих отличий от окружающих (одежда, язык, стиль жизни и др.). [14, р. 54] (см. об этом [10]). Такими маркерами, «символическими пограничниками», могут выступать и гендерные идентификаторы, что было исследовано в монографии Н. Юваль-Дэвис [22, р. 23].

Гендерные идентификаторы значимы по нескольким причинам. Пол является одним из важнейших факторов жизни человека. Он легко им познается, и стереотипные представления о мужчинах и женщинах легко соотносятся с его или ее личным опытом; кроме того, важное значение имеет то, что отношения полов воспринимаются едва ли как не самые очевидные, понятные, а потому легитимные [15, р. 64; 16] (см. подробнее [11]).

При этом гендерные идентификаторы не только помогают определить Своих и Чужих, но и вырабатывают систему оценок и предпочтений. Это находит выражение прежде всего в том, что, как показал Г. Тэджфел, оценки Своих и Чужих определяются при помощи принципа ингруппового фаворитизма. Как известно, одна из ведущих потребностей человека — стремление к позитивной идентичности, которая достигается путем сравнения индивидом собственной группы с аутгруппой. В результате этого сравнения аутгруппам атрибутируются по преимуществу негативные качества, в то время как ингруппам — пози-

тивные [21, p. 157—159]. В случае использования гендерных идентификаторов гендерный порядок Своих репрезентируется, как правило, в качестве нормы (Свои мужчины — самые мужественные, Свои женщины — самые женственные и т. д.), в то время как гендерный порядок Чужих — в качестве девиации.

Принцип ингруппового фаворитизма проявляется и в том, что Свои маркируются преимущественно как мужественные и описываются в терминах с мужскими коннотациями, в то время как Чужие — как женственные: в силу такого фактора гендерных отношений, как андроцентризм культуры, мужское рассматривается в качестве позитивного, а женское — в качестве периферийного, подчиненного. Разумеется, не следует абсолютизировать действие принципа ингруппового фаворитизма: помимо отмеченных психологических закономерностей, важным фактором восприятия той или иной культуры выступают ее объективные характеристики, которые сложно игнорировать (например, религиозность поляков), устойчивые ауто- и гетеростереотипы (например, пунктуальность немцев, красота польских женщин) и т. д.

Таким образом, при помощи гендерных идентификаторов утверждаются и подтверждаются отношения неравенства и контроля. Не удивительно поэтому, что они становятся особенно востребованными в условиях противостояния сообществ и тем более в ситуации конфликта. Так, в постколониальных исследованиях отмечается роль гендерных идентификаторов в отношениях Запада и Востока; еще в работах Э. Саида было установлено, что в западном дискурсе о Востоке *homo occidentalis* представлен как мужчина, в то время как для репрезентации восточности используется метафора женственности — что служило обоснованию колониального порядка [19] (см. подробнее [10]). Р. Коннелл показал, что пространством конкуренции маскулинностей в условиях глобализации становятся межнациональные отношения, равно как и глобальные рынки [4, p. 857—858].

В истории взаимоотношений России и Европы гендерные идентификаторы также занимают заметное место. Прежде всего оговоримся, что, поскольку Россия далеко не всегда исключалась из Европы [17], гендерные маркеры служат не только противопоставлению России и Европы, но и уподоблению ей. При этом русские противопоставляют себя при помощи маркеров европейскости — в том числе европейских мужественности и женственности — не европейским Чужим, например в колониальном дискурсе. Если же говорить о противопоставлении Европы России, то одним из наиболее известных примеров является оппозиция маскулинного Запада и фемининной России (заметим, что были и другие варианты гендерной метафоризации, скажем противопоставление гипермаскулинного СССР и изнеженной буржуазной Европы) [10]. Кроме метафор, роль гендерных идентификаторов выполняли образы мужчин и женщин. Так, в русской культуре активно функционирует образ русской женщины; исследователи говорят даже о мифологизации этого образа. Согласно этому мифу, русскую женщину отличают нравственная (а иногда и физическая) сила, забота, любовь-жаление, сострадание, жертвенность [10, с. 31]. Иногда ей приписывают и сотериологическую миссию спасения русского мужчины и России. Как показывают социологические и лингвистические исследования, такие представления сохранились до сегодняшнего дня [11; 3, с. 155—157].

Западный дискурс о России тоже пользуется гендерными идентификаторами для проведения символических границ. Так, гендерная метафора (например, «Россия-Матушка» [9]) нередко включается в репрезентации международных отношений и в русофобском, и в русофильском дискурсах. Роль символических пограничников выполняют и образы русских женщин и мужчин, в негативном ли смысле (встречающийся в современных западных СМИ образ примитивных русских мужчин, «инфантильных алкоголиков со средневековым менталитетом»; см., напр., [7]), в позитивном ли (тот же миф о русской женщине, который также обеспечивает большую отчетливость, «видимость» границ Европы). Подчеркнем, что подобные практики отнюдь не являются достоянием истории. Как показано в исследовании Э. Нойманна, в эпоху после Холодной войны идентичность единой Европы, укрепление европейскости, в значительной степени создается за счет противопоставления России, а иногда и откровенной русофобии [18].

Таким образом, гендерные идентификаторы обнаруживают свою значимость в дискурсе российско-европейских отношений, будь то история культуры или современные медиа. В какой степени это присутствует в массовом сознании сегодня?

Для того чтобы социологическими методами выявить гендерные аспекты противопоставления русскости и европейскости, мы провели экспресс-опросы в гг. Иванове (Россия) и Лодзи (Польша). Русские респонденты в Иванове (май 2009 г.) сравнивали русских мужчин и женщин с европейскими. Опрашиваемых просили выбрать из списка несколько характеристик, которые, на их взгляд, в большей мере присущи русским женщинам, чем европейским, а также те, которые европейским женщинам присущи в большей мере, чем русским. В аналогичной форме вопрос задавался в отношении русских и европейских мужчин.

В чем же различаются, по мнению соотечественников, русская и европейская женщины? Русская женщина более красивая (78,2 %), сострадательная (52,7 %), мягкая (41,8 %), верная (40,0 %) и сильная (36,4 %). Превосходит она европейку и в заботе о семье (67,3 %). При этом наша соотечественница практически лишена таких качеств, как лицемерие, эгоизм, а также сексуальная раскрепощенность. Такой «грех» современной западной женщины, как феминизм, также не имеет почвы в России. Европейку же, сравнивая с русской, респонденты характеризовали как более независимую (78,2 %), эгоистичную (47,3 %), расчетливую (43,6 %) и, наконец, как феминистку (38,2 %). Ей отказано в таких качествах, как сострадание, верность, мягкость; ненамного лучше обстоит дело с красотой (табл. 1). (Об устойчивости подобных представлений может свидетельствовать то обстоятельство, что эти данные в целом совпадают с результатами, полученными Н. А. Курнаевой [5, с. 93—94]).

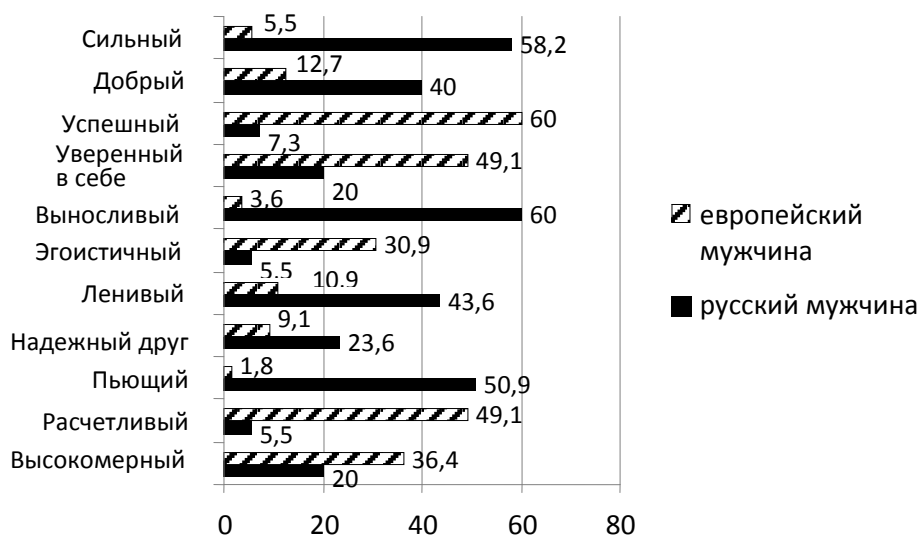
Следовательно, русские женщины воплощают нормативную женственность — за исключением все той же силы, которая, напомним еще раз, очень важна для мифологизации национальной женственности в России. Своих, русских, женщин респонденты описывают в категориях экспрессивных качеств [12], традиционно считающихся неотъемлемой чертой стереотипа женщины, — качеств, связанных с теплотой и заботой, с успешной межличностной коммуникацией [20]. В свете ценностей русской культуры подобный образ русской женщины позитивен, а образ европейской женщины скорее негативен.

Таблица 1

**Взгляд российских респондентов на качества,
присущие русским и европейским женщинам, %**

Качество	Европейские женщины более...	Русские женщины более...
Независимые	78,2	12,7
Лицемерные	20,0	1,8
Красивые	9,1	78,2
Сострадательные	0	52,7
Феминистки	38,2	5,5
Расчетливые	43,6	12,7
Образованные	29,1	20,0
Верные	5,5	40,0
Мягкие	3,6	41,8
Сильные	25,5	36,4
Эгоистичные	47,3	1,8
Сексуально раскованные	29,1	3,6
Заботятся о семье	3,6	67,3

Индивидуальный фаворитизм проявляется, хотя и с некоторыми оговорками, и при сопоставлении русских и европейских мужчин.

Сравнение качеств, присущих русскому и европейскому мужчинам, %

Русские превосходят европейцев в силе и выносливости, которые в целом соответствуют нормативной мужественности *per se*, считают респонденты.

Способность быть надежным другом, равно как и доброта, — это те качества, которые отвечают национальным канонам маскулинности в русской культуре. Наконец, Своим приписываются пороки: лень и пьянство (хотя рискнем высказать предположение, что данные качества рассматриваются как определенного рода продолжение достоинств: душевности, открытости, отсутствия излишней заботы о материальных благах — и, на наш взгляд, расцениваются как амбивалентные, во всяком случае если не в быту, то в плане концептуализации в дискурсе национальной идентичности). Европейца характеризуют как успешного (60,0 %), уверенного в себе (49,1 %), расчетливого (49,1 %), высокомерного (36,4 %). В меньшей степени, чем русскому, европейцу приписывают такие черты, как доброта и способность быть надежным другом (рис.).

Два экспресс-опроса, которые мы провели в Лодзи (июнь — июль 2009 г., N=88), преследовали цель выявить роль гендерных идентификаторов в построении границы между Европой и Россией, во-первых, и границ внутри Европы, во-вторых.

В ходе первого опроса польским респондентам предлагалось сравнить своих соотечественников и соотечественниц с русскими мужчинами и женщинами, выбрав те качества из предложенного списка, которые в наибольшей степени характеризуют отличия поляков от русских и наоборот. Гипотеза состояла в том, что лодзинские респонденты будут противопоставлять поляков и русских на основании критерия европейскости, наделяя Своих мужчин и женщин теми чертами, которые традиционно считаются европейскими (т. е. прежде всего агентивными качествами, связанными с деловой активностью), и атрибутируя русским качества экспрессивные. Во втором опросе по сходной методике сравнивались поляки и немцы. Замена национальной группы для сравнения, новый социальный контекст, повлечет за собой, как мы предполагали, и изменение образа Своих. Известно, что поляки считают себя в большей степени европейцами, чем русских, и в меньшей степени, чем немцев [1, с. 276]. Данная закономерность, очевидно, должна проявляться и в гендерном измерении: различия в польских образах немцев и русских позволяют выявить представления о европейских мужчинах и женщинах.

Результаты этих двух опросов демонстрируют, что, сопоставляя Своих женщин с русскими и немецкими, польские респонденты нарисовали два различных автопортрета. При сравнении с русскими женщинами респонденты описывали поляк как европейку, атрибутируя им практически те же качества, которые, как мы видели, считают признаком современной европейской женственности и наши соотечественники (табл. 2). Польские женщины, по мнению опрашиваемых, более независимы, чем русские (72,7 %), в большей степени феминистки (51,5 %). Меньшее число респондентов считают, что польские женщины превосходят русских в красоте, образованности, целеустремленности (по 27,3 %), мягкости (18,2 %), заботе (9,1%), сострадании и верности (по 6,1 %). Лишь немногие убеждены в том, что польки более достойные, чем русские, хранительницы домашнего очага (6,1 %).

Наша гипотеза подтвердилась: характеристики польских женщин, отмечаемые лодзинскими респондентами, чаще всего (за исключением, пожалуй, красоты) относятся к инструментальным качествам, связанным с действием,

активностью, компетентностью, а находящиеся внизу списка и чаще приписываемые русской женщине — к экспрессивным качествам, связанным с эмоциональной теплотой и межличностным общением.

Таким образом, атрибутирование польским женщинам инструментальных, деловых, характеристик связано с маркировкой собственной европейскости и «неевропейскости» русских.

Сопоставление польских и немецких женщин, проводимое в рамках другого опроса, дало иные результаты (табл. 2). Именно польским женщинам теперь приписывали экспрессивные качества. По сравнению с немками, польки оценивались как более мягкие (50,0 %), заботливые (36,4 %), достойные хранительницы семейного очага (45,5 %), сострадательные (45,5 %), верные (22,7 %).

Если по сравнению с русской женщиной независимость как отличительное качество польской женщины отмечали 72,6 % респондентов, то по сравнению с немкой — только 13,6 %; сострадание польки по сравнению с немкой подчеркивали почти половина опрошенных (45,5 %), а по сравнению с русской — только 6,1 % (табл. 2).

Следовательно, на оценку Своих и Чужих женщин влияет, среди прочего, социальный контекст. Анализируя степень женственности полек, немок, русских, наличие или отсутствие у них качеств, связанных с деловой сферой или межличностным общением, польские респонденты одновременно оценивают женщин по другой шкале: насколько они соответствуют или не соответствуют канону западной женственности — деловой, целеустремленной, независимой феминистки.

Таблица 2

**Взгляд польских респондентов на качества, присущие польской женщине
в сравнении с русской и немецкой женщинами, %**

Польские женщины более...	По сравнению с русской, %	По сравнению с немкой, %
независимые	72,7	13,6
феминистки	51,5	9,1
красивые	27,3	77,3
целеустремленные	27,3	4,5
образованные	27,3	22,7
расчетливые	24,2	4,5
успешные	18,2	9,1
мягкие	18,2	50,0
эгоистичные	15,2	0
лицемерные	12,1	0
сексуально раскованные	12,1	4,5
заботливые	9,1	36,4
сострадательные	6,1	45,5
верные	6,1	22,7
хранительницы семейного очага	6,1	45,5

Портрет польского мужчины был также различен в двух опросах. Свои, польские, мужчины, по сравнению с русскими, оценивались как более сдержанные (43,8 %), умные (25,0 %), независимые и уверенные в себе (по 21,9 %). Сравнивая своих мужчин с немцами, респонденты чаще всего выбирали такие характеристики, как пьющий (54,5 %), ленивый (36,4 %), заботливый (31,8 %), мужественный (31,8 %). Менее 10 % опрошенных выбрали варианты ответов, предполагающие, что польский мужчина более сдержан, независим, уверен в себе, высокомерен и силен. Как видим, в целом закономерности ранжирования, отмеченные выше, проявляют себя и в данном случае.

В заключение заметим, что, разумеется, выводы, полученные на материале небольших экспресс-опросов, необходимо проверить на более репрезентативном материале. Предварительные же итоги можно сформулировать следующим образом.

Во-первых, можно констатировать, что гендерные идентификаторы принимают участие в проведении символической границы между рускостью и европейскостью, а также внутри Европы.

Во-вторых, полученные данные позволяют предположить существование не только этнических стереотипов (немцы, поляки и др.), но и стереотипов европейской женщины и европейского мужчины. Качества, которыми европейцы наделяются русскими респондентами, в целом соответствуют тем взглядам на Европу, которые характерны для отечественной культуры на протяжении длительного времени и которые являются важным фактором специфики конструирования национальной идентичности России. Более того, можно предположить и существование стереотипов западного мужчины и западной женщины, о чем свидетельствует сравнение результатов этих опросов с данными, полученными нами в ходе исследования стереотипов американцев [13]. К примеру, респонденты приписывали американским женщинам такие черты, как независимость (69,0 %) и успешность (48,0 %), целеустремленность (45,0 %), а американским мужчинам — расчетливость (75,0 %), высокомерность (67,0 %), индивидуализм (60,0 %), самодостаточность (59,0 %), инициативность (52,0 %), эгоистичность (52,0 %), амбициозность (50,0 %) [13].

В-третьих, в зависимости от того, кто выступает Чужим, набор характеристик собственной национальной общности меняется. Мы показали, как этот факт, установленный исследователями ранее, работает в процессе гендерной идентификации. Таким образом, представления о гендерных характеристиках Своих и Чужих оказываются контекстуальными.

Библиографический список

1. Данилова Е. К. Гражданские и этнические идентификации в России // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В. С. Магун. М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006. С. 268—292.
2. Еврофобия : Левада-центр: 71 процент россиян не считают себя европейцами // Грани.Ру. URL: <http://grani.ru/Politics/Russia/d.128604.html?rm=sform&thread=1552085> (дата обращения: 15.01.2010).
3. Кирилина А. В. Гендер : лингвистические аспекты. М. : Ин-т социологии РАН, 1999. 180 с.

4. Коннелл Р. Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2. С. 851—880.
5. Курнаева Н. А. Русскость, польскость, немецкость глазами российских студентов: гендерные аспекты // *Polacy i Rosjanie — przewycięzanie uprzedzeń = Поляки и русские — преодоление предубеждений* / pod red. A. de Lazari, T. Ronginskiej. Łódź : Ibidem, 2006. S. 85—95.
6. Курнаева Н. А., Рябов О. В. «Гусары денег не берут»: Свои и Чужие в гендерном дискурсе коллективной идентичности // Гендер : язык, культура, коммуникации : материалы Третьей Междунар. конф., 27—28 ноября 2003 г. М. : РЕМА, 2006. С. 239—246. (Вестн. МГЛУ ; вып. 518 ; сер. : Лингвистика).
7. Праздник исчезающего вида — русского мужчины («Le Figaro» от 2 марта 2006 г.). URL: <http://www.inosmi.ru/translation/225864.html> (дата обращения: 24.03.2010).
8. Российское общественное сознание о судьбах России в XX веке и будущем : (материалы социологического обзора) // *Альтернативы*. 2000. № 4 ; 2001. № 1. URL: http://www.alternativy.ru/old/magazine/htm/01_1/monitor.htm (дата обращения: 15.01.2010).
9. Рябов О. В. «Mother Russia»: гендерный аспект образа России в западной историософии // *Обществ. науки и современность*. 2000. № 4. С. 116—122.
10. Рябов О. В. «Россия-Матушка» : национализм, гендер, война в России XX века. Штутгарт ; Ганновер : Ibidem, 2007. 290 с.
11. Рябова Т. Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
12. Рябова Т. Б. Этническая вариативность гендерных стереотипов // *Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского*. Сер. : Соц. науки. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2009. № 1. С. 317—323.
13. Рябова Т. Б., Лямина А. А. Антиамериканизм по-ивановски: к вопросу о гендерном измерении этнических стереотипов // *Границы : альм. Центра этнических и национальных исследований ИВГУ*. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. Вып. 1 : Этническая ситуация в Ивановской области. С. 75—86.
14. Barth F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries : the Social Organization of Culture Difference* / Ed. by F. Barth. L. ; Bergen : Universitetsforlaget, 1969. P. 9—38.
15. Blom I. Gender and Nation in International Comparison // *Gendered Nations : Nationalisms and Gender Order in the Long Nineteenth Century* / Ed. by I. Blom, K. Hagemann, C. Hall. Oxford ; N. Y. : Berg, 2000. P. 3—26.
16. Kahn K. F. Political Consequences of Being Woman : How Stereotypes Influence the Conduct and Consequences of Political Campaigns. N. Y. : Columbia University Press, 1996. 192 p.
17. Malia M. E. Russia under Western Eyes : from the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge (Mass.) ; L. : Harvard University Press, 1999. 514 p.
18. Neumann I. B. Constructing Europe: Russia as Europe's Other // *Political Symbols, Symbolic Politics : European Identities in Transformation* / Ed. by U. Hedetoft. Aldershot ; Brookfield : Ashgate, 1998. P. 226—266.
19. Said E. W. Orientalism. N. Y. : Pantheon Books, 1978. 368 p.
20. Sex Role Stereotype: a Current Appraisal / I. K. Broverman, S. R. Vogel, D. M. Broverman, F. E. Clarkson, P. S. Rosenkrantz // *J. of Social Issues*. 1972. Vol. 28, № 2. P. 59—78.
21. Tajfel H. Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge ; N. Y. : Cambridge University Press ; P. : Editions de la Maison des sciences de l'homme, 1982. 528 p.
22. Yuval-Davis N. Gender and Nation. L. ; Thousand Oaks (Cal.) : Sage Publications, 1997. 157 p.

Е. В. Сауляк

СЕГМЕНТИРОВАНИЕ РЫНКА ТРУДА С ПОЗИЦИИ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ОПЛАТЕ ТРУДА

По нашему мнению, в целях уточнения мер государственной политики по сдерживанию роста гендерного неравенства в оплате труда целесообразно произвести сегментирование рынка труда. С использованием таких критериев, как уровень гендерного разрыва в оплате труда и гендерная принадлежность отрасли, нами были выделены несколько сегментов рынка труда (табл.). Авторский подход не имеет аналогов.

Сегментирование рынка труда¹

	Женские высокооплачиваемые отрасли	Мужские высокооплачиваемые отрасли	Женские низкооплачиваемые отрасли	Мужские низкооплачиваемые отрасли	Нейтральные отрасли
Минимальный уровень гендерного разрыва в заработной плате	I	II	III	IV	V
Максимальный уровень гендерного разрыва в заработной плате	X	IX	VIII	VII	VI

Взяв за основу указанный подход сегментирования рынка труда с учетом уровня гендерного неравенства в оплате труда, можно проследить эволюцию отдельных сегментов рынка труда России и Орловской области с 1998 по 2004 г. Нами выбран именно данный период, т. к. относительно корректное представление статистической информации может быть осуществлено только в этот промежуток времени. Начиная с 2005 г. статистические данные о размере оплаты труда в разрезе отраслей экономики перестали публиковать, они были заменены на данные в разрезе основных видов экономической деятельности.

Обратимся к анализу рынка труда России. *Первый сегмент* на протяжении всего изучаемого периода представлен одной отраслью — финансы, кредит и страхование. Здесь гендерный разрыв в заработной плате возрос с 23 % до 37 %. При этом размер сегмента за изучаемый период возрос за счет увеличения абсолютной численности занятых в данной сфере на 192 тыс. человек. Относительное количество занятых в финансовой сфере также возросло с 1,2 %

© Сауляк Е. В., 2010

¹ Сост. по: Труд и занятость в России, 2005 : стат. сб. М. : Росстат, 2006. 502 с.

до 1,4 % от общей численности занятых в экономике. Кроме того, доля женщин, занятых в рассматриваемом сегменте, увеличилась с 1,7 % до 2,1 % от общей численности женщин, занятых в экономике.

Второй сегмент в начале исследуемого промежутка времени был представлен также одной отраслью — управление (без охраны общественной безопасности), где гендерный разрыв в заработной плате составлял 16 %. На конец изучаемого периода сюда входит строительство, т. к. здесь произошло сокращение гендерного разрыва в заработной плате с 21 % до 14 %, а в сфере управления, напротив, увеличение до 21 %. Таким образом, за исследуемый период второй сегмент значительно усилился (возрос в 1,8 раза) за счет увеличения абсолютного числа граждан, занятых в строительстве, до 5216 тыс. человек, тогда как в 1998 г. он был представлен сферой управления с общей численностью занятых в ней граждан 2925 тыс. человек. Относительное количество занятых в данном сегменте также возросло с 4,5 % до 7,9 % от общей численности занятых в экономике. Концентрация мужчин здесь существенно увеличилась — с 4,8 % до 11,8 % от общей численности мужчин, занятых в экономике.

К *третьему сегменту* на начало исследуемого периода следует отнести такие отрасли, как образование, культура и искусство. Здесь размер гендерного разрыва в заработной плате не превысил 20 % и составил 17 % и 19 % соответственно. В конце данного периода состав сегмента изменился: к образованию прибавилась сфера здравоохранения. Перемещение культуры и искусства в восьмой сегмент произошло по причине увеличения гендерного разрыва в оплате труда в данной отрасли до 31 %. В то же время в здравоохранении данный показатель возрос незначительно (на 7 %). В целом размер сегмента за 1998—2004 гг. увеличился в силу возрастания абсолютного количества занятых граждан на 3641 тыс. человек. Относительное число занятых в данном сегменте возросло с 10,9 % до 16,1 % от общей численности занятых в экономике. Доля женщин, занятых в третьем сегменте, за рассматриваемый период увеличилась с 17,8 % до 26,4 % от общей численности женщин, занятых в экономике.

Четвертый сегмент в 1998—2004 гг. представлен такой отраслью, как лесное хозяйство. Здесь зафиксировано превышение заработной платы женщин над заработной платой мужчин на начало и конец изучаемого периода на 1 %. Несмотря на увеличение абсолютного числа занятых граждан на 37 тыс. человек, нельзя сделать вывод о расширении четвертого сегмента. Поскольку относительное количество занятых в лесном хозяйстве на протяжении всего периода составляет 0,4 % от общей численности занятых в экономике, данный сегмент является устойчивым. Концентрация мужчин в сфере лесного хозяйства стабильна, т. к. доля мужчин, занятых в данной сфере, составляет 0,6 % от общей численности мужчин, занятых в экономике.

В состав *пятого сегмента* на начало изучаемого периода входили такие отрасли, как наука и научное обслуживание, а также жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ) и непроизводственные виды бытового обслуживания населения. Однако с 2000 г. научная сфера перешла в состав шестого сегмента, т. к. уровень гендерного разрыва в оплате труда превысил отметку 30 %. В сфере ЖКХ, напротив, наблюдается сокращение размера гендерного разрыва в оплате труда с 22 % до 20 %. Таким образом, за период 1998—2004 гг. размер пятого

сегмента уменьшился, т. к. сократилось число занятых граждан с 7,1 % до 4,8 % от общего числа занятых в экономике, несмотря на незначительное увеличение доли граждан, занятых в сфере ЖКХ.

В *шестой сегмент* на начало рассматриваемого периода входила промышленность, где размер гендерного разрыва в оплате труда составил 31 %. С 2000 г. в состав данного сегмента необходимо включить научную сферу. Вместе с тем промышленность перемещается в девятый сегмент вследствие смены гендерной доминанты и перехода в разряд «мужских» отраслей. В конечном итоге размер данного сегмента резко сократился: абсолютное количество занятых граждан уменьшилось с 14 543 до 1165 тыс. человек, относительное число граждан — с 22,6 % до 1,8 % от общей численности занятых в экономике.

В состав *седьмого сегмента* в период 1998—2004 гг. входила сфера сельского хозяйства. Уровень гендерного разрыва в оплате труда здесь несколько сократился — с 10 % до 7 %. Вместе с тем размер заработной платы работников сельского хозяйства является самым низким в разрезе изучаемых отраслей экономики. Данный сегмент является уменьшающимся, т. к. доля занятых в нем граждан сократилась с 13 % до 10,4 % от общего числа занятых в экономике (или на 1479 тыс. человек). Концентрация мужчин также снизилась с 16,1 % до 12,7 % от общей численности мужчин, занятых в экономике.

Восьмой сегмент на начало исследуемого периода был представлен такими сферами, как здравоохранение, физическая культура, социальное обеспечение, а также оптовая и розничная торговля, общепит. В указанных отраслях размер гендерного разрыва в заработной плате превысил отметку в 20 % и составил 22 % и 27 % соответственно. Как было указано ранее, в конце изучаемого периода в состав сегмента вошла сфера культуры и искусства. Сфера же здравоохранения перешла в состав третьего сегмента, что привело к незначительному уменьшению восьмого. Об этом свидетельствует снижение как относительного числа граждан, занятых в указанном сегменте, с 21,6 % до 19,1 % от общей численности занятых в экономике, так и их абсолютного количества на 1219 тыс. человек. Вместе с тем концентрация женщин в восьмом сегменте существенно сократилась (на 6,4 % от общей численности женщин, занятых в экономике), несмотря на увеличение доли женщин, занятых в сфере торговли, с 18,8 % до 21,6 % от общей численности женщин, занятых в экономике.

Объем *девятого сегмента* за изучаемый период значительно возрос за счет перехода промышленности из шестого сегмента. Таким образом, на начало периода в состав сегмента входили такие отрасли, как строительство и транспорт, тогда как в конце периода — транспорт, управление и промышленность. Критерием отнесения отраслей экономики является превышение в них гендерного разрыва в оплате труда значения в 20 %. За исследуемый период в данном сегменте произошло увеличение абсолютного числа занятых граждан на 12 776 тыс. человек, относительный прирост составил 18,7 % от общей численности занятых в экономике. Доля мужчин, занятых в девятом сегменте, за указанный период времени заметно выросла — с 20,5 % до 41,0 % от общей численности мужчин, занятых в экономике.

Десятый сегмент на протяжении всего исследуемого периода представлен такими отраслями экономики, как связь и информационно-вычислительное

обслуживание (ИВО), где величина гендерного разрыва в заработной плате на конец изучаемого периода составила 41 % и 46 % соответственно. Размер данного сегмента за обозначенное время не претерпел существенных изменений. Несмотря на рост абсолютного числа граждан, занятых в сфере связи, на 47 тыс. человек, относительное количество занятых осталось стабильным — 1,4 % от общей численности занятых в экономике. Концентрация женщин в десятом сегменте также не изменилась и составила 1,7 % от общей численности женщин, занятых в экономике.

Отметим особенности эволюции сегментов рынка труда Орловской области с учетом уровня гендерного неравенства в оплате труда с 2000 по 2004 г.² Первый сегмент на начало исследуемого периода составляли «женские» отрасли с уровнем гендерного разрыва в оплате труда, не превышающим 30 %. Это финансы, кредит, пенсионное обеспечение и ИВО. Однако к 2004 г. к данному сегменту можно отнести только финансовую сферу, т. к. величина гендерного разрыва в заработной плате в ИВО резко увеличилась и достигла 34 %. Именно по этой причине размер сегмента за изучаемый период сократился, несмотря на увеличение абсолютной численности занятых в финансовой сфере с 5,5 до 5,8 тыс. человек. Относительное количество занятых в финансовой сфере также незначительно возросло — с 1,3 % до 1,4 % от общей численности занятых в экономике области.

Второй сегмент на протяжении всего рассматриваемого периода представлен двумя отраслями — управлением и строительством. Здесь уровень гендерного разрыва в оплате труда возрос до 6 % и 11 % соответственно. За исследуемый период времени размер рассматриваемого сегмента сократился на 6,1 тыс. человек за счет снижения абсолютного числа граждан, занятых и в строительной сфере, и в сфере управления. Относительное количество занятых в данном сегменте также сократилось с 12,2 % до 10,9 % от общей численности занятых в экономике области.

Третий сегмент рынка труда Орловской области представлен следующими отраслями: здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение; образование; культура и искусство; наука и научное обслуживание. В указанных отраслях уровень гендерного неравенства не превышает отметку в 30 %. При этом только в сфере образования зафиксировано снижение гендерного разрыва в заработной плате с 22 % до 18 %, тогда как в оставшихся трех отраслях гендерное неравенство в заработной плате усиливается. Таким образом, на протяжении исследуемого периода состав сегмента не изменился. В целом его размер за 2000—2004 гг. незначительно увеличился по причине роста абсолютного количества занятых граждан в данном сегменте на 0,9 тыс. человек. Относительное число занятых возросло с 17,4 % до 17,9 % от общей численности занятых в экономике области.

Четвертый сегмент состоит из сферы сельского хозяйства, где уровень гендерного разрыва в оплате труда снизился с 16 % до 11 %. Рассматриваемый сегмент является уменьшающимся, т. к. абсолютное число граждан, занятых в сфере сельского и лесного хозяйства, сократилось на 10,7 тыс. человек, а отно-

² Анализ осуществлен автором по данным Орловского управления Росстата.

сительное количество занятых — на 2,3 % от общей численности занятых в экономике области.

В состав пятого сегмента входят сфера ЖКХ и непроизводственные виды бытового обслуживания населения. Сегмент следует отнести к числу растущих. Об этом свидетельствует рост абсолютного числа граждан, занятых в сфере ЖКХ, на 2,2 тыс. человек, а также увеличение относительного количества занятых с 4 % до 4,5 % от общей численности занятых в экономике области.

Шестой сегмент представлен такой отраслью, как промышленность. Размер данного сегмента незначительно уменьшается, т. к. наблюдается сокращение абсолютного (на 6,7 тыс. человек) и относительного числа занятых в сфере промышленности (с 23,9 % до 20,9 % от общей численности занятых в экономике области).

Седьмой сегмент, в соответствии со статистикой Орловской области, остается незаполненным.

В состав восьмого сегмента на протяжении всего исследуемого периода входят сферы торговли, общественного питания, материально-технического снабжения, сбыта и заготовок. Уровень гендерного разрыва здесь сократился с 35 % до 32 %. Величина рассматриваемого сегмента за период с 2000 по 2004 г. значительно возросла. На это указывают данные об увеличении как абсолютного числа граждан, занятых в этой сфере, на 13,1 тыс. человек, так и относительного числа занятых граждан от общей численности занятых в экономике области на 3,3 % (с 12,6 % до 15,9 %).

Размер девятого сегмента не претерпел серьезных изменений, поскольку он состоит только из транспортной сферы. В данной отрасли в период с 2000 по 2004 г. показатель гендерного неравенства вырос с 24 % до 33 %. Объем указанного сегмента либо незначительно увеличился, либо остался на прежнем уровне. Более точные выводы сделать не представляется возможным в силу отсутствия статистических данных о численности граждан, занятых отдельно в транспортной сфере и в связи. Общее количество занятых граждан в указанных отраслях возросло на 2 тыс. человек.

Размер десятого сегмента за рассматриваемый период возрос в силу перехода в его состав сферы ИВО. Кроме того, об этом свидетельствуют данные об увеличении абсолютного числа граждан, занятых в сфере транспорта и связи. (Сведениями о количестве занятых граждан в сфере ИВО мы не располагаем.) В отраслях данного сегмента зафиксировано увеличение гендерного разрыва в оплате труда: в связи — с 35 % до 46 %, в ИВО — с 24 % до 33 %.

Проанализировать изменение доли мужчин и женщин, занятых в рамках отдельных сегментов, не представляется возможным в силу отсутствия необходимых статистических данных.

Таким образом, авторский подход к сегментации рынка труда применим как для национального рынка труда, так и для рынков труда отдельных регионов страны. Проводя сравнительный анализ сегментации российского рынка труда и рынка труда Орловской области, можно отметить сходство по отраслевой принадлежности отдельных сегментов. Различия в составе и размерах сегментов отчасти объясняются отличиями в гендерной принадлежности отдельных отраслей экономики.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНДИКАТОРЫ В ОЦЕНКЕ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА

В системе социальных индикаторов по праву заняли свое место гендерные индикаторы (ГИ), которые используются в качестве инструментария оценки гендерного неравенства. ГИ осуществляют разбивку данных по полу, возрастным категориям и социально-экономическим характеристикам. Они предназначены демонстрировать изменения в отношениях между женщинами и мужчинами, происходящие в определенном обществе за определенный период времени. Также индикаторы представляют собой инструмент для оценки хода реализации конкретных мер, направленных на достижение гендерного равенства. Такой подход позволяет осуществлять эффективный мониторинг и оценку проектов и программ с позиций социальной справедливости, дискриминации, нарушений прав человека. ГИ выявляют те изменения в обществе, которые указывают на изменения статусов и ролей женщин и мужчин.

В статье рассмотрены различные интегрированные ГИ (индексы), созданные международным экспертным сообществом и отражающие динамику различных процессов — экономических, политических, социальных и др. Представляются интересными как межстрановое сравнение, так и рейтинги Российской Федерации на международном уровне.

Большой вклад в развитие гендерного равенства внесли агентства ООН. Мы использовали данные из статистического приложения к «Докладу о развитии человека, 2009» [1], в котором представлены различные индексы и составлены рейтинги, соотнесенные с **индексом развития человеческого потенциала (ИРЧП)** для 182 стран мира. В индексе развития с учетом гендерного фактора (ИРГФ) дополнительно отражается влияние различий между мужчинами и женщинами по базовым индикаторам ИРЧП: ожидаемой продолжительности жизни, уровню грамотности, охвату образованием и доступу к доходу. Формула индикатора дохода учитывает различия в заработной плате и экономической активности мужчин и женщин.

Как видно из табл. 1 [1, с. 181—185], рейтинг по ИРГФ совпадает с ИРЧП у Исландии и Канады, немного отклоняется от него у Норвегии, Австралии, Нидерландов, Швеции и Франции, существенно отклоняется — у Ирландии, Швейцарии и Японии за счет более низкого образования женщин и низкого показателя разницы в расчетных заработанных доходах женщин и мужчин (РЗД). Субиндексы образовательного уровня женщин (РПУЗ) в основном выше, чем у мужчин, или отличаются несущественно, чего не скажешь о РЗД. Лидируют по РЗД Япония и Ирландия, минимальная разница — в Норвегии и Австралии. Несмотря на достаточно низкий уровень РЗД в Ирландии, она с большим отрывом опережает другие страны по уровню образования женщин.

Бывшие республики СССР входят в группу стран с высоким и средним уровнем ИРЧП. Рейтинг ИРГФ выше ИРЧП у всех бывших республик СССР, преимущественно за счет высокого образовательного уровня женщин, исключая среднеазиатские страны.

Рейтинг стран по ИРГФ

Страна	Рейтинг по ИРЧП	Рейтинг по ИРГФ	Разница в продолжительности жизни (РПЖ) женщин относительно мужчин, лет	Разница в совокупном вступивших в учебные заведения (РПУЗ) женщин относительно мужчин, %	Разница в расчетном заработанном доходе (РЗД) женщин относительно мужчин, \$ США / %
Норвегия	1	2	4,5	8,0	– 13 818 / 77
Австралия	2	1	4,6	2,9	– 12 394 / 70
Исландия	3	3	3,1	12,0	– 16 499 / 63
Канада	4	4	4,5	3,4	– 15 141 / 65
Ирландия	5	10	4,7	2,9	– 25 342 / 56
Нидерланды	6	7	4,3	– 0,8	– 15 461 / 67
Швеция	7	5	4,4	9,2	– 14 596 / 67
Франция	8	6	7,1	3,9	– 16 414 / 61
Швейцария	9	13	4,9	– 2,6	– 18 904 / 62
Япония	10	14	7,2	– 2,3	– 25 563 / 45
Страны бывшего СССР					
Эстония	40	36	11,0	13,6	– 8913 / 65
Литва	46	42	11,8	10,4	– 6311 / 70
Латвия	48	44	10,0	14,3	– 6457 / 67
Беларусь	68	57	12,1	6,7	– 5061 / 63
Россия	71	59	13,0	8,1	– 6496 / 64
Казахстан	82	66	12,1	8,3	– 4249 / 68
Армения	84	68	6,6	6,2	– 3171 / 57
Украина	85	69	11,1	6,2	– 3605 / 59
Азербайджан	86	73	4,3	н. д.	– 6201 / 44
Грузия	89	н. д.	6,9	1,9	– 4281 / 38
Туркменистан	109	н. д.	8,2	н. д.	– 1951 / 65
Молдова	117	97	7,6	5,9	– 791 / 73
Узбекистан	119	99	6,4	– 2,6	– 1072 / 64
Кыргызстан	120	100	7,5	4,8	– 1172 / 55
Таджикистан	127	107	5,6	– 12,6	– 741 / 65

Доходы мужчин существенно выше, чем у женщин, во всех бывших республиках СССР, особенно в Грузии и Азербайджане. По РПЖ лидирует Россия, немного опережая Прибалтику, Белоруссию, Украину и Казахстан. Страны Средней Азии и Кавказа по РПЖ приближаются к странам — лидерам по рейтингу ИРЧП. Рейтинг России по обоим индексам отстает от всех стран Восточной Европы, чуть опережая только Македонию — бывшую Югославию.

Другой интегрированный ГИ, заявленный в «Докладе о развитии человека», — **показатель расширения возможностей женщин (ПРВЖ)** — включает в себя политическое участие и показатели представленности женщин и мужчин во власти и состоит из следующих ГИ: места в парламенте, занимаемые женщинами (% от общего числа мест); женщины — законодатели, чиновники высшего звена и управляющие (% от общего числа мест); женщины — специалисты и технические работники (% от общего числа мест); отношение оценки дохода от основной деятельности женщин к оценке дохода мужчин; год получения женщинами права избирать и быть избранной; год, когда

женщина впервые стала главой парламента или одной из его палат; женщины на министерских постах (% от общего числа мест) [1, с. 186—189].

Рассмотрим первую десятку лидеров по рейтингу ПРВЖ в зависимости от рейтинга ИРГФ (табл. 2). По количеству женщин на министерских постах лидируют Финляндия и Норвегия. По количеству мест в парламенте близки к гендерному балансу Швеция и Финляндия. Во всех странах женщины достаточно рано получили избирательные права. Австрия (20-е место), где раньше всех женщина стала главой парламента (1927 г.), не попала в десятку лидеров. Следом с большим отрывом идет Дания (1950 г.), потом только в 1963 г. женщины возглавили парламента Венгрии и Уругвая. Женщины в Новой Зеландии первыми получили право избирать и только спустя 26 лет смогли избираться в органы власти. Практически по всех странах — гендерный паритет среди специалистов и технических работников.

ПРВЖ для стран бывшего СССР имеет большой разброс значений (от 30 до 100). Из-за недостатка данных не определены рейтинги у Беларуси, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана. Высокие показатели у бывших советских республик по году получения избирательных прав и количеству женщин — технических работников и специалистов. Остальные показатели достаточно низкие, за исключением прибалтийских республик, которые возглавляют этот список. Рейтинг ПРВЖ России выше ИРЧП (60 и 71 соответственно) и практически равен ИРГФ (59).

В Отчете о всемирном рейтинге равноправия полов, публикуемом Всемирным экономическим форумом (ВЭФ) с 2006 г., используется **индекс гендерного неравенства (ИГН)**, который практически суммирует ГИ, входящие в ИРГФ и ПРВЖ [2]. В зависимости от значения этого индекса составляется рейтинг стран по степени преодоления разрыва между мужчинами и женщинами в обеспечении реальных прав в экономической, политической и других сферах. При построении индекса используется 14 параметров, выраженных четырьмя субиндексами:

1) *экономической активности (ИЭА)* — соотношение уровней занятости мужчин и женщин, оплаты мужчин и женщин за равный труд, женской и мужской зарплаты, мужчин и женщин среди законодателей, ответственных работников, руководителей, специалистов;

2) *образования (ИО)* — соотношение уровня грамотности мужчин и женщин, охвата мужчин и женщин начальным, средним, высшим образованием;

3) *политического участия (ИПУ)* — соотношение полов в парламенте, на министерских должностях; время нахождения женщин во главе государства за последние 50 лет;

4) *здоровья и продолжительности жизни (ИЗПЖ)* — соотношение продолжительности здоровой жизни мужчин и женщин, полов при рождении*.

Баллы, набранные странами в рейтинге равноправия полов, могут рассматриваться как процентный эквивалент устраненного разрыва между мужчинами и женщинами в обеспечении реальных прав в различных сферах. Отчет за 2009 г. включает данные по 134 странам — в нем освещена ситуация с равноправием полов на территории, где проживает более 90 % населения мира (табл. 3).

В данном рейтинге страны оцениваются по распределению ресурсов и возможностей между женским и мужским населением вне зависимости от общего объема таких ресурсов и возможностей. Следовательно, рейтинг ставит в невыгодное положение не те страны, которые имеют общий низкий образовательный уровень, а те, в которых образовательные возможности распределяются между женщинами и мужчинами нерав-

* Авторы надеялись посредством этого показателя отразить наличие половых предпочтений у родителей. Для большинства же населения естественное соотношение полов при рождении составляет 105 мальчиков на 100 девочек, т. е. изначально существует неравенство.

номерно. В оценке индексов особое внимание уделяется достижению гендерного баланса, а не превосходству одного пола над другим, даже если это женские достижения.

Таблица 2

Рейтинг стран по ПРВЖ

Страна	Рейтинг по ПРВЖ	Рейтинг по ИРЧП	Места в парламенте, занимаемые женщинами (% от общего числа мест)	Женщины — законодатели, чиновники высшего звена и управляющие (% от общего числа мест)	Женщины — специалисты и технические работники (% от общего числа мест)	Отношение оценки дохода от основной деятельности женщин к оценке дохода мужчин	Год получения женщинами права		Год, когда женщина впервые стала главой парламента или одной из его палат	Женщины на министерских постах (% от общего числа мест)
							избирать	быть избранной		
Норвегия	1	1	36	31	51	0,77	1913	1907, 1913	1993	56
Швеция	2	7	47	32	51	0,67	1919, 1921	1919, 1921	1991	48
Финляндия	3	12	42	29	55	0,73	1906	1906	1991	58
Дания	4	16	38	28	52	0,74	1915	1915	1950	37
Нидерланды	5	6	39	28	50	0,67	1919	1917	1998	33
Бельгия	6	17	36	32	49	0,64	1919, 1948	1921	2004	23
Австралия	7	2	30	37	57	0,70	1902, 1962	1902, 1962	1987	24
Исландия	8	3	33	30	56	0,62	1915, 1920	1915, 1920	1974	36
Германия	9	22	31	38	50	0,59	1918	1918	1972	33
Страны бывшего СССР										
Эстония	30	40	21	34	69	0,65	1918	1918	2003	23
Латвия	33	48	20	41	66	0,67	1918	1918	1995	22
Литва	40	46	18	38	70	0,70	1919	1919	—	23
Кыргызстан	56	120	26	35	62	0,65	1918	1918	—	19
Россия	60	71	11	39	64	0,64	1918	1918	—	10
Молдова	66	117	22	40	68	0,73	1924, 1993	1924, 1993	2001	11
Казахстан	73	82	12	38	67	0,68	1924, 1993	1924, 1993	—	6
Украина	86	85	8	39	64	0,59	1919	1919	—	4
Армения	93	84	8	24	65	0,57	1918	1918	—	6
Грузия	95	89	6	34	62	0,38	1918, 1921	1918, 1921	2001	18
Азербайджан	100	86	11	5	53	0,44	1918	1918	—	7

Социология гендерных отношений

Во всех четырех отчетах 2006—2009 гг. рейтинг равноправия полов возглавляют четыре северные страны: Исландия, Швеция, Норвегия и Финляндия.

На основании сравнения ИГН за четыре года можно сделать вывод о том, что страны мира движутся в сторону гендерного равенства. В отношении трех субиндексов за этот период отмечен рост: по ИПУ — с 14 % до 17 %, по ИЭА — с 56 % до 59 %, по ИО — с 92 % до 93 %. Ухудшение отмечается только по ИЗПЖ.

Самые большие успехи характерны для Азии, за ней следуют Западная Европа, Латинская Америка и страны Карибского моря, Южная Африка, Австралия и Океания, Средний Восток и Северная Африка, Восточная Европа и, наконец, Северная Америка.

Исходя из данных 4-го доклада ВЭФ, следует обратить внимание, насколько близки к идеалу уровни гендерного равенства стран мира для четырех субиндексов: свыше 96 % — по результатам здоровья, 93 % — по образовательному уровню, 60 % — по экономическому участию и только 17 % — по политическому представительству. Ни одна страна в мире не достигла уровня гендерного равенства.

Таблица 3

Рейтинг стран по ИГН ВЭФ в 2009 г.

Страна	Рейтинг				
	по ИГН ВЭФ	по ИЭА	по ИО	по ИЗПЖ	по ИПУ
Исландия	1	16	1	101	1
Финляндия	2	15	1	1	2
Норвегия	3	8	26	56	3
Швеция	4	6	39	79	4
Новая Зеландия	5	7	1	72	7
ЮАР	6	61	43	70	5
Дания	7	20	1	102	11
Ирландия	8	43	1	86	8
Филиппины	9	11	1	1	19
Лесото	10	4	1	1	34
Страны бывшего СССР					
Эстония	37	36	37	41	50
Литва	30	18	54	41	54
Латвия	14	14	1	1	31
Беларусь	34	29	75	41	46
Россия	51	24	29	41	99
Казахстан	47	12	42	41	102
Армения	91	57	29	133	123
Украина	61	33	31	41	117
Азербайджан	90	47	94	132	119
Грузия	84	55	82	131	103
Молдова	36	26	63	41	64
Узбекистан	58	9	100	64	97
Кыргызстан	41	46	59	1	43
Таджикистан	87	27	114	58	96

Максимальный уровень гендерного равенства приближается к 80 % и достигнут северными странами (Исландия, Финляндия и Норвегия), тогда как самый низкий уровень отмечен в Йемене — около 46 %.

Из 115 стран, включенных в доклады за 2006, 2007, 2008 и 2009 гг., 99 стран более чем на 80 % улучшили свои показатели, тогда как 16 % ухудшили ИГН. В 2009 г.

25 стран полностью достигли гендерного равенства в доступе к образованию (ИО), по сравнению с 24 странами в 2008 г. и 15 в 2007 г. По ИЗПЖ 39 стран достигли паритета, по сравнению с 36 в прошлом году и 32 странами в 2007 г. Среди них 12 стран достигли равенства в обоих субиндексах (на одну страну больше чем в прошлом году).

Сравнивая показатели ИГН и его составляющих ГИ из четырех докладов, можно проследить динамику и тенденции гендерного развития каждой страны, региона, континента. В Исландии (1) отмечен наибольший прирост количества женщин в парламенте (с 33 % до 43 %), благодаря чему страна перескочила с 4-го места в лидеры. Финляндия (2) остается на 2-й позиции, держится на первой позиции по ИЗПЖ и ИО, но уступает Исландии по участию женщин в политике. Благодаря непрерывному пребыванию (в течение 10 лет) Т. Халонен в статусе первого президента-женщины, в Финляндии наблюдается превышение количества женщин — профессиональных и технических работников — над мужчинами в 1,23 раза, министерские портфели — у 58 % женщин, женщин в парламенте — 42 %. Третье место в рейтинге 2009 г. занимает Норвегия, которая спустилась на него со 2 и 1-го места. Швеция (4) держала первенство в 2006 и 2007 гг., но с тех пор другие страны улучшили свои показатели.

В качестве модели и полезных стандартов для международных сравнений эксперты приводят в пример Данию, которая более чем на 80 % приблизилась к гендерному равенству. Новая Зеландия (5) сохраняет свою позицию, показывая абсолютное увеличение оценок экономического участия (7) и политической представленности (7). Южная Африка (6) достигла больших успехов и вошла в первую десятку стран. Самые последние данные показывают значимые улучшения в женской занятости, участии женщин в парламенте и пребывании на министерских постах в новом правительстве. Ирландия (8) улучшает ГИ внутри страны в течение предшествующих лет, но остается на 8-й позиции. Филиппины (9) также сохраняют свой привилегированный статус как самая продвинутая азиатская страна. Лесото (10) поднялось на шесть мест, улучшив ИЭА. Нидерланды и Латвия исчезли из верхней десятки, где находились еще в прошлом году.

Шесть европейских стран входят в первую десятку стран в мире, и 13 — в первую двадцатку. К пяти северным странам и Ирландии присоединились Нидерланды (11), Германия (12), Швейцария (13), Латвия (14), Объединенное Королевство (15), Испания (17) и Франция (18). Германия, которая держала 5-е место в 2006 г., 7-е место в 2007 г. и 11-е место в 2008 г., понизила рейтинг, несмотря на незначительные улучшения в экономической и политической сферах. Швейцария продолжает подниматься, улучшая субиндексы ИЭА и ИО. Объединенное Королевство переместилось с 13-го места на 15-е в 2009 г. Испания удерживает 17-ю позицию, тогда как Франция спустилась до 18-й позиции из-за снижения ИЭА. Далее следуют Литва (30), Бельгия (33), Беларусь (34), Молдова (36), Эстония (37), Болгария (38), Австрия (42), Португалия (46) и Польша (50). Рейтинг Литвы упал на семь пунктов из-за непрерывного снижения ИПУ. Молдова потеряла 16 позиций из-за уменьшающихся ИО и ИЭА.

Российская Федерация (51) теряет девять мест в рейтинге по сравнению с 2008 г. из-за уменьшающейся экономической активности женщин и увеличения разрыва с мужчинами в оплате труда, хотя уверенно держится на 24-м месте по ИЭА, 9-м месте — по образовательным возможностям, 41-м — по здоровью [2]. Тем не менее с точки зрения политического представительства Россия имеет значение ниже среднего, удерживая 99-ю позицию по ИПУ (из 134 стран). При том что этот показатель существенно улучшился по сравнению с 2007 г. (120-е место из 128 стран), когда в кабинете министров не было ни одной женщины.

Из европейских стран далее следуют Словения (52), Македония (53), Украина (61), Люксембург (63), Венгрия (65), Словакия (68) и Румыния (70). Италия (72), Чеш-

ская Республика (74), Кипр (80) и Греция (86) остаются в рейтинге с более низкими показателями в Европе. Италия, Чешская Республика и Кипр, несмотря на незначительные увеличения ИЭА, отстают из-за более быстрого прогресса других стран. Рейтинг Греции падает по сравнению с 2008 г., главным образом из-за уменьшения ИЭА. Закрывают список европейских стран Грузия (84), Мальта (89), Азербайджан (90), Армения (91), Албания (92) и Турция (129). Турция за последний год снизила показатель соотношения уровня занятости мужчин и женщин с 29 % до 26 %, хотя есть незначительные подвижки в соотношении мужчин и женщин в составе законодателей, ответственных работников, руководителей (с 8 % до 10 %).

Соединенные Штаты (31) теряют четыре позиции в рейтинге этого года. На 1 % снизился уровень занятости и процент женщин среди профессиональных и технических работников. Эти данные компенсируются увеличением дохода женщин и их количества среди законодателей, ответственных работников, руководителей. По субиндексу ИПУ пришлось спуститься с 56-й на 61-ю позицию: если другие страны улучшают свои позиции по этому индексу, то в США он остается без изменений.

Канада (25) продвинулась на шесть мест за год, получив 10-е место по ИЭА (экономическое участие женщин возросло с 73 % до 75 %, годовой заработанный доход вырос с US\$ 25,448 до US\$ 26,055), количество женщин в парламенте немного увеличилось — с 21 % до 22 %.

Монголия (22) и Киргизия (41) занимают самые высокие позиции среди азиатских стран, следом идут Казахстан (47), Узбекистан (58) и Таиланд (59). Монголия имеет четкое преимущество относительно субиндекса ИЭА, по которому занимает высшее место в мире, но ИПУ уменьшился по сравнению с прошлым годом. Китай (60) потерял три места по ИЭА и ИО, ИЗПЖ возрос, хотя остается одним из самых низких показателей (130) из-за несоразмерно высокого коэффициента рождения мальчиков.

Еще больше различий между странами-членами ЕС по абсолютным показателям величины социальных расходов в расчете на душу населения. Их величина в 2005 г. варьировалась от 1088 стандартов покупательной силы в Румынии до 12 948 в Люксембурге, 8529 в Швеции и 8498 в Дании. За пределами ЕС социальные расходы в расчете на душу населения особенно высоки в Норвегии (9525) и Швейцарии (8891). Если в пересчете на евро без учета паритета покупательной способности социальные расходы за 2005 г. в Люксембурге и Норвегии превысили 1000 евро в среднем на человека в месяц, то в Латвии, Литве, Болгарии и Румынии не достигли и 70 евро (38—67).

В последних отчетах ВЭФ представлены некоторые доказательства связи между уровнем равноправия полов, выраженным ИГН, и экономическими показателями разных стран, поскольку эффективное использование человеческого потенциала половины населения земного шара позволяет существенно повысить их экономический уровень. Для этого государства должны уравнивать шансы конкурентоспособности на рынке труда для женщин и мужчин. Представленные в отчете 2009 г. графики зависимости ИГН и Глобального индекса конкурентоспособности от ВВП стран на душу населения (как и в предыдущих расчетах 2006—2008 гг.) подтверждают корреляцию между показателем ИГН и уровнем экономического развития стран [2].

Многочисленные исследования в течение последнего десятилетия подтвердили, что сокращение гендерного неравенства повышает производительность труда и способствует экономическому росту стран. Инвестиции в образование девушек уменьшают показатели женской плодовитости, но зато при этом уменьшается младенческая и материнская смертность. Увеличение ИЭА и ИО напрямую способствует инвестициям в детей. Все это не только ведет к улучшению качества жизни, но и способствует более быстрому экономическому росту. По экспертным оценкам ООН, ограничение экономической ак-

тивности женщин может стоить странам от 42 до 46 млрд US\$ в год. Исследования Мирового банка демонстрируют, что гендерное неравенство ведет к огромным издержкам для всего Среднего Востока, где десятилетиями сдерживается экономическая активность женщин и доступ к образованию. Например, согласно последнему исследованию, сокращение разницы в экономической активности женщин и мужчин было важным фактором европейского экономического роста в последней декаде 2009 г. Сокращение промежутка ИЭА имеет огромный экономический смысл, позволяющий повысить ВВП в США на 9 %, в Европе на 13 % и в Японии на 16 %. Это могло бы сыграть ключевую роль в решении проблем, связанных со стареющим населением и пенсионным бременем. Кроме того, результаты исследований подтверждают, что для стран с высоким рейтингом ИГН характерна достаточно высокая женская плодовитость [2].

Остановимся еще на одном показателе, который также можно отнести к ГИ, — **индексе материнства**. Он рассчитывается Международной гуманитарной организацией «Берегите детей» и представлен в ежегодных докладах «Положение матерей в мире» (см., напр., [3]).

Перечень гендерных показателей, на основе которых строится индекс материнства, таков: риск материнской смерти; доля женщин, использующих современные методы контрацепции; ожидаемая продолжительность жизни женщин; ожидаемое число лет обучения в школе; продолжительность отпуска в связи с родами и размер оплаты (в % от зарплаты); соотношение заработной платы мужчин и женщин; участие женщин в политическом руководстве страны.

Наилучшие условия для матерей, по мнению авторов, созданы в Скандинавских странах. В 2009 г. список возглавили Швеция (1), Норвегия (2), Исландия (4), Дания (5). К ним присоединились Австралия (3) и Новая Зеландия (6). В первой десятке стран также держатся Финляндия (7) и Германия (9), Ирландия (8) и Нидерланды (10).

Среди 158 стран мира 43 страны выделены как развитые (для них индекс материнства считается отдельно), в их число попали только 4 страны СНГ: Беларусь (32), Российская Федерация (37), Украина (39), Молдова (41). Прибалтийские государства находятся в середине списка. Другие же страны СНГ попали в список менее развитых государств.

Разрыв между странами в верхней части списка и странами, замыкающими список, катастрофический. Образованные женщины более склонны откладывать вступление в брак, обращаться за медицинской помощью и обучать своих детей. Опыт многих стран также показывает, что по мере активизации использования методов контрацепции, когда женщины получают возможность планировать интервалы между родами, риск материнской и младенческой смертности снижается. Качество жизни детей напрямую зависит от качества жизни матерей. Хотя в целом ситуацию в развитых странах можно назвать благополучной с точки зрения условий материнства, внутри группы наиболее развитых стран существуют значительные различия. Например, соотношение оплаты труда мужчин и женщин варьирует от 84 центов женской зарплаты на каждый доллар мужской зарплаты в Швеции до 40 центов — в Австрии, 63 центов — в России. Развитые страны существенно различаются также по условиям предоставления родового отпуска и многим другим показателям.

Отставание России в области материнства и детства от большинства развитых стран связано с рядом факторов. Прежде всего, для нашей страны характерен высокий риск материнской и младенческой смертности. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что эти показатели улучшились, Россия занимает здесь 3-е место от конца. Прогрессируем мы и по продолжительности жизни женщин: 73 г. против 86 лет в Японии, 84 лет в Швейцарии, Испании, Италии, Франции, 83 лет в Австралии, Канаде, Финляндии, Исландии, Норвегии, Швеции. Как известно, по продолжительности жизни жен-

щин Россию обходят и многие развивающиеся страны. Значительно отстает РФ по степени участия женщин в политическом руководстве страны: если в Швеции в законодательных органах женщины занимают 47 % мест, то в России — 14 %. С другой стороны, относительно благополучно на фоне других стран Россия выглядит по таким индикаторам, как уровень образования женщин и охват детей дошкольным и школьным обучением. Что касается условий предоставления отпуска в связи с рождением ребенка, то Россия здесь занимает среднюю позицию. В ряде стран Европы созданы намного более привлекательные, чем в России, условия для женщин, становящихся матерями. Например, в Дании, Великобритании, Швеции и Норвегии женщина имеет право на 52 недели отпуска с сохранением 100 %-го заработка, в России же — на 20 недель. Отметим, что в США женщине гарантирован только неоплачиваемый отпуск [3].

Таблица 4

Рейтинги стран по пяти индексам

Страна	Рейтинг				
	по ИРЧП, 2007 г.	по ИРГФ, 2007 г.	по ПРВЖ, 2007 г.	по ИГН ВЭФ, 2007/2009 гг.	по индексу материнства, 2009 г.
Норвегия	1	2	1	2/3	2
Австралия	2	1	7	17/20	3
Исландия	3	3	8	4/1	4
Канада	4	4	12	18/25	20
Ирландия	5	10	22	9/8	8
Нидерланды	6	7	5	12/11	10
Швеция	7	5	2	1/4	1
Франция	8	6	17	51/18	11
Швейцария	9	13	13	40/13	14
Япония	10	14	57	91/75	34
Финляндия	12	8	3	3/2	7
США	13	19	18	31/31	27
Дания	16	12	4	8/7	5
Бельгия	17	11	6	19/33	н. д.
Новая Зеландия	20	18	10	5/5	6
Германия	22	20	9	7/12	9
Страны бывшего СССР					
Эстония	40	36	30	30/37	19
Литва	46	42	33	14/30	22
Латвия	48	44	40	13/14	24
Беларусь	68	57	н. д.	23/34	32
Россия	71	59	60	45/51	37
Казахстан	82	66	73	32/47	8**
Армения	84	68	93	71/91	32**
Украина	85	69	86	57/61	39
Азербайджан	86	73	100	59/90	44**
Грузия	89	н. д.	95	67/84	49**
Молдова	117	97	66	21/36	41
Узбекистан	119	99	н. д.	41/58	22**
Кыргызстан	120	100	56	70/41	17**
Таджикистан	127	107	н. д.	79/87	55**

** Рейтинг менее развитых стран проводится отдельно.

Таким образом, созданная международная научно-методическая база с использованием ГИ позволяет измерить гендерное неравенство в количественных и качественных параметрах, построить рейтинги, проследить динамику, изучить тенденции, оценить взаимосвязь с другими жизненно важными процессами (социальными, экономическими, коммуникационными, политическими).

В табл. 4 представлены рейтинги по пяти рассмотренным индексам.

Сравнительный анализ стран по пяти индексам дает представление не только об уровне гендерного равенства, но и о том, в какой степени это равенство отражается на развитии экономического, политического и социального пространства каждой страны. Самыми гармоничными в этом отношении являются страны Северной Европы. Из стран бывшего СССР самые высокие рейтинги у Прибалтики. Большой разброс значений ИГН и всех четырех субиндексов стран бывшего СССР (ИГН — от 14 до 91, ИЭА — от 9 до 55, ИО — от 1 до 114, ИЗПЖ — от 1 до 133, ИПУ — от 31 до 119) говорит о том, что советское прошлое практически не влияет на гендерные индикаторы.

Библиографический список

1. Доклад о развитии человека, 2009. М. : Весь Мир, 2009. 229 с. (ПРООН).
2. Hausmann R., Tyson L. D., Zahidi S. The Global Gender Gap Report, 2009. URL: <http://www.weforum.org/en/initiatives/gcp/Gender%20Gap/index.htm> (дата обращения: 11.01.2010).
3. State of the World's Mothers, 2009. URL: <http://www.savethechildren.org> (дата обращения: 11.01.2010).

ББК 60.542.12:60.542.2

Н. А. Птицына, Л. В. Зубарева

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Радикальные преобразования в жизнедеятельности страны обусловили появление ряда проблем в молодежной среде. В условиях лояльности к различным видам девиантного поведения, отсутствия должного социального контроля со стороны общества, ослабления коллективной ответственности возрастает численность юношей и девушек, употребляющих психоактивные вещества. Особую остроту приобретает проблема злоупотребления алкоголем. Об ухудшении положения и в Российской Федерации в целом, и в Ивановской области свидетельствует рост уровня среднестатистического потребления алкоголя. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, ситуация считается опасной, если потребление абсолютного алкоголя в год составляет 8 литров. По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ивановской области, с 2000 по 2007 г. этот показатель увеличился с

7,9 до 11,1 литра чистого алкоголя на одного жителя региона [5, с. 11]. При этом в структуре смертности населения Ивановской области увеличился коэффициент смертности (число умерших на 100 000 человек населения) от случайных отравлений алкоголем (в 2007 г. — 17,0, в 2008 г. — 22,1) [7, с. 139]. Вызывает тревогу и тот факт, что пьянство и алкоголизм трактуются в обществе как серьезная социальная проблема, тогда как само употребление алкоголя гражданами рассматривается как «нормальное» явление.

Стремительно расширяется группа молодежи с аддиктивным поведением. К примеру, результаты исследования А. В. Худякова свидетельствуют о том, что «знакомство с алкоголем происходит в достаточно раннем возрасте: к 12 годам его пробовали 61,3 % мальчиков и 78,7 % девочек, к 13 годам — соответственно 72,1 % и 80,2 %, в 14 лет юноши начинают “опережать” девушек — 90,4 % против 84,7 %, а к 15 годам подавляющее большинство подростков, как юношей, так и девушек, оказываются приобщенными к алкоголю (соответственно — 96,6 % и 95,4 %)» [9, с. 28].

Анализ литературы показал, что алкогольная зависимость (аддикция) довольно широко изучалась в рамках биомедицинского подхода. В последние годы в отечественной науке и практике происходит активизация внимания специалистов различных отраслей знания к рассмотрению аддикции как одного из видов девиантного поведения (см., напр., [2, 6, 8]).

Термин «аддиктивное поведение» введен в оборот в конце 80-х гг. XX в. Суть понятия трактовалась как злоупотребление различными веществами, изменяющими психическое состояние до того, как сформируется зависимость. В дальнейшем содержание понятия неоднократно уточнялось. В работах современных исследователей аддиктивное поведение определяется неоднозначно. Так, по мнению Е. В. Змановской, аддиктивное поведение представляет собой непрерывный процесс формирования и развития аддикции, связанный со злоупотреблением чем-то в целях саморегуляции и адаптации. Важное значение при этом отводится аддиктивной установке, выражающейся в появлении сверхценного эмоционального отношения к объекту аддикции [4, с. 122]. В основе такой трактовки аддиктивного поведения особую значимость приобретает психическая зависимость. Несколько иной подход к изучению аддиктивного поведения у А. В. Гоголевой, которая рассматривает физическую зависимость как основу аддиктивного поведения. Содержание понятия трактуется «как одна из форм отклоняющегося девиантного поведения с формированием стремления к уходу от реальности. Такой уход осуществляется путем искусственного изменения своего психического состояния посредством приема некоторых психоактивных веществ» [1, с. 5]. В соответствии с объектом зависимости (аддикции) выделяются типы аддиктивного поведения (алкоголизм, наркомания, токсикомания, табакокурение и др.).

Несмотря на возрастание интереса исследователей к изучению проблемы аддиктивного поведения в целом, причины и особенности алкогольной аддикции в *студенческой среде* исследованы недостаточно.

Мы трактуем алкогольную аддикцию как одну из форм девиантного поведения, которая выражается в стремлении уйти от реальности путем употребления алкоголя с целью изменения психоэмоционального состояния.

Научный интерес к проблемам студенческой молодежи обусловлен тем, что студенчество представляет особую группу, рассматриваемую как интеллектуальный ресурс общества, его кадровый потенциал; в определенном смысле — это преемники и представители национальной культуры. Студенты более благополучны по сравнению с другими группами молодежи с точки зрения нравственного сознания и поведения. Например, употребление алкоголя в студенческой среде заметно ниже, чем в других группах молодежи, слабее выражены крайние группы потребителей спиртных напитков (злоупотребляющие и трезвенники). Относительное благополучие объясняется тем, что в состав студентов, как правило, не входят молодые люди из групп «повышенного риска» («трудные дети», члены асоциальных молодежных группировок), формирующихся в школьном возрасте и не стремящихся к продолжению образования. Развитие крайних форм алкоголизации среди юношей и девушек, благополучных в детстве, происходит в студенческом возрасте не столь стремительно, а проявляется, главным образом, в частоте и количестве употребления молодыми людьми спиртных напитков.

Обучение в высшем учебном заведении требует от студента активности и ответственности, самоорганизации и самоконтроля. В период поступления в вуз молодые люди в основном уже достигают физической зрелости, в то время как их социальное, психическое и нравственное развитие находится в стадии интенсивного становления. Наличие у абитуриентов некоторого опыта употребления алкогольных напитков до поступления в вуз оказывает определенное влияние на последующее развитие личности, поскольку уже созданы предпосылки для формирования «алкогольно ориентированного образа жизни» будущего студента, риск потерять здоровье становится намного выше риска других потерь. Употребление спиртного в студенческие годы, с одной стороны, представляет собой продолжение и усиление алкоголизации, начавшейся еще в школе, а с другой — становится непосредственной основой дальнейшей алкоголизации личности, которая может привести к снижению и утрате работоспособности, возникновению конфликтов с окружающими, совершению преступлений. Более того, наличие алкогольной аддикции так или иначе оказывает влияние на взаимоотношения с членами семьи.

В современных условиях в высшей школе уделяется большее внимание процессу профессионализации личности, чем воспитательной работе (осуществлению контроля поведения студентов, организации их досуга и др.), поэтому проблема алкоголизации студенческой среды приобретает особую актуальность и практическую значимость.

На основе анализа специальной литературы, а также данных эмпирических исследований можно выделить ряд причин, обуславливающих распространение пьянства и алкоголизма в студенческой среде [3]. В числе основных необходимо назвать следующие:

— трудности первокурсников в процессе адаптации в вузе (проживание отдельно от родителей, сложности коммуникации в группе сверстников, в том числе обусловленные индивидуально-личностными особенностями студента, и др.);

— условия и качество жизни;

- наличие стрессогенных факторов (повышенная утомляемость во время занятий, экзамены и др.);
- низкий уровень самоорганизации и самоконтроля;
- рассогласование между профессиональным выбором личности и способами его реализации;
- отсутствие культуры досуговой деятельности;
- недостаточная степень социального контроля со стороны администрации вуза за поведением лиц, злоупотребляющих алкоголем;
- недостаток в высших учебных заведениях специалистов, способных вести диалог со студентами на деликатные, интересующие молодых людей темы.

С целью изучения причин и особенностей аддиктивного поведения в студенческой среде проведено пилотажное социологическое исследование (Иваново, 2009), объектом которого избраны студенты социолого-психологического и юридического факультетов Ивановского государственного университета. Выборочную совокупность составили 127 человек (74,6 % — женщины, 25,4 % — мужчины). Преобладание в выборочной совокупности женщин отражает специфику состава студентов, обучающихся на данных факультетах. Выбор профессии в сфере «человек — человек» предъявляет повышенные требования к личностным характеристикам будущих специалистов, поскольку в определенных условиях от них может зависеть жизнедеятельность клиентов. В связи с этим студентам необходимо наряду с приобретением общекультурных и профессиональных знаний развивать практические умения и навыки рефлексии, а также формировать ответственное отношение к собственному здоровью.

На основе полученных данных составлен обобщенный социальный портрет студента. Это девушка 19—21 года, проживающая в г. Иванове (как правило, с родителями), незамужняя, без детей, неработающая, оценивающая свой уровень доходов как средний (его главным источником является помощь родителей). Основные расходы составляют затраты на питание, покупку одежды, проведение досуга.

Становится очевидным, что в современных социально-экономических условиях благополучие человека зависит не только от материального положения, но и от его отношения к собственному здоровью. Вероятность соблюдения основных принципов здорового образа жизни обусловлена тем, насколько высоко молодые люди оценивают значимость собственного здоровья. В связи с этим в ходе исследования было уделено внимание изучению системы ценностных ориентаций студентов, содержание которой определяет направленность личности, основу ее мировоззрения, отношение к себе и окружающим. Изучение иерархии жизненных ценностей студентов (рис. 1) показало, что лидирующую позицию в ней занимает здоровье (66,7 %). Большое значение опрошенные придают любви (55,6 %) и материальному благополучию (52,4 %), а также хорошим отношениям в родительской семье (41,3 %). Более трети студентов считают значимыми наличие интересной работы (36,5 %), верных и надежных друзей (34,9 %). Несмотря на то что треть студентов (33,3 %) большое значение придают созданию собственной семьи, ценность детей велика лишь для 16,6 %. Получению образования (32,5 %) и построению карьеры (28,6 %) в большей мере отдают предпочтение

студенты старших курсов, поскольку в ближайшем будущем им предстоит влиться в состав профессионального сообщества. Наименее значимыми для опрошенных оказались такие ценности, как общественное признание (14,3%), культура (11,9%), полезность людям (7,1%).

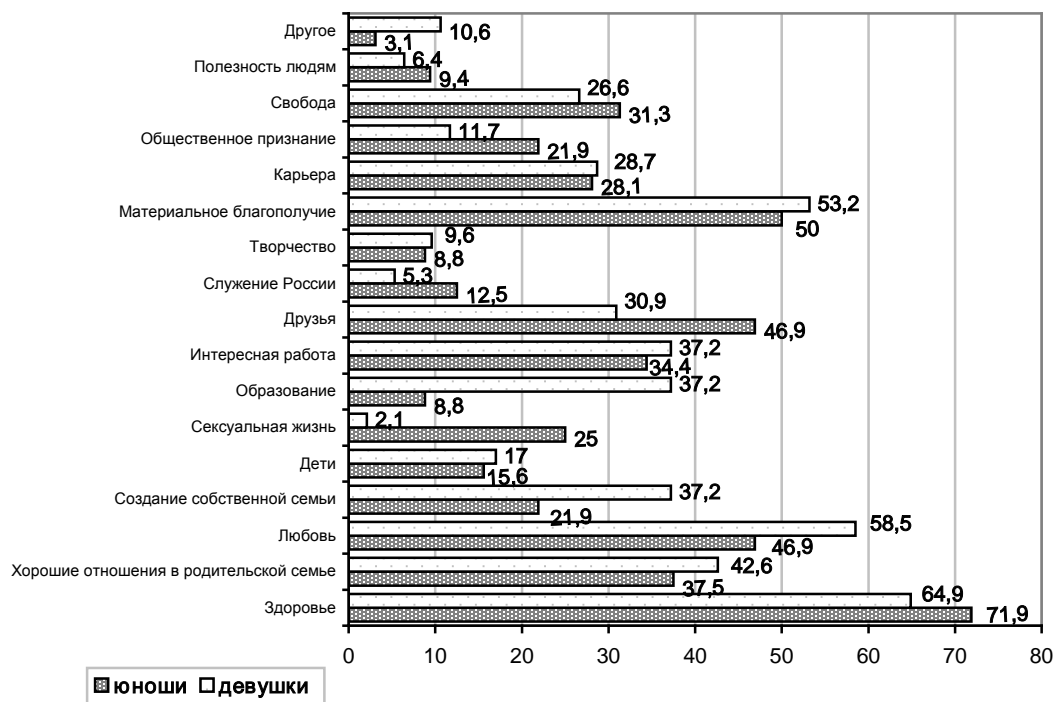

Рис. 1. Иерархия ценностей студентов в зависимости от пола, % (N = 127)

В триаду ценностей у юношей вошли здоровье, материальное благополучие, друзья, а у девушек — здоровье, любовь и материальное благополучие. Отмечены определенные расхождения по ряду позиций: для студенток более значимы такие ценности, как хорошие отношения в родительской семье, создание собственной семьи, тогда как для студентов — любовь и интересная работа. То есть для девушек в жизни важнее душевный и семейный комфорт, для юношей — возможность самоутверждения путем профессиональных достижений.

Студенты достаточно серьезно размышляют о будущем и продумывают пути достижения поставленных целей. Подавляющее большинство юношей в качестве основных целей рассматривают построение карьеры и достижение материального благополучия. Соотношение системы ценностей и жизненных планов юношей показывает, что у них доминирует стремление к получению образования и освоению профессии, достижению материальной обеспеченности, в меньшей мере они расположены к созданию семьи, в то время как девушки в первую очередь нацелены на создание семьи и достижение материальной обеспеченности, а затем на получение образования и построение карьеры.

Наиболее важными слагаемыми успеха студенты считают трудолюбие (62,7%), коммуникабельность (57,9%), ответственность (51,6%), профессионализм (42,1%). Большее значение студенты придают наличию полезных свя-

зей (39,7 %) и предприимчивости (38,9 %), чем порядочности (28,6 %), воспитанности (23,8 %), что может свидетельствовать о смене ценностных ориентаций молодежи в рыночных условиях.

Поведение студентов, связанное с действиями по отношению к собственному здоровью, обуславливается степенью осознания юношами и девушками значимости той или иной социальной проблемы. К числу наиболее серьезных социальных проблем студенты относят наркоманию (57,1 %), алкоголизм (55,6 %), безработицу (43,7 %). Однако чем старше респонденты, тем большую актуальность для них приобретают проблемы трудоустройства, нежели распространение социальных болезней.

Большинство зависимостей, по мнению специалистов-наркологов, приобретается человеком в течение жизни и формируется под воздействием различных факторов, в том числе под влиянием референтных лиц, социальных групп, опыта жизнедеятельности и др.

Кто же является идеалом для современной студенческой молодежи? Для большинства опрошенных студентов образцом являются родители (60,3 %) и люди, своим трудом достигшие успеха (58,7 %). Почти каждый пятый из опрошенных называет своих друзей и знакомых, а каждый шестой — родственников. Значительная доля студентов (16,7 %) не имеет идеала. Можно предположить, что студенты, считающие образцом своих родителей, менее привержены к формированию таких видов рискованного поведения, как табакокурение, злоупотребление алкоголем и наркотиками. В то же время повышение роли друзей, имеющих зависимости, способствует приобщению студентов к употреблению психоактивных веществ.

В ходе исследования установлено, что основная часть студентов (71,7 %) согласны с утверждением о том, что «пристрастие к табаку, алкоголю и наркотикам получило широкое распространение в студенческой среде», не согласны с такой постановкой вопроса 22,6 % опрошенных, затруднились в выборе ответа — 5,6 %.

Основными причинами злоупотреблений психоактивными веществами в молодежной среде, по мнению студентов, являются снятие напряжения и изменение своего настроения (71,4 %), следование поведению друзей, компании (69,0 %), стремление уйти от проблем (61,9 %), а также желание рискнуть и получить захватывающие впечатления (28,6 %), возможность избежать одиночества (23,8 %). Юноши и девушки ранжируют причины неодинаково. Так, юноши в первую очередь называют возможность снять напряжение и изменить настроение (75 %), затем следование поведению друзей, компании (68,1 %), стремление уйти от проблем (57,4 %). Девушки среди главных причин называют стремление уйти от проблем (75,0 %), следование поведению друзей (71,9 %), снятие напряжения (59,4 %).

Установлена определенная зависимость между целями опрошенных студентов и проведением ими своего свободного времени. Так, студенты, желающие стать высокообразованными людьми, значительно больше времени уделяют чтению литературы; стремящиеся к материальной обеспеченности больше времени проводят в Интернете; нацеленные на саморазвитие и совершенствование предпочитают проводить досуг в компании друзей и знакомых. При-

чем студенты отмечают, что неотъемлемым атрибутом интересного разговора, обсуждения серьезных проблем в компании однокурсников становится принятие алкогольных напитков. В личных беседах студенты обращали внимание на слабую организацию досуговой деятельности в вузе, дефицит личностного творческого самовыражения из-за отсутствия возможности участвовать в социально полезной деятельности, бесплатно посещать спортивные секции. У многих юношей и девушек наряду с внутриличностными проблемами существуют проблемы, связанные с межличностными отношениями. В отдельных случаях доверенными лицами студентов выступают преподаватели. Однако далеко не каждый студент готов обратиться к преподавателю за помощью, поскольку считает, что сможет самостоятельно справиться с возникшими трудностями. Одним из доступных способов снятия напряжения или изменения настроения в подобных случаях является употребление алкоголя. Вместе с тем определенная часть студентов, если представится возможность, проявляет готовность обратиться к специалистам (психологу, психотерапевту) для разрешения собственных проблем. В связи с этим возрастает необходимость осуществления психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса в высших учебных заведениях, создания в них здоровьесберегающего пространства.

Рассматривая здоровьесбережение как деятельность, направленную на создание оптимальных условий для сохранения и поддержания соматического, психического и нравственного здоровья, особую роль мы отводим ответственности личности, формирующейся в условиях образовательного процесса в классическом университете. Однако в ходе исследования выявлено противоречие, которое состоит в том, что высокая оценка студентами значимости здоровья не совпадает с реальным отношением юношей и девушек к его сохранению. Можно предположить, что это обусловлено влиянием ряда факторов, среди которых не только отсутствие у студентов культуры досуговой деятельности, но и повышенная конформность, выражающаяся в стремлении следовать традициям компании друзей, в том числе студенческой компании.

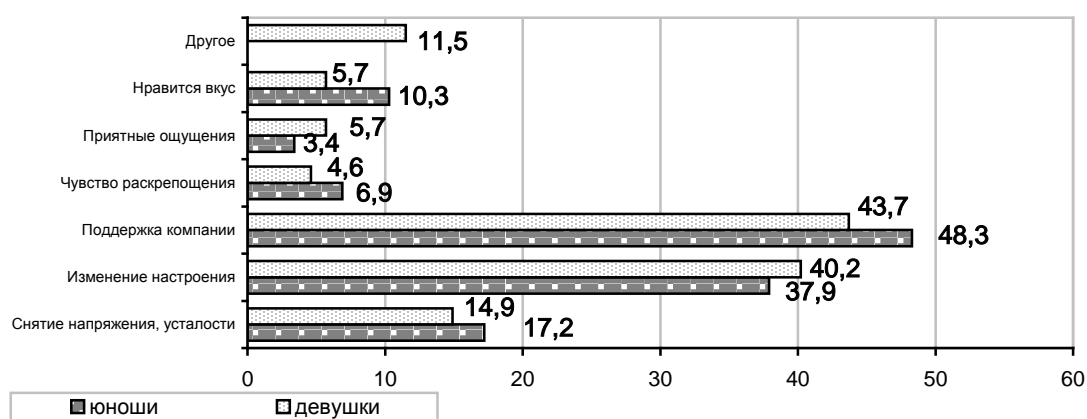

Рис. 2. Мнения юношей и девушек об основных причинах употребления студентами алкоголя, % (N = 127)

Каковы же основные причины употребления алкогольных напитков в студенческой среде?

В целом по выборке основными причинами употребления алкоголя (рис. 2) названы стремление поддержать компанию (44,8 %) и изменить настроение (39,7 %). Причем главной причиной, по мнению студентов младших курсов, является стремление изменить настроение (43,4 %), а старших курсов — поддержать компанию (54,2 %).

Мнения юношей и девушек во многом совпадают. Вместе с тем среди студентов-юношей несколько больше тех, кто считает, что употребление алкогольных напитков главным образом происходит за компанию или из-за необходимости изменить настроение. Среди юношей в 2 раза больше тех, кто придает важное значение вкусу алкоголя.

Как юноши, так и девушки употребляют спиртные напитки (рис. 3) в основном при наличии повода (40,6 % и 40,9 %) и принимают алкоголь иногда, или очень редко (34,4 % и 35,5 %). Среди девушек чаще встречаются те, кто никогда не пробовали алкоголь (12,9 %), а среди юношей — те, кто пробовали, но сейчас не употребляют вообще (12,5 %).

Большинство респондентов употребляют спиртные напитки раз в месяц (26,7 %), несколько раз в месяц (24,1 %), раз в неделю (15,5 %).

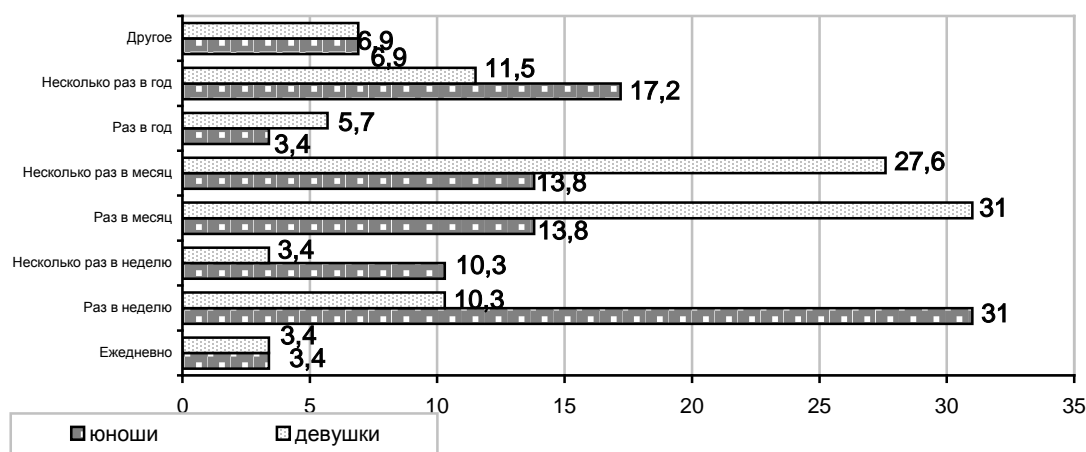

Рис. 3. Распределение студентов в зависимости от частоты употребления алкогольных напитков, % (N = 127)

Юноши употребляют спиртные напитки значительно чаще, чем девушки: каждый третий выпивает раз в неделю. Каждая третья девушка употребляет спиртное раз в месяц.

Выявлено, что студенты, часто употребляющие алкоголь (ежедневно, раз в неделю, несколько раз в неделю), пытаются таким образом снять стресс или изменить настроение. Значительно чаще употребляют алкогольные напитки те студенты, которые считают образцом поведения собственных друзей. Причем приобщение студентов младших курсов (главным образом первого года обучения) к употреблению спиртного происходит в разновозрастной студенческой компании, лидирующие позиции в которой занимают лица, употреблявшие алкоголь еще до поступления в высшее учебное заведение.

Студенты, употребляющие алкоголь наиболее часто (ежедневно, раз в неделю, несколько раз в неделю), предпочитают пиво, редко употребляющие —

вино, мартини и шампанское. Причем юноши отдают предпочтение пиву (72,4 %), а девушки — вину (80,5 %). Следует отметить, что пиво часто используется в разнополой студенческой компании, заменяя чашку чая или кофе. Можно предположить, что предпочтения студентов обусловлены тем, что пиво является более легким алкогольным напитком и в большей мере доступным по цене. Однако именно пиво и вино приносят наибольший вред организму, поскольку содержат сахар и углекислый газ, пищевые химикаты — красители, консерванты, ароматизаторы и стабилизаторы.

Специалисты указывают на наличие тесной связи между употреблением алкоголя, табакокурением и принятием наркотических веществ. В связи с этим было уделено внимание проблеме курения студентов. Действительно, в последние годы в студенческой среде получило широкое распространение курение, в том числе среди девушек. Согласно данным Г. И. Семикина, А. И. Киселева, Г. А. Мысиной, доля курящих среди студентов составляет 51 % [6, с. 13]. В ходе исследования было выявлено, что 43,2 % молодых людей уже имеют опыт курения, 26,4 % — курят (в том числе постоянно — 13,6 %), только 30,4 % опрошенных никогда не курили. При этом большую долю тех, кто курят постоянно (14 %), составляют юноши, а тех, кто периодически употребляют табачные изделия (15,6 %), — девушки. Кроме того, среди девушек оказалось больше, чем среди юношей, тех, кто имеет опыт курения, но в настоящее время не курит.

Основными причинами табакокурения, по мнению студентов, является стремление снять стресс, напряжение (38,6 %), курение за компанию (26,1 %), любопытство («просто попробовал»; «пробовал, потому что курят знакомые»; «хотелось узнать, что это такое») (23,9 %), привычка (22,7 %), получение удовольствия (12,5 %), следование моде (1,1 %).

В ходе исследования выявлено, что студенты, не имеющие опыта табакокурения, большую часть свободного времени проводят за чтением, с друзьями или с любимым человеком, оказывают помощь родителям. Курящие студенты в свободное время предпочитают посещать центры развлечений, общаться с друзьями, проводить время в Интернете. По мнению опрошенных, в определенной степени табакокурению способствует увлечение интернет-ресурсами, поскольку позволяет снять напряжение во время работы за компьютером. Возможно, данный факт следует рассматривать как отражение процесса дереализации личности.

Выявлено, что треть студентов, занимающихся в свободное время спортом, никогда не пробовали курить, а две трети пробовали табачные изделия, но отказались от их употребления.

Большинство юношей и девушек курят для того, чтобы снять стресс и напряжение (36,4 % и 39,4 %), за компанию (27,3 % и 25,8 %), по привычке (22,7 % и 22,7 %).

Практически в одинаковой мере юноши и девушки проявляют готовность отказаться от употребления табака, если появится такое желание или при обнаружении у них какого-либо заболевания. Вместе с тем девушки в большей степени готовы, нежели юноши, отказаться от курения, если это не понравится любимому человеку. Это может свидетельствовать о смещении мотивации у

девушек в сторону базовых ценностей, в число которых входят отношения с любимым человеком.

В ходе исследования выяснилось, что основная часть опрошенных — 90,2 % студентов — никогда не пробовали наркотики, 9,5 % имеют опыт употребления (в том числе пробовали, но сейчас не употребляют — 8,1 %; принимали раньше, но бросили — 0,8 %; принимают редко — 0,8 %). Среди студентов не оказалось тех, кто регулярно принимает наркотики. В числе тех, кто знаком со вкусом наркотических веществ, юноши составили 18,8 %, девушки — 4,4 %. Среди имеющих опыт употребления наркотиков — преимущественно студенты младших курсов, проводящие свой досуг в центрах развлечений и ночных клубах.

Основными причинами употребления наркотиков, по мнению опрошенных, является получение удовольствия, приятных ощущений и расслабления (45,5 %), а также любопытство, возникшее в связи с тем, что знакомые принимали наркотики (45,5 %). Причем юноши делали это из любопытства, девушки — с целью расслабиться, испытать удовольствие. В числе наркотиков, вкус которых знаком опрошенным, названы галлюциногены (марихуана, ЛСД и др.) (41,7 %), гашиш (33,3 %). Юноши употребляли галлюциногены, а девушки — гашиш.

В реальной действительности употребление табачных изделий, алкоголя и наркотиков не встречает осуждения в обществе, а наличие нечеткой нормативно-правовой базы не препятствует распространению аддиктивного поведения юношей и девушек. Более того, показ в популярных телепрограммах людей, достигших определенных успехов в политической или экономической сфере, как правило, сопровождается курением персонажей или же употреблением ими алкогольных напитков, вследствие чего лица, злоупотребляющие психоактивными веществами, не вызывают у молодежи отчуждения. Наоборот, юноши и девушки склонны проявлять к ним чувство жалости, готовы оказать им помощь (в основном психологического характера). Более того, курение, употребление алкогольных напитков (пива, вина, коктейлей) превращается в норму поведения молодежи.

Нами изучено отношение студентов к сверстникам, употребляющим психоактивные вещества. Согласно полученным данным, опрошенные в целом нейтрально относятся к тем, кто курит и употребляет алкоголь, считая это личным делом каждого. Студенты, имеющие собственный опыт употребления алкоголя (выпивающие редко, употребляющие спиртное при наличии повода, бросившие пить и пьющие регулярно), считают, что потребление алкогольных напитков также является личным делом каждого. А вот юноши и девушки, не употребляющие алкогольные напитки, менее терпимы к «пьющим», не доверяют таким людям и стараются с ними не общаться. Принципиально отличную позицию студенты демонстрируют по отношению к лицам, принимающим наркотики: вообще не общаются с такими людьми 50 % опрошенных, по возможности стараются их избегать — 27,8 %, не доверяют таким людям и относятся к ним настороженно — 26,2 %.

По мнению большинства опрошенных студентов (72 %), необходима профилактика зависимого поведения молодежи.

В числе основных мер профилактики аддиктивного поведения студенты называют (рис. 4): пропаганду здорового образа жизни (65,1 %), организацию досуга (54,0 %), создание специализированных центров для молодежи (50,0 %), формирование соответствующей законодательной базы (43,7 %). Мнения юношей и девушек по данному вопросу практически совпадают.

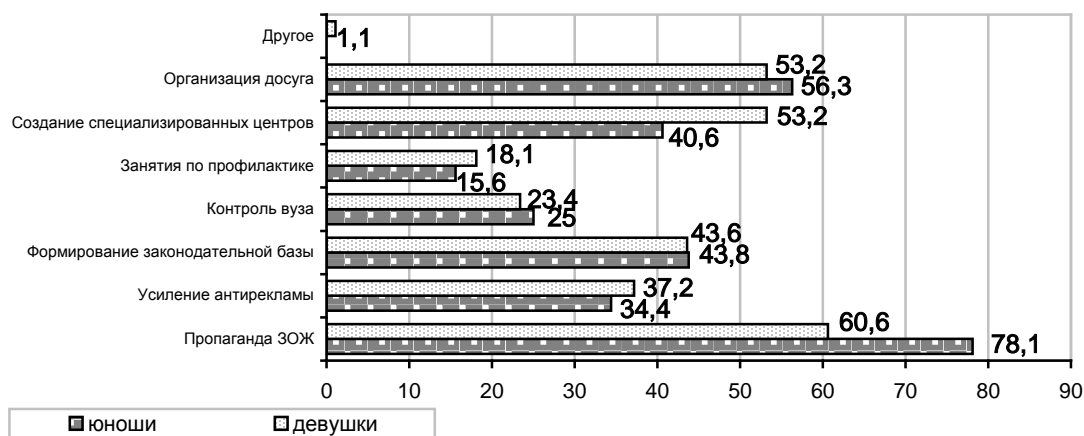

Рис. 4. Распределение мнений студентов о мерах профилактики употребления психоактивных веществ в зависимости от пола, % (N = 127)

Исходя из полученных эмпирических данных можно заключить, что распространение аддикций в студенческой среде во многом обусловлено ее социально-психологическими особенностями, что свидетельствует об актуальности разработки и внедрения профилактических программ и формирования приоритетов здорового образа жизни студентов и преподавателей. В Ивановском государственном университете проводится разнообразная работа по здоровьесбережению, которая носит комплексный характер. На базе санатория-профилактория ИвГУ функционирует центр психологической помощи студентам «Стиль жизни», деятельность которого направлена на пропаганду здорового образа жизни студентов и поддержку их соматического, психического и нравственного здоровья; разработана комплексная программа системы профилактики аддиктивного поведения студенческой молодежи. С 2006 г. на социолого-психологическом факультете действует добровольное объединение студентов и преподавателей «Университет за жизнь» («УЖ»), занимающееся разработкой и реализацией социальных проектов, направленных на профилактику аддиктивного поведения в молодежной среде. Цель объединения — создание условий для формирования модели здоровьесберегающего поведения молодежи вуза.

На основании проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

1. В число самых значимых ценностей студенты включили здоровье, любовь и материальное благополучие. Вместе с тем любовь для девушек важнее, чем для юношей, которые большую значимость придают друзьям. Юноши более ориентированы на карьеру и служебный рост, чем девушки, чьи приоритеты сконцентрированы на создании семьи.

2. Считая здоровье главной ценностью для достижения поставленных целей, значительная доля опрошенных относится к его сохранению и поддержанию недостаточно ответственно: более трети респондентов курят и употребляют алкогольные напитки при наличии повода с разной частотой. Приобщение к употреблению алкоголя и курению определенной доли студентов младших курсов (в основном юношей) происходит в разновозрастных студенческих компаниях, лидерами которых являются студенты, употреблявшие психоактивные вещества еще до поступления в вуз.

3. Основными причинами употребления алкоголя студенты считают стремление поддержать компанию и изменить настроение. Причем первокурсники таким образом пытаются снять стресс, а старшекурсники — поддержать компанию. Девушки употребляют алкоголь значительно реже, чем юноши. Среди опрошенных юношей в 2 раза больше тех, кто придает значение вкусу алкоголя.

4. Студенческая молодежь в целом проявляет лояльное отношение к лицам, злоупотребляющим курением и алкоголем; более интолерантны юноши и девушки к злоупотребляющим наркотиками. Меньшую терпимость к лицам, употребляющим психоактивные вещества, проявляют студенты, придерживающиеся здорового образа жизни. Однако именно среди них чаще встречаются те, кто готов участвовать в работе по профилактике аддиктивного поведения в молодежной среде.

5. Наиболее действенными мерами профилактики аддиктивного поведения студенты считают пропаганду здорового образа жизни, организацию культурного досуга и деятельность специализированного центра.

Определена совокупность условий, способствующих повышению эффективности работы по предупреждению алкогольной аддикции в студенческой среде:

— проведение социально-психологической и медицинской профилактической работы со студенческой молодежью посредством использования полипрофессионального подхода (преподаватели вуза, специалисты-медики, психологи), а также разработка и применение в рамках образовательного пространства инновационных здоровьесберегающих технологий, способствующих формированию здорового образа жизни и предупреждению зависимостей от психоактивных веществ;

— организация работы по психологическому сопровождению образовательного процесса в вузе; своевременное выявление студентов, входящих в «группу риска» (в том числе путем активного использования возможностей конфиденциальной самодиагностики студентов); расширение объема психолого-педагогической помощи зависимым студентам на базе центра;

— разработка профилактических спецкурсов и включение их в программу обучения. В рамках ряда существующих учебных курсов — проведение специализированных занятий, направленных на повышение стрессоустойчивости личности и профилактику зависимостей;

— организация внедрения службы «телефон доверия» на базе центра;

— активное вовлечение юношей и девушек в работу студенческого самоуправления, общественных объединений (в том числе антиалкогольного характера) с целью формирования у студенческой молодежи альтернативной формы организации досуга. Привлечение студентов к участию в проведении различных профилактических мероприятий (например, областных и городских конкурсов социальных проектов) посредством использования «диалоговых» форм работы (круглые столы, тематические встречи, семинары с использованием ресурсов видеотеки и др.);

— организация работы по подготовке и обучению волонтеров из числа студентов для работы с зависимыми учащимися.

Библиографический список

1. *Гоголева А. В.* Аддиктивное поведение и его профилактика. М. : Моск. психол.-соц. ин-т ; Воронеж : Изд-во НПО «Модек», 2003. 240 с.
2. Девиация и делинквентность: социальный контроль : сб. материалов Междунар. конф. : в 2 т. / под общ. ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород : НИСОЦ, 2006. Т. 1. 303 с. ; Т. 2. 192 с.
3. *Емельянов В. В.* Студенты об адаптации к вузовской жизни // СОЦИС. 2001. № 9. С. 77—82.
4. *Змановская Е. В.* Девиантология : (психология отклоняющегося поведения) : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. 3-е изд., испр. и доп. М. : Академия, 2006. 288 с.
5. Развитие здравоохранения и состояние здоровья населения Ивановской области : аналитическая записка. Иваново, 2008. 29 с.
6. *Семикин Г. И., Киселев А. И., Мысина Г. А.* Проблемы профилактики рискованного (аддиктивного) поведения молодежи и здоровьесберегающие технологии в образовательной среде. М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2005. 169 с.
7. Социальное положение и уровень жизни населения Ивановской области, 2008 : стат. сб. Иваново, 2009. 191 с.
8. *Фетискин Н. П.* Психология аддиктивного поведения. М. ; Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2005. 272 с.
9. *Худяков А. В.* Клинические и социально-психологические основы профилактики зависимости от психоактивных веществ у несовершеннолетних. Иваново, 2007. 252 с.

ГЕНДЕР И ОБРАЗОВАНИЕ

ББК 60.561.9:60.542.2

Л. В. Штылева

ГЕНДЕРНЫЕ ШТУДИИ РУССКОЙ ПЕДАГОГИКИ XIX в.: ПРОЕКТ «ВПОЛНЕ ГУМАННОГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ» П. Ф. КАПТЕРЕВА

Девятнадцатый век — время впечатляющих перемен в отечественном образовании, в особенности женском. На фоне обостренного интереса к вопросу пола в русской философии и общественной мысли отечественная педагогика давала на него свои ответы. Во второй половине века, когда вопрос пола обернулся женским вопросом, широко обсуждались идеи модернизации женского образования, обоснованные в трудах Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского, Н. Г. Дебольского, П. Ф. Каптерева. В основе каждого проекта лежали представления о природе и предназначении полов, отношение к движению за эмансипацию женщины, из чего выводилась «идеалосообразность» учебного плана и целей образования. Никогда прежде вопрос пола в педагогике не обсуждался с такой остротой и интересом, не привлекал внимания ключевых фигур. В общественно-педагогической дискуссии по вопросу пола 1860—1890-х гг. ярко проявилась взаимосвязь между гендерными идеалами общества, взглядами его «экспертов» и гендерным планом общественного образования. Обнажилась роль образования как специфического института гендерной социализации молодежи и социальной технологии управления жизненными стратегиями женщин и мужчин.

В ответ на консервативный проект среднего женского образования, разработанный Н. Г. Дебольским (1890), П. Ф. Каптерев обнародовал в 1898 г. концептуальный проект «вполне гуманного женского образования». Идеи демократизации и модернизации женского образования, сформулированные еще Н. И. Пироговым и К. Д. Ушинским, получили дальнейшее развитие в русле либерально-демократических взглядов российского общества на женский вопрос, и задачи женского образования в особенности.

В условиях сегодняшнего дефицита методологических идей, питающих теорию и практику образования в России XXI в., концептуальный подход П. Ф. Каптерева к обоснованию и разработке *«вопроса пола в образовании»* заслуживает особого внимания. Указанные им направления не только не потеряли своей актуальности, но при должном внимании могут оказать неоценимую услугу в *разработке современной педагогической концепции гендерно чувствительного школьного образования*, ориентированного на создание условий для раскрытия и всестороннего развития способностей каждого ученика/ученицы независимо от его/ее пола.

В наши дни обращение к анналам русской педагогики актуально еще и потому, что очевидна тенденция современных организаторов женских гимназий, «школ благородных девиц», «казачьих корпусов» и т. п. под видом возрождения утраченных традиций копировать модели воспитания, принадлежащие иному социокультурному и историческому контексту. Методология разработки П. Ф. Каптеревым проекта «вполне гуманного женского образования» — мастер-класс для современных теоретиков и практиков образования, пример всестороннего обоснования планируемых изменений.

Цель данной статьи — проанализировать концепцию «вполне гуманного женского образования» П. Ф. Каптерева, оценить ее актуальность с точки зрения потребностей современной российской школы.

Методологические подходы П. Ф. Каптерева к разработке «научно обоснованного женского образования»

Русский педагог и психолог П. Ф. Каптерев к 1990-м гг. был широко известен в качестве автора таких трудов, как «Педагогическая психология» (1877; 1883), «Дидактические очерки» (1885), «Из истории души. Очерки по истории ума» (1890), т. е. успешно самореализовался как один из основоположников отечественной психологии. Тем не менее в 1994—1998 гг. он выступил с серией концептуальных лекций и статей по вопросам женской психологии и женского образования*.

Какие явления в общественной и педагогической жизни России конца XIX в. подтолкнули ученого к разработке *вопроса пола в образовании*?

На наш взгляд, Каптерева беспокоил как консервативный проект женского образования философа и педагога Н. Г. Дебольского (1990), так и поспешный переход некоторых женских гимназий под лозунгом равенства полов на программы мужского образования. Как ученый-психолог, имеющий собственный взгляд на природу психических различий между полами, он не мог согласиться с тем, что женское образование должно быть «разбавленной и разжиженной системой мужского образования, в которой место древних языков занимают новые, математика и физика проходятся в меньшем объеме» (220). В основе такой образовательной системы, по оценке Каптерева, лежал принцип психической одинаковости мужчин и женщин, отсутствие между ними каких-либо существенных различий, кроме того что женщина слабее мужчины не только физически, но и психически, умственно, а потому и не может выдержать такого же серьезного учения, как мужчина.

Подобный взгляд и образовательная система представлялись ученому ложными в теоретическом отношении и «крайне неудобными» — в практическом. «Что женщина представляет собой особый психический мир — это бесспорно, хотя совсем не легко сказать, в чем состоят особенности женского пси-

* В 2007 г. эти уникальные материалы были переизданы в Воронеже благодаря подвижническому труду кандидата педагогических наук Л. Э. Заварзиной (ВГПУ). См.: Каптерев П. Ф. Душевные свойства женщины : лекции и ст. / сост., вступ. ст., послесл., коммент., имен. указ. Л. Э. Заварзиной. Воронеж : Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2007. 396 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в скобках с указанием страницы.

хического типа по сравнению с мужским. Факт различия, несомненно, существует, но его логические определения и формулировка — затруднительны», — писал он в 1893 г. в статье «Система вполне реального женского образования» (221). Исходя из этого П. Ф. Каптерев полагал, что «женская система образования должна принять во внимание особенности женского психического типа, а не рабски копировать мужскую образовательную систему» (253), которую он оценивал весьма критически (192).

Таким образом, накануне XX в., в контексте реформы среднего женского образования в России, Каптерев поставил *вопрос о необходимости серьезного исследования различий между женским и мужским психологическими типами для учета психоспецифики пола в образовании*. К вопросу пола в образовании он подошел через осмысление специфики женского образования. Обладая энциклопедической образованностью, ученый-психолог обобщил известные к тому времени теории и пришел к выводу, что женское образование может быть выстроено по трем моделям, которыми логически исчерпываются все возможности в его изменениях:

— принципиально одинаковое с мужским, но отличающееся от него меньшим объемом;

— полностью приравняемое к мужскому;

— особая учебно-воспитательная система, основанная на общечеловеческих целях и идеалах, учитывающая психические особенности женской природы и обусловленное ими положение женщин в обществе.

Основные идеи, высказанные П. Ф. Каптеревым в отношении принципов построения системы женского образования, можно свести к следующим:

1) основы женского и мужского образования должны быть одинаковыми, т. к. *природа женщин и мужчин принципиально одна и та же, существующие отличия проявляются в дополнительных, видовых свойствах*;

2) мужское и женское образование должны быть *одинаковы в принципах*, но они должны быть и *различны*, насколько различны мужчины и женщины. Важно соблюсти эту разницу в образовании женщин сравнительно с образованием мужчин;

3) женская система образования должна принять во внимание *особенности женского психического типа*;

4) женское образование должно быть истинно гуманным и реальным, его идеал должен стремиться к гармоническому удовлетворению всех духовных потребностей женщины, соответствовать как *общечеловеческим, так и специфическим женским свойствам*;

5) оно должно учитывать *современное положение женщин в обществе*: каждая женщина должна получить общее и профессиональное образование.

Как видим, П. Ф. Каптерев исходил из *фундаментального сходства женской и мужской природы* («по основным элементам и процессам»), но подчеркивал важность *специфических отличий* между полами и считал неправомерным игнорировать их в образовании.

На ключевой вопрос — об *основаниях специфики полов* — ученый ответил в своих лекциях: «Особенности психического склада женщины вполне определяются двумя причинами, действовавшими постоянно совместно: с одной

стороны, особенностями женского физического типа, а с другой — особенностями исторического положения женщины» (111).

Под *особенностями женского физического типа* подразумевались специальные женские функции, включая регулы, беременность, роды, кормление грудью, уход за младенцем. По подсчетам ученого, они, в среднем, составляли 15,5 лет из 33 лет физической зрелости женщины.

По мнению Каптерева, приведенные различия имели «громадное решающее значение для развития психической жизни женщины. Они, в связи с историческим положением женщин, служат причинами особенностей женского психического типа» (116).

Под **«особенностями исторического положения женщины»** подразумевалась многовековая традиция взгляда на женщину «как на существо низшее мужчины, крайне несовершенное, греховное, как источник всякого зла и бедствий в роде человеческом» (80).

Сравнивая женский и мужской психотипы, Каптерев пришел к вполне традиционным для своего времени выводам: «Женский психический тип, при одинаковости основных его свойств и процессов с мужским, отличается от последнего, прежде всего, значительным развитием чувствительности, некоторыми сильными глубокими волнениями, способностью быстро доходить до высших ступеней чувства и быстро падать <...> преобладанием, господством чувствований в сознании. У мужчин же, вследствие более слабого развития чувствительности, естественно, больше выдается умственная деятельность <...> не по абсолютной величине и превосходству мужского ума над женским, а именно по относительной слабости чувствований. Поэтому коротко и говорят, что у женщины преобладает чувство, а у мужчин — ум, хотя эта формула не совсем точна и правильна; она может быть принята только с вышеуказанными оговорками» (192).

Но, обобщая свои наблюдения и отражая идеи русской философии пола, Каптерев подчеркивал, что мужской и женский типы имеют каждый свои сильные стороны и свойства, оборотная сторона которых — источники слабости и несовершенства типов. «При виде этих различных своеобразных типов, — вопрошал ученый, — чего же нам желать, к чему стремиться? Должны ли мы заботиться о превращении женского типа в мужской, об искоренении женского психического типа, о том, чтобы сделать женщину образом и подобием мужчины? Или, имея в виду недостатки типов, мы должны стремиться к созданию нового совершенного типа, который равно отличался бы от нынешних и мужского, и женского типов, но был бы лучше, прекраснее их? Или же мы должны поступить проще — заботиться о поддержке и развитии ныне существующих типов, стараясь, по мере возможности, ослабить их недостатки и пополнить односторонности?» (197).

Он считал, что превращать женский тип в мужской нет достаточных оснований, поскольку:

— женский тип не есть вместилище лишь недостатков, а мужской — сокровищница совершенства; каждый из них имеет достоинства и недостатки;

— на этом основании можно говорить не только о превращении женского типа в мужской, но с одинаковой справедливостью и об обратном — о превращении мужского типа в женский;

— мужской и женский психические типы равноценны, они дополняют друг друга, но не заменяют;

— разнообразие есть источник жизни, развития и наслаждения. Если всех людей привести в психическом отношении к одному знаменателю, то существенно задержится всякое развитие. Однообразные умы, одинаковые взгляды, тот же тип, те же речи — это психическая смерть (197).

Идея воспитать «новый совершенный тип, ни мужской, ни женский, но лучший обоих» казалась автору фантастической и «совершенно неудобной» (198). В результате он пришел к выводу, что «культура и воспитание должны поставить своей задачей не изменение самого корня, самого существа женского или мужского типа, но правильное развитие их сильных сторон и смягчение недостатков и односторонностей» (199).

Основной путь достижения поставленных целей ученый видел в развертывании «оригинального» женского образования. Таковы методологические подходы и теоретические основы его концепции «научно обоснованного женского образования».

Педагогическая концепция «инстинно гуманного женского образования» П. Ф. Каптерева

Концептуальную завершенность проект приобрел в статье «Идеалы женского образования» (1898). У образования, которое в полной мере отвечало бы интересам женщин, ученый видел два основания: «Первое <...> должно получиться из стремления к серьезному удовлетворению женских свойств двух видов: общечеловеческих и специфически женских; второе, главное, основание системы должно быть заимствовано из рассмотрения исторического, а отчасти и современного положения женщины в обществе» (259). Ключевое изменение в положении женщины к концу XIX в. Каптерев усматривал в том, что «до сих пор женщина была существом зависимым, подчиненным; теперь она совершенно справедливо и законно хочет быть существом самостоятельным» (260).

В соответствии с этим истинно гуманное и реальное женское образование должно быть общечеловеческим по сути, применимым к специфическим женским свойствам и непременно профессиональным.

Цель образования — гармоническое удовлетворение всех духовных потребностей женщин, как общечеловеческих, так и специфически женских; воспитание женщины, которая в состоянии вести самостоятельную независимую жизнь, иметь опору в самой себе.

К женскому *общеобразовательному курсу* выдвигались следующие методические требования:

1) он должен быть составлен «гигиенично», т. е. учитывать специфические периоды в физическом развитии женщины, состоять из трех последовательных отделов (11—13 лет, 14-й год, 15—17 лет) и сообщать обстоятельные гигиенические сведения на основании анатомических и физиологических данных;

2) образование должно носить воспитывающий характер. Оно должно просветлять и гуманизировать женское чувство, главным образом разумными занятиями по Закону Божию и литературе;

3) женский общеобразовательный курс должен быть энциклопедичнее мужского, давать широкое место естественноисторическим занятиям, искусствам, психологии и педагогике раннего детского возраста;

4) весь строй женской школы должен быть гуманным, сохранять семейный характер и полное внимание к личным свойствам девочек (277).

Поскольку П. Ф. Каптерев считал, что «первая самостоятельность женщины есть экономическая самостоятельность», видное место в его концепции занял вопрос *профессионального образования для женщин*, направления которого также должны были отвечать женскому психическому типу. К «главнейшим группам профессионального труда, отвечающего природе женщин», он отнес педагогическую, медицинскую, искусство, торгово-счетную, сельскохозяйственную, ремесленную. По всем поименованным группам предлагалось устраивать курсы и школы.

Двери университетов и институтов должны быть в равной степени открыты для женщин и мужчин, «женщины могут учиться науке вместе с мужчинами, в тех же аудиториях, у тех же профессоров». Отвечая противникам допуска женщин в студенческие аудитории, он писал: «Та частная деятельность ума, которая заключается в чисто научном мышлении и исследовании, в строгом изыскании истины, проверке полученных результатов, открытии сделанных ошибок, совершенно одинакова у мужчин и женщин. <...> Она живет в это время не как женщина, а как мыслящий ум, как частичное воплощение мирового разума. В моменты строгого научного размышления она отрешается от всех своих женских специфических качеств и подчиняется лишь требованиям логики и правилам науки» (278).

Таким образом, проблему женского образования Каптерев рассмотрел комплексно, во всех ее планах: *философском* (выдвинул новое понимание цели и сущности системы женского образования); *теоретико-педагогическом* (оценил ранее существовавшие идеалы женского образования и указал на главный фактор его изменения — изменение положения женщин в обществе); *конкретно-методическом* (разработал содержание курса в целом и полоспецифического компонента образования в частности, методические условия, требования к учебно-педагогической среде женских образовательных учреждений и др.).

Стремление к прогрессу, научная и гражданская чувствительность к социокультурному контексту своего времени, энциклопедичность и антропологический подход в исследовании подвели П. Ф. Каптерева к пониманию взаимодействия биологического и социально-исторического в полоспецифическом поведении человека.

Это, в свою очередь, позволило ему по-новому проинтерпретировать современные различия в культурном вкладе мужчин и женщин в развитие общества, прийти к заключению, что «высшие сферы творчества, как и отвлеченное мышление» не противоречат природе женского ума. Каптерев, продолжая дело, начатое Пироговым, Стоюниным, Вышнеградским и Ушинским, доказывал, что «постепенное нарастание способностей женского ума к высшим формам творчества есть вполне естественное и даже необходимое явление в дальнейшей истории человечества при изменяющихся условиях положения женщины в обществе и ее образовании» (191).

«Идеал инстинно гуманного женского образования» П. Ф. Каптерева — это открытый концептуальный проект среднего женского образования, основанный на гуманистических принципах учета возрастных, полоспецифических

и индивидуальных особенностей, принципах равного доступа девочек и мальчиков к образованию и равного обращения, связи образования с жизнью (положением женщин в обществе).

Важно подчеркнуть, что в результате теоретического обоснования, предложенного Каптеревым с позиций новой науки — психологии, на основе современных научных подходов *проблема «пол и образование» была окончательно институционализована в отечественной педагогике конца XIX в.* Об этом свидетельствовали широкий круг экспертов, вовлеченных в ее обсуждение, большое количество публикаций в педагогической и популярной печати, появление специального издания, разработка соответствующих рекомендаций и методических пособий для практиков, очевидный интерес к обсуждаемой проблеме со стороны правящих и педагогических кругов, общественности в целом.

Тем не менее, анализируя методологические основания подхода, предложенного Каптеревым, мы отмечаем и присущую ему ограниченность. Несмотря на признание значительной роли социокультурной среды в формировании психологических различий, методологический подход Каптерева классифицируется все же как биосоциальный (полоролевой), основанный в значительной степени на представлениях о детерминирующей роли биологических предпосылок и «родовых процессов» в формировании множественных социокультурных и психологических различий между полами.

След биодетерминизма в работах Каптерева

Безусловно, состояние общественных и естественных наук конца XIX в., свойственный им биодетерминизм и эссенциализм отразились в подходах и выводах ученого. Первое, что невозможно не заметить, — это преувеличение роли анатомо-физиологических предпосылок в обосновании многоликого неравенства между полами (несмотря на многочисленные оговорки относительно влияния среды). Обсуждая природу половых различий, Каптерев ссылается на мнения психиатров Крафта-Эбинга и Ломброзо, акушера Фелинга, антрополога Мантегацца, психологов Вендта и Гальтона, физиолога Сержи, врача Керри, естествоиспытателя Лотце и других. В результате к «следствиям родовых процессов» причислены многие качества, которые на самом деле являлись перманентными результатами социокультурной выучки, длительной «тренировки» женщин в контексте их подчиненного положения в семье и обществе. К ним относятся: «свойственный женщинам дар быстро и легко понимать личность», разное отношение женщин и мужчин к своему здоровью и внешности, кокетство, недостаточная развитость ума и воли, чувство зависимости, большая религиозность и «меньшая любовь к свободе» у женщин и др.

Биодетерминизм как методологическая основа проявился в том, что Каптерев описал женский и мужской типы как наборы характеристик, имманентно присущие всем мужчинам и женщинам как представителям двух диаметрально противоположных биосоциальных видов. Бинарная оппозиция мышления автора (противопоставление женского — мужскому, природного — культурному, чувствительного — разумному, ума — сердцу и т. п.) неизбежно вела к латентному *фаллоцентризму*. Из контекста лекций по женской психологии и специфике женского образования явствует, что «мужское» рассматривалось как более высокое по статусу «общечеловеческое», с которым

«женское» сравнивалось как «другое» и требующее развития, «доработки», к чему оно «подтягивается» посредством образования, включения в культурную работу на благо всего общества.

Избранный подход стал прокрустовым ложем для научной мысли Каптерева, заставлял его противоречить самому себе, отсекал все то, что не вписывалось в систему бинарных оппозиций. Это наиболее заметно на примере рассуждений о способности женщин к высшему образованию и научному творчеству.

Во второй лекции из цикла «Душевные свойства женщины» (1894) он писал: «Нельзя предполагать, что женщина думает и чувствует по-женски только лишь в разгар воспроизводительных функций; как же скоро они окончили свое течение, то она становится психически мужчиной или превращается в какое-то особенное общечеловеческое существо, ни мужского, ни женского пола. Женщина во весь период зрелости своего организма остается женщиной; выйти за пределы женственности она не может, потому что вся архитектура женского организма проникнута женственностью, его строение во всех органах и частях приспособлено к специальным женским функциям. <...> Женщина только тогда может измениться психически в корне, когда изменится ее организм» (111, 198). Но в статье «Система вполне реального женского образования» (1898) мы с удивлением читаем: «Если женщина пытается разрешить математическую, философскую или естественнонаучную задачу, то в ее размышлении нет специфических отличий пола. Она живет в это время не как женщина, а как мыслящий ум, как частичное воплощение мирового разума» (278). Выходит, чтобы мыслить научно, женщины изменили пол и «вышли из женственности»?

Переходное состояние научного мировоззрения автора проявляется в текстах статей. Одним из теоретических принципов своей работы Каптерев объявил признание изменчивости полового психотипа под воздействием среды, но всякий раз, когда приводились примеры изменений в полоспецифическом поведении женщин в связи с изменением их положения в обществе (о североамериканских женщинах (198), об отношении женщин к общественному признанию и славе (186), о судьбе С. Ковалевской (124—126), о доступе женщин к высшему образованию и наукам (278) и др.), ему приходилось делать вывод о «приближении женской психики к мужскому типу». Иными словами, создав систему из двух биодетерминированных оппозиционных типов, автор всегда был должен выбирать одно из двух.

Якорь биодетерминизма не позволил мысли Каптерева прорваться к идее безграничного многообразия гендерной индивидуальности, психологической андрогинности; ограничил ее «разнообразием» двух универсальных типов (женского и мужского), пугал превращением «мужчин и женщин из существ с определенными физическими и психическими признаками в каких-то бесполом существе, по предположению более высоких, но по существу совершенно непонятных» (198).

Таким образом, если полотипичное поведение и психическое своеобразие женщин и мужчин выведено Каптеревым из анатомо-физиологических оснований и жестко с ними увязано, то всякое значительное изменение в полотипичной «надстройке» означало для него фундаментальные сдвиги в основании, т. е. девиацию пола.

В результате биодетерминированная теория женского и мужского психотипов, положенная Каптеревым в основу концептуальных различий женского и мужского образования, сыграла роль научного обоснования и легитимировала разделение школьных предметов на «типично женские» (история, литература, современные языки, музыка, рукоделия, искусства, психология и педагогика) и «типично мужские» (математика, древние языки, естественные науки), ограничение видов деятельности и профессионального образования женщин шестью «природосообразными женскому полу» занятиями.

Размышления П. Ф. Каптерева о специфике женского ума, меньшей расположенности женщины к аналитическому и абстрактному мышлению, занятиям наукой отчасти повторили идеи Руссо, высказанные еще в XVIII в. Но проблема в том, что Каптерев писал об этом в России в конце XIX в., когда наука и люди науки ценились в обществе чрезвычайно высоко. Признав «догоняющий» характер женского ума по отношению к мужскому уму, хотя бы и по причинам социокультурного свойства, на наш взгляд, он невольно упрочил стереотипное восприятие женщин в науке и образовании как «вторичных», «догоняющих».

Методологическим просчетом Каптерева стала подмена понятий в статье «Идеалы женского образования» (1893). Сославшись на мнение, что мужчина и женщина — «это два равноспособные и правоспособные существа, вступающие в свободный союз не ради господства и подчинения, а ради более полной, разносторонней жизни и плодотворной деятельности», он затем пишет: «Эти мысли <...> естественно приводят к предположению, что по душевным свойствам мужчины и женщины *одинаковы*» (курсив мой. — Л. Ш.)» (247). Таким образом, без обсуждения смысловых и методологических различий между понятиями незаметно для читателей и, возможно, для автора произошла смысловая подмена «равны» на «одинаковы», между которыми поставлен знак равенства. И далее внимание автора направлено на доказывание того, что «своеобразие душевного мира женщин, их неодинаковость в душевном отношении с мужчинами не может подлежать никакому сомнению <...> *женщины более отличаются от мужчин во всех отношениях, чем мужчины от мужчин*, анатомо-физиологические особенности женщин обуславливают своеобразные оттенки их мышления, чувствований и характера. Это неизбежный вывод» (курсив мой. — Л. Ш.) (249).

В XX в. этот вывод был подвергнут критике, опровергнут психологами и социологами, которые установили, что индивидуальные различия между представителями одного пола могут значительно превосходить гендерные различия между полами. Кроме того, феминизм всего через полвека поставит на повестку дня вопрос о «равенстве при различиях», сформулирует лозунг «Разные, но равные».

Однако в конце XIX в. психология как наука еще только формировалась, не имела надежных методов исследования, которые соответствовали бы сложности изучаемого объекта. В лекциях и статьях Каптерева встречается немало спорных выводов, которые опровергаются примерами как из современной автору, так и последующей истории. Зачастую аргументы в лекциях Каптерева представляют собой обыденные наблюдения, а не выво-

ды репрезентативных исследований, особенно в вопросе различий между женским и мужским сознанием, умственной деятельностью и пр. (Вопросы глубины и значимости половых различий мозга и 120 лет спустя остались спорными, а выводы — противоречивыми.)

Послание П. Ф. Каптерева современным российским педагогам

Труды П. Ф. Каптерева, посвященные специфике пола в образовании, стали уникальным явлением в истории отечественной педагогики и имеют неограниченное значение. Впервые в педагогике была поставлена задача разработать модель образования, чувствительного к психоспецифике пола, ориентированного на удовлетворение духовных потребностей женщины и всестороннее развитие ее личности, чтобы «будить в ней сознание общности и широкой гуманности» (227).

Существенное отличие концепта «истинно гуманного женского образования» П. Ф. Каптерева от «эстетического» (Ж.-Ж. Руссо) и «утилитарного» (Ф. де Фенелон, И. Г. Кампе) идеалов женского образования XVIII—XIX вв. заключалось в более современном социокультурном понимании женской роли и утверждении эгалитарных отношений между полами. И хотя ответы Каптерева на вопрос о психоспецифике пола носят самый общий, методологический характер, постановка вопроса о необходимости выявления и учета специфики пола в образовании не утратила своего значения и гуманистической направленности. Более того, значительная часть идей Каптерева о принципах и факторах учета пола в образовании, на наш взгляд, так и остались либо не услышаны, либо не востребованы. К их числу относятся: принцип «гигиеничности» и задача синхронизации периодов в физическом и половом развитии школьников с учебной нагрузкой и условиями школьной среды; задача подготовки учащихся (как девочек, так и мальчиков) к важнейшей жизненной функции — родительству и др. Многие критические замечания ученого, адресованные образованию рубежа XIX—XX вв., поразительно актуальны для современной школы (перегруженность учебного плана, пренебрежение здоровьем и личностью учащегося, ранняя специализация, формализм и др.).

Тем не менее, при всех ранее указанных достоинствах, концепция «гуманного женского образования», разработанная П. Ф. Каптеревым в конце XIX в., в неизменном виде в современных условиях неприемлема. Она требует переосмысления с точки зрения исследований вопроса пола в общественных и гуманитарных науках XX в. и, разумеется, учета реальных изменений гендерных отношений в российском обществе, целей и задач школьного образования в постиндустриальном мире.

Наиболее важным методологическим посланием П. Ф. Каптерева российским педагогам XXI в., по нашему мнению, является, во-первых, принципиальный пример вдумчивого подхода к разработке вопроса пола в образовании, во-вторых — пожелание «поскорее освободиться от гнета всяких преданий и предрассудков» (105) как в вопросах «специфики пола» в целом, так и при «учете специфики пола в образовании» в частности.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

ББК 60.524.224.67:60.542.2

Е. А. Мокеева

ПРОБЛЕМЫ ОТБОРА ТЕМ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В процессе жизнедеятельности общество сталкивается со множеством нерешенных социальных проблем, которые оказывают отрицательное воздействие на отдельные группы людей или на общество в целом, вызывают тревогу или препятствуют реализации групповых интересов.

Решение социальных проблем, привлечение общественного внимания к тем или иным социальным ситуациям, позитивным или негативным, зависит от характера включенности их в повестку дня в области социальной политики государства, СМИ, рекламы, а также от наличия общественной обеспокоенности их состоянием. Современное общество, по мнению ученых, становится «обществом рекламы» (или «рекламной цивилизацией») [3, с. 96]. Из коммерческой рекламы постепенно начал выделяться такой ее подтип, как социальная реклама, являющаяся в настоящий момент самостоятельной отраслью практики и научной деятельности.

Единого и однозначного понимания социальной рекламы не существует. Во многих работах из рассмотренных нами в ходе данного исследования социальная реклама рассматривается как одна из необходимых составляющих социальной политики в отношении тех или иных социальных проблем, инструмент управления социальными процессами (Г. Г. Николайшвили, В. В. Ученова и Н. В. Старых, У. Ю. Потапова, Р. В. Крупнов, А. Б. Белянин и др.) [5, 9, 6, 4, 1].

Л. Н. Федотова, М. А. Доронина, подчеркивая культурно-специфичный, коммуникационный и некоммерческий характер этого явления, отмечают как отличительную особенность социальной рекламы наличие максимально эксплицитно, явственно выраженной идеи существования благовидного и/или благовидного поступка и ценностной основы [10, 2].

Анализируя имеющиеся определения данной разновидности рекламной коммуникации, можно дать следующее определение социальной рекламы в широком смысле слова: это разновидность рекламной коммуникации, носящая преимущественно некоммерческий характер, направленная на привлечение общественного внимания к тем или иным позитивным либо негативным социальным тенденциям с целью актуализировать их значимость в глазах общества.

Таким образом, прямая цель социальной рекламы — актуализировать социальные проблемы, привлекая к ним внимание общества, не навязывая свою точку зрения (как в пропаганде), а предлагая возможные модели поведения. В ее основе лежат ценности, разделяемые большей частью общества. На фоне высокого психоэмоционального напряжения населения, влияющего в том числе на здоровье, именно социальная реклама может способствовать адаптации общества и отдельных его групп к изменяющимся социально-экономическим условиям.

В научной литературе выделяют такие разновидности социальной рекламы, как некоммерческая, общественная, государственная и собственно социальная [5, с. 11]. При этом важным, на наш взгляд, представляется развести понятия государственной и социальной рекламы в прямом смысле слова. Под государственной рекламой понимают рекламу государственных институтов (армия, военно-воздушные силы, налоговая полиция и др.) и продвижение их интересов [там же].

Исследователи отмечают, что в идеале социальная реклама всегда вне политики, провозглашает общечеловеческие ценности, не имеет в своей основе экономическую или политическую выгоду. Именно обществу должна принадлежать решающая роль в отборе тем для социальной рекламы. Существует мнение, что, когда заказчиком социальной рекламы выступает государство, она воспринимается как «руководство к действию, как пропагандистский текст» [12].

На практике же в российском информационном пространстве преобладает, как правило, реклама государственных институтов. Заказчик определяет тематику социальной рекламной кампании. Постепенно все больше и больше в социальную рекламу вовлекается и общество, как на этапе тестирования рекламного продукта, так и в процессе его создания.

Исходя из основополагающей характеристики социальной рекламы, связанной с тем, что она представляет интересы общества и «пропагандирует» общезначимые социальные ценности, является очевидным то, что основные усилия по установлению приоритетных проблем должны осуществляться даже не государственными структурами, а именно обществом. По результатам опроса, проведенного на сайте Socreklama.ru, посвященном российской социальной рекламе, из 895 ответивших 34 % указали на то, что заказчиком социальной рекламы должны выступать государственные структуры и только 9 % и 10 % респондентов отметили в качестве заказчиков рекламы некоммерческие организации и бизнес-структуры соответственно. При этом 55 % опрошенных полагают, что заказывать социальную рекламу в разной степени должны все из вышеперечисленных структур [12]. Небольшой процент выбравших некоммерческие организации в качестве должного заказчика социальной рекламы говорит о малой представленности в структуре ее заказчиков некоммерческих организаций и общественных движений, а также о том, что она воспринимается обществом как компонент государственной социальной политики. Однако большая часть опрошенных придерживаются мнения о том, что в разработке социальной рекламы, отборе тем, размещении рекламы на средствах распространения информации должны участвовать наряду с государственными структурами также общественные организации и коммерческие фирмы. Признавая роль государственного регулирования размещения социальной рекламы и необходимость финансирования со стороны коммерческих организаций, боль-

Первая публикация

шинство опрошенных полагают, что население должно играть решающую роль в выборе тематики социальной рекламы. Таким образом, население под социальной рекламой понимает объединенные усилия государственной власти, бизнес-структур и общества в целом по сглаживанию негативных социальных процессов, угрожающих жизнедеятельности всего социума.

Для изучения представленности и принципов отбора социальных проблем в социальной рекламе на примере Ивановского региона нами был проведен контент-анализ объектов наружной рекламы за 2007 г. (щиты размером 3 × 6 м, размещенные на улицах г. Иванова). При выборе исследуемого канала информации мы исходили из того, что именно наружная реклама имеет перспективы дальнейшего развития социальной рекламы в силу ее доступности, охвата больших аудиторий, а также отсутствия к ней у общественности, по сравнению с телевизионной рекламой, раздражения. Наружная реклама, являясь элементом окружающей нас городской среды, носит нейтральный характер и имеет не такой сильный эффект навязывания «товара», как телевизионная реклама, поэтому не вызывает столь негативного отношения к себе. Отметим, что в исследованный период основными государственными приоритетными направлениями в области развития социальной рекламы Экспертным советом по развитию социальной рекламы в Ивановской области были определены следующие: утверждение семейных ценностей; создание позитивного образа Ивановской области как субъекта Российской Федерации; поддержание чистоты и благоустройства Ивановской области.

В качестве единиц подсчета использовалось количество рекламного материала, название рекламной акции, а также количество дней размещения материала. Всего было проанализировано 187 объектов наружной социальной рекламы. Данные представлены нами в таблице.

Размещение наружной рекламы на щитах размером 3 × 6 м в г. Иванове

Мероприятие	Заказчик	Количество рекламного материала	Количество дней размещения в течение года
1	2	3	4
Предупреждение пожаров из-за детской шалости	МЧС	4	365
Предупреждение пожаров из-за неосторожного применения электробытовых приборов, газового и печного отопления	То же	4	227
Безопасность движения на дороге	УВД и ГИБДД	3	365
«Чистый город»	Комитет по охране окружающей среды, Управление благоустройства города	3	365
«Чистый автомобиль — чистый город»	То же	3	365

Продолжение табл.

1	2	3	4
Защита детства	Управление по делам наружной рекламы	3	365
Социальный оптимизм и гармония отношений	То же	2	365
Национальный проект «Вакцинация против гепатита В»	Управление здравоохранения	2	365
Предупреждение несчастных случаев на тонком льду (рыбаки, дети)	МЧС	4	77
Предупреждение об опасности на воде	То же	16	104
Легализация доходов предприятий	УМНС	1	92
«Налоги, которые ты не заплатил, — это город, которого ты не увидел»	То же	1	61
Поддержка декларационной кампании	»	2	90
Акция по разъяснению социальной значимости уплаты налогов	»	1	61
Акция антинаркотической направленности	УВД, Комитет по делам молодежи, Управление здравоохранения	2	365
Акция антиалкогольной направленности	УВД, Управление здравоохранения	2	365
Акция антитабачной направленности	УВД, Комитет по делам молодежи, Управление здравоохранения	2	365
«Я выбираю службу в МВД»	УВД	2	183
Акция по предотвращению уличных краж и грабежей	То же	1	184
День знаний	Управление образования	3	15
День учителя	То же	10	14
Борьба со СПИДом	Управление образования, Комитет по делам молодежи	3	200
«Оплати вовремя коммунальные услуги!»	МПЖХ	2	365
«Мы любим свой двор и дом»	То же	2	365

Первая публикация

Окончание табл.

1	2	3	4
Спортивно-оздоровительная программа «Президентские соревнования»	Комитет по физкультуре и спорту	2	12
Всероссийские соревнования на призы клуба «Кожаный мяч»	То же	2	15
Новогодние праздники	Управление по делам наружной рекламы	24	30
День матери	То же	3	10
Декада пожилых людей	»	3	21
В поддержку детей-сирот	»	3	21
День Победы	»	20	21
День города	»	22	17
День защитника Отечества	»	3	14
Международный женский день	»	3	14
День образования службы ГИБДД (2006 г. — 70 лет)	ГИБДД	4	31
«Внимание — дети!»	То же	3	61
«Автобус»	»	3	30
«Дарите людям добро!»	Комитет по делам молодежи	4	8
День российского студенчества	То же	5	15
Привлечение подростков к работе в трудовых отрядах по благоустройству города	»	5	93

Таким образом, проблемы, которые были затронуты в 2007 г. в Ивановском регионе с помощью социальной наружной рекламы, были определены следующими заказчиками: Управлением по делам наружной рекламы (46 %), МЧС (15 % от общего количества материала), Управлением образования (8,5 %), Комитетом по делам молодежи (7,4 %), ГИБДД (5,3 %), УВД (4,8 %), УМНС (2,6 %), Комитетом по охране окружающей среды и Управлением благоустройства города (3,2 %), МПЖХ (2,1 %), Комитетом по физкультуре и спорту (2,1 %), Управлением здравоохранения (1 %) и др.

На основании проведенного контент-анализа можно сделать вывод о том, что заказчиками социальной рекламы, а значит определяющими ее темы, являются преимущественно те или иные *государственные структуры*. Основные направления тем устанавливаются в соответствии с региональной политикой. Поэтому здесь уместнее было бы говорить не о социальной рекламе в чистом виде, а о такой ее разновидности, как государственная реклама.

Для сравнения: в 2010 г. приоритетными темами региональной социальной рекламы стали темы, посвященные Году учителя в РФ, Году образования в Ивановской области, созданию доступной среды для людей с ограниченными возможностями, празднованию 65-летия Победы в Великой Отечественной

войне и 600-летия г. Плеса. Выбор тем говорит о том, что в настоящее время возможности социальной рекламы активно используются как часть государственной политики по укреплению имиджа региона. В течение последних 5 лет на уровне региона стала развиваться и социальная реклама в чистом виде: постепенно общественные организации наряду с государственными структурами также стали выступать в качестве заказчика социальной рекламы, определяя ее тематику. Но социальная реклама как отражение общественных интересов еще нуждается в развитии.

В 2008 г. с целью изучения эффективности влияния социальной рекламы на человека нами методом анкетирования было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 120 жителей г. Иванова разных возрастных категорий. Среди опрошенных 50 % — женщины, 50 % — мужчины. При ответе на вопрос: «Сможете ли Вы вспомнить какую-либо социальную рекламу в г. Иванове?» — только 36,6 % ответили положительно, при этом не смогли вспомнить и привести пример социальной рекламы 45,5 %. Положительно ответившие назвали следующие проблемы, которые затрагивала социальная реклама: безопасный секс, наркотики, алкоголь, СПИД; в основном респонденты указали, что это была телевизионная реклама. Несколько человек указали на наружную рекламу, затрагивающую такие проблемы, как безопасность дорожного движения, детей-сирот. Остальные проблемы, которые были отражены в региональном информационном пространстве с помощью телевидения и наружной рекламы, респондентами замечены не были, возможно, в силу отсутствия интереса к ним и несформированности общественного мнения в отношении этих вопросов. Также причинами низкой информированности населения о проводимых социальных акциях и их тематике могли стать недостаточное количество упоминаний на различных носителях рекламы каждой из заявленных тем, неучет общественных интересов при определении круга проблем, а также неправильный выбор места и средства расположения социальной рекламы.

Среди опрошенных 20,6 % отметили, что информация, полученная благодаря социальной рекламе, повлияла на их поведение. Из них 9 % указали на то, что стали использовать контрацептивы, 34 % — соблюдать чистоту на улицах, 14 % ответивших вышли на субботник, столько же — внесли пожертвования в благотворительный фонд, 5 % стали более внимательными на дорогах.

Многие из существующих злободневных проблем, которые угрожают благополучию населения в целом, не затрагиваются или мало освещаются в информационном пространстве СМИ, социальной рекламы. На уровне региона практически отсутствует информация на такие темы, как домашнее насилие, аборт, суициды, алкоголизм и др. А между тем данные проблемы, с учетом регионального аспекта, являются также актуальными. К примеру, в структуре смертей населения Ивановской области от неестественных причин суициды занимают 1-е место, что может быть связано с высоким психоэмоциональным напряжением, которое испытывает население в связи с неготовностью к изменяющимся социально-экономическим процессам в регионе и отсутствием общего положительного фона, которым и может выступать социальная реклама.

На наш взгляд, не меньшего внимания со стороны СМИ и социальной рекламы заслуживает проблема абортов, имеющая гендерную специфику. Не-

смотря на наблюдающуюся за последние 15 лет в России тенденцию сокращения числа аборт (с 72,8 % на 1000 женщин в возрасте 15—49 лет в 1995 г. до 54,2 % на 1000 женщин в 2000 г., до 47,0 % — в 2003 г. и 38,0 % — в 2007 г.), на фоне низкой контрацептивной культуры и превышения количества аборт над числом рождений эта проблема по-прежнему не утратила своей актуальности [8, с. 268]. Кроме того, исследователи считают, что сокращение общего количества аборт, отраженное статистикой, произошло за счет медицинских легальных аборт, при этом трудно оценить уровень нелегальных, а также сделанных в частных клиниках. Печально обстоят дела с уровнем использования современных методов контрацепции, повышение которого напрямую связано со снижением распространенности аборт в стране. По данным Министерства здравоохранения и социального развития России, менее 25 % женщин репродуктивного возраста используют современные методы контрацепции [7, с. 57]. Среди подростков эта цифра значительно ниже.

Как уже было замечено, уменьшившееся количество аборт все еще превышает количество рожденных детей. Так, в 1995 г. на 100 родов приходилось 202,6 аборт, в 2006 г. — 107,2 [8, с. 268]. Каждый 10-й аборт в стране производится в подростковом возрасте, что свидетельствует о недостаточной информационной и профилактической работе с подростками [7, с. 69]. В условиях общего социально-экономического кризиса, по информации www.newsru.com, только с января по март 2009 г. число запросов в поисковых системах на слово «аборт» возросло в 10 раз [11].

Отдельной проблемой является раннее вступление в половые связи, что на фоне низкой контрацептивной и медицинской культуры населения приводит к печальным последствиям: незапланированной беременности, росту числа аборт, венерических заболеваний, бесплодия и к ухудшению демографической ситуации в целом.

Пропагандой сохранения жизни ребенка на уровне региона активно занимается общественная организация «Колыбель», которая обращается в том числе и к возможностям социальной рекламы. Однако проблемы аборт и контрацепции недостаточно освещаются в региональной социальной рекламе, СМИ, а уровень использования современных методов контрацепции остается крайне низким, что в свою очередь неблагоприятно сказывается на здоровье граждан.

Большое влияние на характер представления данной проблематики оказывают гендерные стереотипы. Проблема аборт, а зачастую и тесно связанная с ней проблема контрацепции в СМИ, рекламе представляются как сугубо женские вопросы, при решении которых именно на женщину, а не на обоих партнеров возлагается ответственность, в чем находит отражение и позиция Русской православной церкви.

Аборты, недостаток контрацептивной культуры, домашнее насилие и многие другие проблемы, имеющие гендерный характер, затрагивают интересы всего общества, оказывая крайне негативное влияние на его благополучие, а потому в равной степени заслуживают места в информационном пространстве социальной рекламы, призванной соблюдать ценностный консенсус общества.

Библиографический список

1. *Белянин А. Б.* Социальная реклама как коммуникативный ресурс управления : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 23 с.
2. *Доронина М. А.* Социальная реклама как феномен культурной коммуникации : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 21 с.
3. *Ильясов Ф. Н.* Возможен ли переход от конкуренции рекламы к конкуренции качества // СОЦИС. 2009. № 7. С. 95—101.
4. *Крупнов Р. В.* Социальная реклама как инструмент управления социальными процессами : дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 167 с.
5. *Николайшвили Г. Г.* Социальная реклама: теория и практика. М. : Виртуальная галерея, 2006. 200 с.
6. *Потапова У. Ю.* Социальная реклама: эффективность функционирования в социальной коммуникации российского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2006. 22 с.
7. Репродуктивное поведение и здоровье населения / М. В. Кулигина, Т. П. Васильева, О. В. Кулигин, О. Е. Коновалов, И. К. Богатова, А. А. Шевелева ; под ред. Л. В. Посисеевой. Иваново : Иваново, 2008. 240 с.
8. Российский статистический ежегодник, 2008 : стат. сб. М. : Росстат, 2008. 847 с.
9. *Ученова В. В., Старых Н. В.* История рекламы, или Метаморфозы рекламного образа. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 1999. 336 с.
10. *Федотова Л. Н.* Реклама в коммуникационном процессе. М. : Камерон, 2005. 463 с.
11. URL: <http://www.newsru.com/russia/03mar2009/abortions.html> (дата обращения: 25.01.2010).
12. URL: <http://www.socreklama.ru> (дата обращения: 25.01.2010).

Аннотации

Пушкарев Л. Н. Песни «данцигских полонянок» (Из воспоминаний фольклориста-фронтовика)

Представлены фрагменты случайно сохранившихся дневников и песенников молодых женщин, угнанных во время Великой Отечественной войны в Германию и заключенных в концентрационном лагере под Данцигом (Польша). Автор считает необходимым сохранение этого, еще одного, факта женского фольклора, свидетельств тех, кто пережил страдания в фашистском плену.

Ключевые слова: женская история, устная женская история, женский социальный опыт, фольклор, повседневность, Великая Отечественная война.

Королева Л. А., Королев А. А. Российская мусульманка-татарка: из советского прошлого, 1940—1980-е гг. (По материалам Среднего Поволжья)

Анализируются положение и роль мусульманской женщины-татарки в советском обществе, «модернизация» ислама в отношении женщины в 1940—1980-х гг. на примере Среднего Поволжья.

Ключевые слова: СССР, ислам, мусульманка-татарка, Среднее Поволжье.

Ярская-Смирнова Е. Р. «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской семейной политики

Осуществляется критический анализ постсоветского этапа истории отечественной семейной политики. Речь идет о риторике политических документов, ценностно-символических аспектах семейной политики, некоторых ее инструментально-прагматических сторонах. Обсуждается вклад социальной защиты в формирование культурных измерений социальной дифференциации, в частности в конструирование «неблагополучных семей» как клиентов социальной работы. Рассматривается роль, которая исполняется культурой социальных служб и СМИ в создании идентичности «неблагополучных» среди «малоимущих». Анализ основан на данных интервью и критическом прочтении официальных документов и релевантных публикаций.

Ключевые слова: семейная политика, «неблагополучные семьи», социальные службы, дискурс социальной защиты, рождаемость, демография.

Чернова Ж. В. «Демографический резерв»: молодая семья как объект государственной политики

Статья посвящена анализу категории «молодая семья», используемой в официальном и академическом дискурсах. Рассматривается специфика представления концепта «молодая семья» и связанной с ним проблематики в документах по семейной политике и социологической литературе.

Ключевые слова: молодая семья, семейная политика, советская модель семейной политики, современная российская семейная политика, демографический кризис, молодежная семейная политика, второй демографический переход, родительство.

Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматанова Г. Л. Положение женщин-инвалидов в Российской империи в XVII — начале XX в.

Исследуется положение женщин-инвалидов в российском социуме в XVII — начале XX в. Используются исторические источники и местные материалы по Ярославлю и Ярославскому краю в целом. Рассмотрена динамика общественного призрения женщин-инвалидов.

Ключевые слова: женщина-инвалид, общественное призрение, богадельня, социальные нужды, попечительство, приказы общественного призрения.

Цалко Е. О., Рябова Т. Б. Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов (По результатам социологического исследования)

Статья посвящена роли гендерного дискурса в коллективной идентичности; авторы, используя материалы анкетных опросов, анализируют функции образов мужчин и женщин в конструировании символической границы между Европой и Россией, а также внутри Европы.

Ключевые слова: национальная идентичность, гендерный дискурс, русскость, европейскость, символические границы.

Сауляк Е. В. Сегментирование рынка труда с позиции гендерных различий в оплате труда

Статья содержит оригинальный вариант сегментации рынка труда. Автор использует два критерия: уровень гендерного разрыва в оплате труда, гендерную принадлежность отраслей экономики.

Ключевые слова: сегментирование рынка труда, сегмент рынка труда, гендерный разрыв в оплате труда.

Уралова С. В. Международные индикаторы в оценке гендерного неравенства

Рассмотрены различные интегрированные гендерные индикаторы (индексы), рейтинги стран по этим индексам, отражающим динамику экономических, политических и социальных процессов.

Ключевые слова: гендерные индикаторы, индекс гендерного неравенства, гендерный баланс.

Птицына Н. А., Зубарева Л. В. Гендерные аспекты аддиктивного поведения в студенческой среде

Рассматриваются гендерные особенности аддиктивного поведения студентов. На основе специальной научной литературы и эмпирических данных выявляются основные причины употребления алкоголя юношами и девушками, определяются условия, способствующие повышению эффективности работы по предупреждению алкогольной аддикции в студенческой среде.

Ключевые слова: аддикция, аддиктивное поведение, гендерные особенности, профилактика алкогольной аддикции.

Штылева Л. В. Гендерные штудии русской педагогики XIX в.: проект «вполне гуманного женского образования» П. Ф. Каптерева

Рассматривается пример концептуализации вопроса пола в русской педагогике XIX в. Проанализированы методологические и теоретические аспекты педагогическо-

го проекта «вполне гуманного женского образования» П. Ф. Каптерева, оценивается его актуальность с точки зрения потребностей современной российской школы.

Ключевые слова: концептуализация вопроса пола в русской педагогике, психоспецифика пола в образовании, гендерно чувствительное образование, женское образование.

Мокеева Е. А. Проблемы отбора тем в социальной рекламе: гендерный аспект

Представлены некоторые результаты исследования, проведенного с целью изучения принципов отбора проблем в социальной рекламе. Обособлены и конкретизированы понятия государственной и социальной рекламы. Рассмотрены гендерные аспекты социальной рекламы на примере проблемы аборт.

Ключевые слова: социальная реклама, государственная реклама, социальные проблемы, проблема аборт, предупреждение беременности, наружная реклама.

Summaries

Pushkarev L. N. The songs of Danzig's prisoners

In the article fragments luckily remaining diaries and songsters of young women dra-gooned for a work crew during the Great Patriotic War in Germany and prisoned in concen-tration camp near Danzig (Poland) are presented. The author supposes it's necessary to pre-serve this evidence of «female folklore», a life artifact of those who went through sufferings of a fascist captivity.

Key words: women history, oral women history, women social experience, folklore, everyday life, Great Patriotic War.

Koroljeva L. A., Koroljev A. A. The Russian Moslem-Tatar: from Soviet past, 1940—1980th (On materials of the Central Volga region)

In article position and a role of the Moslem woman-Tatar in the Soviet society, «mo-dernization» of Islam concerning the woman in 1940—1980th on an example of the Central Volga region are analyzed.

Key words: USSR, Islam, the Moslem-Tatar, Central Volga region.

Iarskaia-Smirnova E. R. «Yes-yes, I remember you! You are our unfortu-nate family!» Discourse formation of contemporary family policy in Russia

The article is devoted to the critical analysis of post-Soviet stage of the national family policy. The rhetoric of official political documents is considered, to study symbolic aspects of family policy and its instrumental sides. The contribution of social security into the social dif-ferentiation is discussed, including such an effect as constructing so called «unfortunate fami-lies» as social work clients. The role of social services in creation of identity of «unfortunate» among the low income household is considered. The analysis is based on the data of interviews and critical overview of discourses in official documents and relevant publications.

Key words: family policy, «unfortunate families», social services, discourse of social welfare, fertility, demography.

Chernova Zh. V. «Demographical reserve»: young family as an object of state policy

The purpose of the paper is to analyze a concept «young family» presented in official and academic discourse. The main question of the paper is how the concept «young family» is constructed in Soviet and Post-Soviet family policy, what social problems are connected with it. The paper also discusses how family practices of development western countries can be compared with contemporary Russian family policy.

Key words: young family, family policy, Soviet model of family policy, contemporary Russian family policy, demographic crisis, youth family policy, the second demographic transition, parenthood.

Marasanova V. M., Albegova I. F., Shamatonova G. L. Position of disabled women in the Russian Empire in XVII — the beginning of XX century

The issue concerning the position of disabled women in Russian society in the XVII — the beginning of XX century is studied, the historical sources and local materials of Yaroslavl region as a whole and of the city of Yaroslavl are used.

Key words: disabled women, almshouse, social needs, guardianship.

Tzalko E. O., Riabova T. B. Russianness and Europeanness through the lenses of gender markers (On the base of sociological survey)

The article examines how gender discourse participates in constructing collective identity. Basing on the results of surveys the authors analyze the functions of the images of men and women in producing symbolic borders between Russianness and Europeanness as well as within Europeanness.

Key words: national identity, gender discourse, Russianness, Europeanness, symbolic borders.

Saulyak E. V. Gender wage gap as a foundation of segmentation of labour market

The article considers the notion of segmentation of labour market. The author uses two figures: gender wage gap, gender colour of branch of economy.

Key words: Segmentation of labour market, Segment of labour market, Gender wage gap.

Uralova S. V. International indicators in an estimation of a gender inequality

The article explores the different gender indicators (indexes), ratings of the countries according to these indexes. The comparative analysis, as among themselves, and depending on other indicators reflecting the dynamics of economic, political and social processes is carried out.

Key words: gender indicators, an index of a gender inequality, gender balance.

Ptitsina N. A., Zubareva L. V. Gender aspects of addictive behaviour among students

The article deals with gender aspects of students' addictive behaviour. The study of previously published research and our own empirical data make it possible to identify main causes leading to excessive alcohol consumption by young people. We also specify conditions resulting in the increase of alcohol addiction prevention work among students.

Key words: addiction, addictive behaviour, gender aspects, prevention of alcohol addiction.

Shtyleva L. V. Gender studies in Russian pedagogy of the XIX century: P. Kapterev's pedagogic project of «quite humane women education»

The article explores the example of conceptualization of «sex issue» in Russian pedagogy of the XIX century. The methodological and theoretical aspects of P. Kapterev's pedagogic project of «quite humane women education» are analyzed, the project's urgency in respect to the needs of modern Russian school is estimated.

Key words: conceptualization of «sex issue» in Russian pedagogy, psychospecificity of gender in education, gender-sensitive education, women education.

Mokeeva E. A. Selection teams problems in social advertising: gender aspect

The present article contains some results of our research conducted for the purpose of studying of principles of selection of problems in social advertising are presented. Concepts of the state and social advertising are isolated and concretized. Gender aspects of social advertising on an example of a problem of abortions are considered.

Key words: social advertising, governmental advertising, social problems, the problems of abortions and simple reproduction of population, contraception, outdoor advertising.

Авторы номера

- АЛБЕГОВА**
Ирина Федоровна доктор социологических наук, профессор,
зав. кафедрой социальных технологий,
Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова.
E-mail: alba50@yandex.ru
- ЗУБАРЕВА**
Любовь Витальевна соискатель кафедры социальной работы
и прикладной социологии,
Ивановский государственный университет.
E-mail: zulubov@mail.ru
- КОРОЛЕВ**
Алексей Александрович доктор исторических наук,
доцент кафедры истории,
Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства.
E-mail: sansan@pnz.ru
- КОРОЛЕВА**
Лариса Александровна доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой истории,
Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства.
E-mail: sansan@pnz.ru
- МАРАСАНОВА**
Виктория Михайловна доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой музеологии и краеведения,
Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова.
E-mail: alba50@yandex.ru
- МОКЕЕВА**
Елена Александровна аспирантка кафедры социальной работы
и прикладной социологии,
Ивановский государственный университет.
E-mail: el_a_mo@mail.ru
- ПТИЦЫНА**
Наталья Алексеевна кандидат педагогических наук, доцент кафедры
социальной работы и прикладной социологии,
Ивановский государственный университет.
E-mail: napticyna@yandex.ru
- ПУШКАРЕВ**
Лев
Николаевич доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник-консультант,
Институт российской истории РАН (Москва).
E-mail: pushkarev@mail.ru

РЯБОВА Татьяна Борисовна	кандидат исторических наук, доцент кафедры общей социологии и феминологии, Ивановский государственный университет. E-mail: riabova2001@inbox.ru
САУЛЯК Елена Васильевна	кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры прикладных экономических дисциплин, Орловский государственный университет. E-mail: esulyak@mail.ru
УРАЛОВА Светлана Валентиновна	соискатель кафедры истории, философии и социальных наук, Иркутский государственный лингвистический университет. E-mail: uralova@inbox.ru
ЦАЛКО Екатерина Олеговна	аспирантка кафедры общей социологии и феминологии, Ивановский государственный университет. E-mail: vorontsova_kate@mail.ru
ЧЕРНОВА Жанна Владимировна	кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, ГУ-ВШЭ (Санкт-Петербург). E-mail: nota@eu.spb.ru
ШАМАТОНОВА Галина Леонидовна	кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. E-mail: gshamatonova@mail.ru
ШТЫЛЕВА Любовь Васильевна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогических технологий и педагогического проектирования, Мурманский государственный педагогический университет. E-mail: lyubov_shtyleva@yandex.ru
ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна	доктор социологических наук, профессор, ГУ-ВШЭ (Москва). E-mail: elena.iarskaia@socpolicy.ru

С о д е р ж а н и е

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

- Пушкарев Л. Н.** Песни «данцигских полонянок» (Из воспоминаний фольклориста-фронтовика) 3
- Королева Л. А., Королев А. А.** Российская мусульманка-татарка: из советского прошлого, 1940—1980-е гг. (По материалам Среднего Поволжья) 9

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

- Ярская-Смирнова Е. Р.** «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской семейной политики 14
- Чернова Ж. В.** «Демографический резерв»: молодая семья как объект государственной политики 26
- Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л.** Положение женщин-инвалидов в Российской империи в XVII — начале XX в. 39

СОЦИОЛОГИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Цалко Е. О., Рябова Т. Б.** Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов (По результатам социологического исследования) 57
- Сауляк Е. В.** Сегментирование рынка труда с позиции гендерных различий в оплате труда..... 66
- Уралова С. В.** Международные индикаторы в оценке гендерного неравенства 71
- Птицына Н. А., Зубарева Л. В.** Гендерные аспекты аддиктивного поведения в студенческой среде 80

ГЕНДЕР И ОБРАЗОВАНИЕ

- Штылева Л. В.** Гендерные штудии русской педагогики XIX в.: проект «вполне гуманного женского образования» П. Ф. Каптерева 93

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

- Мокуева Е. А.** Проблемы отбора тем в социальной рекламе: гендерный аспект 103
- Аннотации* 111
- Авторы номера* 116

Contents

PROBLEMS OF WOMEN'S AND GENDER HISTORY

- Pushkarev L. N.** The songs of Danzig's prisoners 3
- Koroljeva L. A., Koroljev A. A.** The Russian Moslem-Tatar: from Soviet past, 1940—1980th (On materials of the Central Volga region) 9

GENDER ASPECTS OF SOCIAL POLITICS

- Iarskaia-Smirnova E. R.** «Yes-yes, I remember you! You are our unfortunate family!»
Discourse formation of contemporary family policy in Russia 14
- Chernova Zh. V.** «Demographical reserve»: young family as an object of state policy 26
- Marasanova V. M., Albegova I. F., Shamatonova G. L.** Position of disabled women
in the Russian Empire in XVII — the beginning of XX century 39

SOCIOLOGY OF GENDER RELATIONS

- Tzalko E. O., Riabova T. B.** Russianness and Europeanness through the lenses of
gender markers (On the base of sociological survey) 57
- Saulyak E. V.** Gender wage gap as a foundation of segmentation of labour market 66
- Uralova S. V.** International indicators in an estimation of a gender inequality 71
- Ptitsina N. A., Zubareva L. V.** Gender aspects of addictive behaviour among students 80

GENDER AND EDUCATION

- Shtyleva L. V.** Gender studies in Russian pedagogy of the XIX century:
P. Kapterev's pedagogic project of «quite humane women education» 93

DEBUT PUBLICATION

- Mokeyeva E. A.** Selection teams problems in social advertising: gender aspect 103
- Summaries* 114
- Authors of the issue* 116

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Приглашаем вас на сайт журнала (www.womaninrussia.ru), на форуме которого можно принять участие в обсуждении направлений издания и проблематики статей.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

*С уважением
главный редактор журнала*

*«Женщина в российском обществе»,
доктор исторических наук, профессор **О. А. Хасбулатова***

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Объем научных статей — 0,5—1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК, ББК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы (к каждому пункту списка должен быть отсыл в тексте). Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Все материалы публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (55) — 2010

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *О. В. Боронина*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 09.06.2010 г. Формат 70x108 ¹/₁₆
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 10,7. Уч.-изд. л. 7,9. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона»). 153002 Иваново, пр. Ленина, 47